

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 19 № 12 (169) декабрь 2024

В НОМЕРЕ:

Синюков В. Н., Синюков С. В.

Цивилизационная природа
европейской правовой культуры

Черных Н. В., Воронцов Д. И.

Перспективы совершенствования трудового
законодательства и законодательства об охране труда
при осуществлении роботизации производства

Перепелица М. А.

Значение финансовых институтов БРИКС
на этапе формирования альтернативной
денежно-кредитной системы

LEX RUSSICA

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Том 19 № 12 (169) ДЕКАБРЬ 2024

Ежемесячный научный журнал.
Издается как СМИ с 2006 г.

РОССИЙСКОГО ПРАВА

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.

Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).

Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИННИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета, директор Института права БРИКС.

Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).

Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».

Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.

Почтовый адрес: Рашипилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.

Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права Государственного университета по землеустройству.

Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).

Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке.

Почтовый адрес: пр-т Ленина, д. 32/27, г. Екатеринбург, Россия, 620075.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия.

Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.

Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).

Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кухановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.

Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи
по научным специальностям
группы 5.1 «Право»
(юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://aprp.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11178
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет 25.12.2024
Объем 22,32 усл. печ. л., формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, А. В. Савкина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

ACTUAL PROBLEMS

Monthly scientific journal.
Published media since 2006

Vol. 19 № 12 (169) DECEMBER 2024

OF RUSSIAN LAW

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenska, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Land Law of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Medical Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).
Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District (emeritus), Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.
Mailing address: prosp. Lenina, d. 32/27, Ekaterinburg, Russia, 620075.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice.
Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.
Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technology of the Saratov State Law Academy.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 104, b. 3, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).
Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.
Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. F577-25128

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

25.12.2024
Volume: 22.32 conventional printer's sheets, format 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, A. V. Savkina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Содержание

ТЕОРИЯ ПРАВА

- Синюков В. Н., Синюков С. В.** Цивилизационная природа европейской правовой культуры 11
- Липень Н. С.** О совершенствовании правового регулирования оспаривания нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами 25

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Перепелица М. А.** Значение финансовых институтов БРИКС на этапе формирования альтернативной денежно-кредитной системы 32

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- Кравец В. Д.** Институты развития и технологические холдинги: проблемы и перспективы взаимодействия 40
- Аюшеева И. З.** Гражданско-правовой режим объектов метавселенной, виртуальной и дополненной реальности 48

ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Латынцев А. В.** Принципы биоэтики как нетрадиционные источники права интеллектуальной собственности 57

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

- Черных Н. В., Воронцов Д. И.** Перспективы совершенствования трудового законодательства и законодательства об охране труда при осуществлении роботизации производства 68

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

- Петраков А. Ю.** Совершенствование правового положения малых инновационных предприятий 81

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- Антонченко В. В.** Аксиология уголовного права как метод рациональной криминализации 91
- Гончарова В. А.** Проблемы обеспечения межотраслевого терминологического единообразия при определении правового режима конфискации 107
- Алексеева Т. С.** Ложная информация в уголовном праве: категории заведомой ложности и недостоверности 120

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Вилкова Т. Ю., Максимова Т. Ю., Ничипоренко А. А.** Перспективы развития
уголовного судопроизводства в условиях цифровизации общества и государства 132

ИНТЕГРАЦИОННОЕ ПРАВО

- Бронякина Е. О.** Формирование института наднационального
коммерческого арбитража для рассмотрения споров
по заявлениям хозяйствующих субъектов
в рамках Евразийского экономического союза 142
- Артеменко Т. Д.** Правотворчество Евразийской экономической комиссии
как одна из основ развития интеграционных процессов в ЕАЭС 152

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Цепилов А. Е., Жолобова И. М.** Личный досмотр: проблемы и пути решения 164

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

- Киселев А. Н.** Эколого-правовой аспект развития
возобновляемой энергетики в сельском хозяйстве 172
- Ильменева В. А.** Порядок классификации отходов производства
и потребления и побочных продуктов производства: проблемы разграничения 180

Contents

THEORY OF LAW

- Sinyukov V. N., Sinyukov S. V.** Civilization Nature of European Legal Culture 11
- Lipen N. S.** Improving the Legal Regulation of Challenging of Regulatory Legal Acts
and Acts Containing Clarifications of Legislation and Having Regulatory Properties 25

FINANCIAL LAW

- Perepelitsa M. A.** Significance of BRICS Financial Institutions
at the Stage of an Alternative Monetary System Formation 32

CIVIL LAW AND FAMILY LAW

- Kravets V. D.** Development Institutions and Technology Holdings:
Problems and Prospects of Interaction 40
- Ayusheeva I. Z.** Civil Law Regime of Metaverse,
Virtual and Augmented Reality Objects 48

LEGAL PROTECTION OF THE RESULTS OF INTELLECTUAL WORK

- Latyntsev A. V.** Principles of Bioethics
as Unconventional Sources of Intellectual Property Law 57

LABOR RELATIONS AND SOCIAL WELFARE

- Chernykh N. V., Vorontsov D. I.** Prospects for Improving Labor
and Labor Protection Legislation in the Implementation of Production Robotization 68

BUSINESS AND CORPORATE LAW

- Petrakov A. Yu.** Improving the Legal Status of Small Innovative Enterprises 81

CRIMINAL LAW

- Antonchenko V. V.** Axiology of Criminal Law
as a Method of Rational Criminalization 91
- Goncharova V. A.** Problems of Ensuring Inter-Industry
Terminological Uniformity in Determining the Legal Regime of Confiscation 107
- Alekseeva T. S.** False Information in Criminal Law:
Categories of Deliberate Falsity and Unreliability 120

CRIMINAL PROCEDURE

- Vilkova T. Yu., Maksimova T. Yu., Nichiporenko A. A.**
Prospects for the Criminal Proceedings Development
in the Context of Digitalization of Society and the State 132

INTEGRATION LAW

- Bronyakina E. O.** Formation of an Institution of Supranational Commercial Arbitration for the Consideration of Disputes based on Applications from Economic Entities within the Framework of the Eurasian Economic Union 142
- Artemenko T. D.** Lawmaking by the Eurasian Economic Commission as one of the Foundations for the Development of Integration Processes in the EAEU 152

LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

- Tsepilov A. E., Zholobova I. M.** Pat-Down Search: Problems and Solutions 164

ENERGY, ENVIRONMENTAL AND NATURAL RESOURCES LAW

- Kiselev A. N.** Environmental and Legal Aspects of the Renewable Energy Development in Agriculture 172
- Ilmeneva V. A.** The Procedure for Classifying Production and Consumption Waste and By-Products: Problems of Differentiation 180

Цивилизационная природа европейской правовой культуры

Аннотация. В статье проводится анализ цивилизационных источников европейской правовой культуры. Актуальность темы обусловлена сложной динамикой европейской культурной традиции, которая в настоящее время переживает этап трансформации. Участие в генезисе правовой сущности Европы различных культурных потоков затрудняет понимание современной культурной идентичности европейского права. Важным мотивом исследования было уяснение места славянской исторической традиции права в европейском культурном пространстве. Генезис европейской правовой традиции рассмотрен на основе особенностей греко-римской цивилизации. Выделены ее характерные черты, исследованы духовные (религиозные) источники дальнейшего развития европейского права — христианство и ислам; выделяются их типологические правовые корреляты. В статье раскрываются особенности европейской правовой ментальности и делается вывод о формировании в Средние века особого типа европейского правового сознания, которое сочетает религиозные, ментальные, государственно-светские и народные элементы. Обосновывается вывод о неоднородности цивилизационных элементов европейской правовой культуры, включении в нее различных цивилизационных потоков — греко-римского, христианского (западной и восточных церквей), мусульманского и иудейского. В статье обозначены контуры расщепления европейского правового сознания в Средние века на основе разрыва западной и восточной церквей; раскрыт правовой смысл некоторых элементов вероучительной практики. Дается цивилизационная характеристика славянской правовой культуры, ее антирационализма и особого типа процессуального мышления. Показано значение мусульманской культуры в развитии европейской правовой традиции; раскрыты исторические особенности судебно-обычного типа европейской правовой цивилизации. На основе исторического анализа формирования европейской правовой традиции обобщены современные тенденции новой интеграции европейской правовой идентичности.

Ключевые слова: правовая культура; правовая семья; европейская правовая культура; западная традиция права; славянская правовая семья; мусульманская правовая культура; правовая идентичность; европейское правосознание; теория права; история права.

© Синюков В. Н., Синюков С. В., 2024

* Синюков Владимир Николаевич, доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки Российской Федерации
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
vnsinyukov@msal.ru

** Синюков Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
svsinyukov@msal.ru

Для цитирования: Синюков В. Н., Синюков С. В. Цивилизационная природа европейской правовой культуры // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 12. — С. 11–24. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.011-024

Civilization Nature of European Legal Culture

Vladimir N. Sinyukov, Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Scientist of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
vnsinyukov@msal.ru

Sergei V. Sinyukov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
svsinyukov@msal.ru

Abstract. The paper analyzes the civilizational sources of European legal culture. The relevance of the subject matter can be explained by the complex dynamics of the European cultural tradition that is currently undergoing a transformation. The involvement of various cultural flows in the genesis of the legal essence of Europe complicates the understanding of the modern cultural identity of European law. An important motive for the study was to clarify the place of the Slavic historical tradition of law in the European cultural space. The genesis of the European legal tradition is considered on the basis of the features of the Greco-Roman civilization. The Authors have characterized the features and spiritual (religious) sources of further development of European law, namely: Christianity and Islam. The study also highlights typological legal correlations. It explains the features of the European legal mentality and concludes that a special type of European legal consciousness was formed in the Middle Ages. It combines religious, mental, state-secular and folk elements. The authors draw a conclusion on heterogeneity of the civilizational elements of the European legal culture, the inclusion of various civilizational flows in it — Greco-Roman, Christian (Western and Eastern churches), Muslim and Jewish.

The paper outlines the contours of the split of European legal consciousness in the Middle Ages based on the rupture of the Western and Eastern churches; explains the legal meaning of some elements of doctrinal practice. It provides a civilizational characteristic of the Slavic legal culture, its anti-rationalism and a special type of procedural thinking. It shows the significance of Muslim culture in the development of the European legal tradition; reveals the historical features of the judicial-customary type of European legal civilization. Based on the historical analysis of the formation of the European legal tradition, the authors summarize modern trends in the new integration of European legal identity.

Keywords: legal culture; legal family; European legal culture; Western tradition of law; Slavic legal family; Muslim legal culture; legal identity; European legal consciousness; legal theory; legal history.

Cite as: Sinyukov VN, Sinyukov SV. Civilization Nature of European Legal Culture. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(12):11-24. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.011-024.

Актуальный подход к исследованию мировых правовых культур предполагает изучение истоков мировых правовых традиций, которые формировались на основе зарождения и развития современных мировых цивилизаций.

Как известно, ведущим направлением развития цивилизаций является движение с юго-востока на северо-запад. Первые цивилизации

возникли в середине 4–5-го тысячелетий в Древнем Египте, Вавилоне (Финикия); в Европе правовая традиция формируется в Древней Греции и Древнем Риме, переходя в завершающий этап становления в рамках европейского Средневековья.

Генезис европейской правовой традиции. Греко-римская цивилизация права развивалась в бассейне Средиземного моря в 6-м тыс.

до н. э. — VI в. до н. э. и достигла своего расцвета в рамках Римской империи, которая стала центром всего Древнего мира. Рим привил свой язык, свое просвещение, свои законы и свою юриспруденцию населению покоренных стран.

Испания, Галлия, западная Германия, придунайские земли, частично Балканы подверглись романизации. *Романизация, романский* — научный термин от слова «*romanus*» (римский), который означает господство культурной практики греко-римской цивилизации в ведущих областях социальной жизни.

В Средние века (XIV–XV вв.) греко-римская культура проникла в Ирландию, Англию, через Византию в славянские земли; была занесена и на скандинавский Север.

Греко-римской культуре присущи следующие черты:

1) язычество, т.е. многобожие, отсутствие строгих догматов веры, обожествление явлений природы, где каждой стихии соответствует свое божество, а пантеону богов присущи такие же человеческие нравы, как и всем людям;

2) *космополитизм* (лат.: *cosmopolita* — «гражданин мира») религиозный (можно принадлежать к какой угодно религии: римское государство позволяло завоеванным народам поклоняться своим богам) и светский: стремление вывести идеал сначала римского гражданина, затем «гражданина вселенной» на основе греческой и позднее развитой римскими юристами идеи «естественного права», присущего всем людям в соответствии с их божественным происхождением;

3) восторженное преклонение перед красотой: не только духовной, но и реальной, земной. У греков и римлян времен империи мистицизм уживался с *культот форм*, со страстным увлечением красотами пластики и художественного слова. Это оказало определенное влияние на формирование правового мышления: стремление к четким и законченным юридическим статусам, конструкциям, формальность мышления, желание на каждое действие и поведение дать

свое наименование и построить универсальную классификацию понятий.

На основе греко-римской культуры в дальнейшем сформировался европейский тип цивилизации, который в своем ментальном контуре сложился в период европейского Средневековья — между поздней Античностью и Новым временем. Хронологически западноевропейская культура Средневековья делится на ранний этап (V–X вв.), зрелый (XI–XIII вв.) и поздний (XIV–XV вв.). Европейская правовая традиция вызревала, таким образом, тысячу лет, десять веков.

Религиозные основы европейского права.

Духовные источники европейской правовой традиции образуют две фундаментальные религиозно-этические системы, имеющие общую историческую основу — христианство и ислам:

1) *религиозно-историческая целостность*, основанная на христианстве, сочетающем в себе догматы (об искуплении человечества Господом Иисусом Христом от греха), символы веры: единобожия; учение о св. Троице (троичность лиц в Боге), т.е. триединство Бога (Отца, Сына и Святого Духа), Богочеловечность Иисуса Христа; нравственный закон, суть которого в том, «чтобы не делать другим того, чего сами себе не желаете»¹.

Религиозно-историческая целостность, основанная на исламе — религии, появившейся в Аравии в начале VII в., которая соединяла в себе элементы язычества, иудейства и христианства;

2) *двуединство* европейской религиозной традиции выражается, при всем различии христианства и ислама в ряде их существенных общих черт: 1) единобожие в противовес многобожию в языческих религиях; 2) *единство* жизнеустроительного статуса, отсюда *непримиримость к иноверцам у мусульман*; и *нетерпимость к другим вероучениям у мусульман и христиан*. Нетерпимость надо понимать не в смысле травли представителей других вер (что на практике не раз было), а в смысле отказа принимать равноистинность религий;

¹ Толкования Священного Писания. Толкования на Мф. 7:12. Св. Иоанн Златоуст // URL: <https://bible.optina.ru/new:mf:07:12> (дата обращения: 14.09.2024).

3) *в личностном плане* — полное подчинение Богу личной жизни и повседневной культуры, которая ориентирована на исполнение моральных предписаний, что регулируется посредством обрядов и правил;

4) *универсализм* христианства и ислама. Главной особенностью исламского мировоззрения стала идея о неразделимости (универсальности) религиозного и светского, священного и земного начал. Универсальность католической церкви опиралась прежде всего на общее духовное наследие, общее учение и богослужение. Вопросы имущественных отношений, преступления, деликты, наследование, процесс стали предметом светского регулирования обычного права;

5) важнейшая черта европейской (романской и исламской) религиозно-правовой традиции — *рационализм*, согласно которому истоки права лежат в абстрактном разуме. Право возникает как воплощение идеи, возникшей в уме законодателя, которым может быть и государь, и религиозная доктрина. Этот тип объединяет христианскую и мусульманскую ветви европейской правовой традиции.

Рационализм как особый тип научного знания (Алкуин Йоркский, 735–804 гг.) заложил при дворе Карла Великого основы западноевропейской образованности на основе диалектики как интеллектуального искусства обоснования и систематизации вопросов веры.

Формирование европейской правовой ментальности. Важной чертой европейской правовой традиции является *особый тип правового сознания*, который сочетает в себе религиозные, ментально-авторитарные, сословные, государственно-светские и народные элементы духовности при *господстве религиозных, прежде всего религиозно-обрядовых, форм поведения*.

Главный источник генезиса европейской правовой ментальности — религиозная, прежде всего христианская, культура, которая включала особую идеологическую инфраструктуру: а) монастыри и соборы; б) греческо-арабскую и латинскую образованность; в) слитность ритуально-культового, правового и художественного

пространств. На основе католического богослужения (мессы) получает развитие тесно связанное с правовым религиозно-художественное сознание: литургическая драма, музыка и песнопения, изобразительное искусство (фреска, витраж, мозаика), скульптура².

В светских формах правосознания проявилась тенденция к акцентации на судьбе отдельной личности, к идеалам красоты, стремлению к прекрасному и идеальному миру.

Важнейшей детерминантой генезиса европейского правосознания является социальная *консонантность* (лат.: *consonantis* — неслогообразующий) правовой среды, означающая формирование правом особой инфраструктуры регулирования, воздействующей на правовую ментальность, но обособленной от иных социальных регуляторов. При таком режиме построения отдельные элементы социальной инфраструктуры приобретают важное значение для воспроизводства права. Так, для европейской традиции права серьезное значение имело *развитие городов*, которые в Средние века превратились в центры торговли, ремесленничества, светской и религиозной власти, образования и культуры. Крупные города получали статус самоуправления, и с ними связано возникновение особого городского права, которое оказало большое влияние на развитие европейской правовой традиции (иммунитеты, статусы, цеха). К такого рода правовым консонантам можно отнести институты внутри католической церкви и мусульманской общины: рыцарские ордена, требовавшие специального регулирования, каноническое право, шариат, бенефиции, что послужило стимулом для формирования специфических правовых систем и особых регулятивных механизмов.

Неоднородность европейской правовой культуры. На основе европейской правовой традиции сформировалось пять типов правового регулирования: романский; арабо-мусульманский, германский, славянский, обычно-судебный.

Романская правовая культура охватывает страны, ставшие прямыми наследниками рим-

² См.: Тальберг Н. Д. История христианской церкви. М., 2001. С. 299.

ской цивилизации, — Италию, Францию, Грецию, Испанию, Португалию, Польшу, Венгрию. **Германская правовая культура** также является наследницей греко-римской цивилизации, но имеет существенные отличия. К ним можно отнести: значительное влияние римского права; большая роль доктрины, общих правовых понятий, теоретического опыта в законотворчестве и правоприменении; отрицание естественного права как общего для всех времен и народов правопонимания в пользу представлений о праве как нормах, исторически вызревающих в национальном культурном пространстве.

Религиозно-нравственной основой германского права выступила церковная Реформация (лат.: *reformatio* — преобразование) — народное движение XVI в., которое привело к созданию новых христианских церквей, основанных на протестантизме (лат.: *protestans* — возражающий, несогласный), противопоставивших себя римской католической церкви (Мартин Лютер, 1483–1546; Иоанн Кальвин, 1509–1564). Национальные протестантские вероисповедания (лютеранство, кальвинизм, англиканство) возникли в Германии, Голландии, Швейцарии, Швеции, Дании, Норвегии, Венгрии и Чехии.

Ментальной основой германской правовой культуры выступает религиозная мораль: искупление при жизни; индивидуализм, доверие к человеку; строгий морализм и рассудочность без контроля со стороны церковной иерархии; признание возможности человека самостоятельно устанавливать его отношения с Богом без поклонения иконам и мощам, монашества; освящение стяжательства, конформизм; наделение практического успеха религиозными положительными санкциями; уменьшение догматических сторон религии в пользу светской жизни, что стало основой становления «чистого» капитализма. Протестантизм установил совпадение между служением Богу и практическим жизненным предназначением человека с культом трудолюбия, бережливости, приумножения своего благосостояния, поощрением предприимчивости.

В 395 г. Римская империя была разделена на две части — Западную и Восточную, куда император перенес столицу империи. После его

переезда в новую столицу в 330 г. фактически произошло разделение империи на Западную и Восточную.

В сферу Византийской империи входил Балканский полуостров, Кипр, острова Эгейского моря, Малая Азия, Сирия, Палестина, Египет, часть Месопотамии, Армении и Аравии. Византия избежала нападения варваров, в ней насчитывалось около тысячи городов. Этнический и лингвистический состав был неоднороден, но духовная сфера (христианство, право, литература и искусство) была относительно единой.

В 1453 г. Константинополь был взят турками-сельджуками и Византийская империя прекратила существование. До своего падения империя достигла значительной высоты в развитии культуры, которая оказала значительное влияние на развитие права Западной Европы и Древней Руси.

Постепенно различия в церковных обрядовых и канонических традициях между западной и восточной христианскими церквями нарастали, что привело в середине XI в. (1053 г.) к формальному разделению христианской церкви на католическую и православную. Западная церковь старалась поставить себя над светской властью, усилить свое влияние на общество и государство, в конечном счете было нарушено и единство веры. В течение нескольких веков западная церковь произвольно допускала у себя нововведения и искажения в догматической, обрядовой и канонической области.

Самостоятельная ветвь развития европейской правовой культуры — восточно-европейская, славянская правовая культура, которая возникла на почве разделения христианского мира на восточный и западный.

Так, в VI–XI вв. во всех западных церквях утвердилось учение об исхождении Св. Духа и от Сына (филиокве — лат. *filioque*). Внешне такое отступление кажется несущественным. На самом деле за ним стоит глубокая разность в принципиальном подходе к объяснению спасения человека с важными выводами правового значения. Римская церковь исходит из примата искупительной жертвы Христа во спасение человечества. Принесение в жертву Сына божьего было единственным средством искупить

греховность человечества. Богочеловек, Иисус Христос, принес себя в жертву и таким образом заплатил цену греха, помилив человека с Богом и восстановив первоначальную цель творения. Приоритет в христианском учении искупительной жертвы отражает природу романского, германского и англиканского правосознания³.

В католической церкви XI–XII вв. искупление связывалось главным образом с распятием. Воскресение объяснялось как необходимое следствие распятия. Христос рассматривался главным образом как победитель греха.

Для восточной православной церкви существенно иное: распятие не имеет смысла вне воскресения. Искупительная жертва рассматривается как часть триединства «вочеловечение — распятие — воскресение». Здесь христианин умирает и воскресает с Христом. Христос рассматривается прежде всего как победитель смерти. Это теология с центром на небесах, сосредоточенная на восхождении человека к бесконечности, на обожествлении человека, придании ему божественных сил. В центре — Бог — Отец-Создатель, и Христос показал человечеству путь к нему⁴.

Расщепление европейского правосознания в осмыслении права по своему происхождению тесно связано с теологическими и литургическими понятиями искупления и таинств, постепенно ставшими доминирующими в западных церквях. Искупление как мирское следствие в виде прощения и наказания стало входить в повседневную жизнь верующих. Бог правит через право, церковные и светские власти провозглашают юридические принципы. Договоры должны соблюдаться, в ином случае надо платить за нарушение. Гражданские правонарушения должны компенсироваться платой, соразмерной ущербу. Права собственности должны восстанавливаться теми, кто их нарушил. Наказание должно соответствовать нарушению. Вводилась система различных цен за нарушения.

Славянский религиозный вектор европейской правовой культуры основан на принципах и ценностях иного рода, которые были характерны для Европы до XIII–XII вв. В славянских правопорядках господствуют идеи судьбы и чести, мести и примирения; завета и общины, устрашения и восстановления в правах.

Религиозные основания раскола европейского правосознания. Западная (католическая) церковь всё меньше стала рассматриваться как сообщество святых на небе и всё больше — как сообщество грешников на земле⁵. Божественные тайны уступили место понятиям и теориям рационального права. Человечность Бога вела к необходимости рационализации и систематизации права. Вочеловечение понималось как юридический процесс, посредством которого божественное становилось внутренне человеческим.

Западноевропейские понятия права и правомочия в определенной степени имеют иной акцент по сравнению с правовыми понятиями православного христианства: в первом случае делается акцент на мирском — вочеловечивании Бога, что высвобождает громадную энергию для мирской жизни во спасение мира, однако отрывает правовое от духовного, политическое от религиозного. В православии, наоборот, сформировался акцент на божественном предназначении человека, стремлении к идеалу потустороннего мира, слитности правового и духовного, подчинении правового духовному началу.

Важным различием церквей, повлиявшим на углубляющийся разрыв правового сознания Западной и Восточной Европы, является статус святых тайн — *причастия и крещения*. В православной церкви самым важным таинством считается не причастие, а крещение. Крещение воспринимается как великое христианское таинство, в котором человек раз и навсегда умирает для себя, отвергает дьявола и заново рожда-

³ История религий. Часть I : Монотеистические (авраамические) религии. Глава 1 : Христианство. (Митрополит Иларион (Алфеев)) // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Alfeev/istorija-religij/ (дата обращения: 11.09.2024).

⁴ См.: Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М. : МГУ, 1984. С. 150.

⁵ Берман Г. Дж. Указ. соч. С. 150.

ется как гражданин небесного Царства. Именно крещение в первую очередь спасает людей от демонов и от смерти⁶. На Западе, наоборот, празднование евхаристии (причащение тела и крови Христа как Богочеловека) стало центральным в отпущении грехов и чрезвычайно ритуализированным. Поэтому искупление в западной церкви стало похоже на юридическую сделку: чтобы спастись, надо получить отпущение грехов в виде добрых дел или даже просто заплатить (индальгенция).

В православии до сих пор отсутствует культ причастия, нет теории заслуг, возмещения, чистилища и превышения требований долга (индальгенция). Поэтому религиозная доктрина имеет фундаментальное значение для обыденного и профессионального правосознания — как на западе, так и на востоке.

Славянская правовая культура. Важнейшим результатом раскола европейской правовой ментальности стало формирование в рамках европейской культуры славянской традиции права. Славянская правовая традиция имеет глубокие корни в европейской культуре, на что обращали внимание многие исследователи. Единство происхождения восточнославянских племен с племенами, заселившими территорию восточной, южной и западной Европы, несомненно. Академик В. В. Виноградов отмечал: «Славянский язык, наряду с греческим, латинским и еврейским, развивался как элемент европейской цивилизации и еще в период IX–XI вв. выступил на арену широкой европейской жизни, восприняв идеологическое богатство греческого и латинского языков»⁷.

К восточноевропейской правовой традиции принадлежит возникшая уже в Новое время славянская правовая семья, которая по своим юридическим источникам (нормативные правовые акты), технике законодательства (правила поведения общего характера, сформулированные на основе деонтической логики), а также специфике правоприменительного процесса (судья-правоприменитель выносит решение на основе нормы закона и не создает нового пра-

вила) наиболее близка германскому и отчасти романскому типам европейского права.

Есть, однако, и существенные отличия. Они коренятся в накопленных различиях в рамках единой европейской исторической традиции права; в стилях правовой культуры, господствующем религиозном и светском правосознании европейских народов.

В частности, центральный элемент славянской правовой семьи — российское право — характеризуется отсутствием прямой рецепции римского права, антирационализмом юридической формы, примирительным духом процессуального мышления, для которого типична неформальная слитность права и морали, специфическая этика справедливости, а для обыденного правосознания — особая трудовая этика; отсутствие, в отличие от западной правовой культуры, определяющего влияния юридического профессионального корпуса на восприятие права населением. Эти и иные черты, присущие восточноевропейской, прежде всего российской, юридической практике, даже позволяют исследователям провести обоснованную классификационную грань между западноевропейской и восточноевропейской правовыми традициями и, соответственно, более точно разграничить ареалы романского, германского и славянского типов европейского права.

В настоящее время славянская правовая семья включает *группу русского права* (Россия и ее субъекты), западно- и восточнославянского права (Украина, Белоруссия, Болгария, Чехия, Словакия, Сербия, Черногория, Босния и Герцеговина, Хорватия, Македония, Румыния, Молдова, Греция, Венгрия) и, возможно, *группу евразийского* (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан) и *закавказского права* (Грузия, Армения, Азербайджан). Такая структуризация славянской правовой семьи исходит из очевидных культурологических факторов принадлежности ряда современных государств с преимущественно неславянским населением (Греция, Узбекистан, Азербайджан, Армения, Грузия

⁶ Берман Г. Дж. Указ. соч. С. 150.

⁷ Виноградов В. В. История русского литературного языка // Избранные труды. М., 1978. С. 17.

и др.) и республик в самой России (Татарстан, Башкортостан и др.) к правовой традиции греко-византийско-славянского типа, на интеграцию которых в восточноевропейскую цивилизацию дополнительно наложился факт длительного пребывания некоторых из этих народов в правовом поле Российской империи и СССР.

Так же как и западная часть Европы, характеризующаяся мультиэтничностью и мультикультурализмом, охватившая своей традицией права Новый Свет, восточная часть Европы, Северный Кавказ и Евразия в правовой культуре имеют общие стилевые греко-византийские черты, которые успешно ассимилировали в своем праве народы, живущие в евроазиатском пространстве⁸.

Такое положение, когда европейский тип обычно-судебного права имеет черты, присущие типам романского и германского, восточно-европейского (славянского) права, а последние используют механизмы общего обычного права англосаксонского происхождения, свидетельствует о глубоких взаимосвязях европейского правового развития, известном единстве правового регулирования в рамках европейской юридической традиции.

Трансформация европейской правовой традиции в Средние века. В Средние века христианство и ислам вдохнули новые смыслы в европейскую правовую культуру. Противоречия между новой религией и греко-римской цивилизацией были сглажены на основе синтеза нового типа правопорядка на следующих принципах:

— христианская церковь усвоила античное просвещение, католические монастыри стали распространителями наук и искусств и правового сознания. Когда германцы поселились на территории империи, католическое духовенство стало посредником между германцами и местным населением;

— из смешения романских, германских и славянских народов возник новый этноментальный тип, для которого характерны черты высокой общественной солидарности, эмоцио-

нальность, мистицизм (мистика: греч. — запырывать, закрывать глаза): постижение Бога через чувство, внутреннее созерцание и углубление в самого себя через озарение и экстаз, что находит выражение в чудесах, пророчествах;

— сосуществование с христианством влиятельных народных обычаев и суеверий (эльфы, гномы, тролли и другие божества в народных сказаниях, легендах, сказках и поэмах) позволило сохранить культурное разнообразие права, создав основу для национального юридического творчества и развития обыденного правосознания. До сих пор суеверия поражают своим обилием в структуре правовой психологии всех групп населения, включая молодежь: астрология, некромантия, магия, алхимия, кабалистика, вера в колдовство;

— черта средневекового правового порядка Европы — юридический прагматизм, стремление к римской ясности, простоте и последовательности — нашли неоднозначное воплощение в творчестве глоссаторов. Латинский язык обладал свойством выражать в немногих словах самые сложные и глубокие мысли, поэтому латынь исконно была языком девизов и сентенций. Стремлением к глубине и образности характеризуются и мусульманские источники.

Юристы XII–XIII вв., канонисты и глоссаторы, сформулировали определения общих понятий — представительства, юридического лица, юрисдикции; из римского права была взята основная терминология, из греческой диалектики Платона и Аристотеля — диалектический метод; христианский контекст дал новую правовую культуру⁹. Характерная ее черта — обращение к понятиям (договор, деликт, представительство и т.д.) которых не знали римские юристы, чуждые философским отвлеченным категориям. При этом методы богословов-схоластов и юристов были одни и те же.

Таким образом, характерной чертой европейского правового сознания в Средние века является стремление к *научности и логическому способу познания*. Романская юриспру-

⁸ См.: Синюков В. Н., Синюкова Т. В. Российская правовая система в мировой типологии права // Правовая политика. Право. Правовая система : монография / под ред. А. В. Малько. М. : Юрлитинформ, 2013.

⁹ См.: Берман Г. Дж. Указ. соч. С. 170.

денция возникла на основе занятий отвлеченными богословскими вопросами с приведением содержания церковного вероучения в научную систему. Основная форма научного богословия — *схоластика* (лат.: *scholastica* — глава школы, ученый). Сущность схоластики — стремление объединить веру, философию и знание.

Культурные различия в сакрализации права. Коронавание Карла Великого (768–814) в 800 г. как императора Священной римской империи привело к смещению культурного центра Европы с Аппенин на северо-запад и созданию единого христианского правового мира.

Достижение состояния «свободы» церкви, узаконение ее влияния на светскую власть вели к *сакрализации права*. Этому способствовала так называемая папская революция (Г. Берман) римского монаха *Гильденбранда*, избранного в 1073 г. папой под именем Григория VII (1073–1085). Рассматривая папство как наместничество Христа на земле, Григорий «хотел под папским владычеством основать всемирную теократическую монархию. Папа, по его представлению, должен властвовать не только над духовными, но и над светскими властями. Всякая власть, не исключая императорской, считалась им ниже папской»¹⁰. Духовная же власть никем не судится. Эта доктрина вела в конечном счете к тому, что папство постепенно приобретало светский характер и церковь в огромной степени стала фактором правообразования и правореализации¹¹.

Такое же принципиальное соотношение церковного и светского имеет место и в доктрине ислама, в котором «господствует концепция теократического общества, в котором государство имеет значение лишь как служитель установленной религии»¹². Католицизм и мусульманство — религии закона.

Приобретая черты светской организации, церковь вошла в сферу формирования свет-

ского правосознания через акцентуализацию обрядовых форм, влияния на *внешние чувства человека*. Получило значительное развитие светское искусство, вдохновленное церковной традицией, нацеленное на внешние чувства человека. Иконы делались изваянными в виде статуй (римская традиция), живописные иконы напоминали светские картины. Религиозные процессии и церемонии заключали в себе много театрального. Богослужебная музыка получила светский, излишне искусственный характер: применение инструментальной музыки — *органа*¹³.

В середине VII в. византийский император Константин Копроним прислал в подарок франкскому королю Пипину орган — инструмент, неизвестный до того времени на Западе, и с этого времени органы стали входить в богослужебное употребление¹⁴. Таким образом, правосознание в романской традиции получило, как и другие формы сознания, значительное христианское наполнение, но одновременно с этим сама церковь от такого слияния со светом вобрала обмирщенные формы, сделалась во многом уязвимой для мирских искушений и нравственной порчи духовенства (политика, властные амбиции, симония, конкубинат), что в последующем вызвало широкое явление секуляризации общественной жизни и гипертрофию узкоправового способа жизнедеятельности человека Запада.

Восточная (православная) церковь, которая, как правило, не отступала от общецерковных богослужебных обычаев и порядков и не переходила традиционных граней миссионерской деятельности, во многом замкнулась в церковной ортодоксии и не определила широких общегражданских форм интеграции с правовым сознанием и правовой культурой стран, где она стала господствующей. Оказав исходно огромное влияние на формирование книжности, про-

¹⁰ См.: Тальберг Н. Д. Указ. соч. С. 339–340.

¹¹ См.: Тальберг Н. Д. Указ. соч. С. 339–340.

¹² Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. М., 2009. С. 346.

¹³ См.: Тальберг Н. Д. Указ. соч. С. 113–114.

¹⁴ См.: Тальберг Н. Д. Указ. соч. С. 264.

свещения, нравственного, художественного сознания, она тем не менее не подвигла общество к выделению правосознания в самостоятельную сферу национальной религиозной ментальности, предоставив его формирование обычаю и прямому влиянию самых разных общественно-политических и духовных сил.

Попытка на Руси патриарха Никона поставить церковь над государством и основать, таким образом, вселенское православное царство не увенчалась успехом и, наоборот, вызвала последующее огосударствление церкви и пресечение национальных форм ее внутреннего общественного, политико-правового развития.

Мусульманская культура в европейской правовой традиции. В VIII–IX вв. в Европу (Южную Францию) проникла *арабская культура*. Постоянные связи с арабами значительно способствовали развитию промышленности и торговли южных городов Франции. Испанские мавры в Средние века были гораздо культурнее других народов. Через Византию они восприняли греческую образованность: арабские мудрецы комментировали сочинения Аристотеля, Платона, Птолемея и др. Ведя торговлю со всеми странами Европы, Азии, арабы были знакомы с правом и обычаями множества народов, в связи с чем арабская культура приобрела черты *космополитизма*, что не могло не сказаться на развитии мусульманской доктрины и мусульманского права.

В течение всех Средних веков арабские ученые — медики, естествоиспытатели, географы, инженеры — имели приоритет в мире. Присутствие в центре христианского мира крупных источников еврейской и исламской культуры оказало непосредственное влияние на последующее развитие европейского права, особенно его реформаторской ветви¹⁵.

Важной чертой европейской романо-мусульманской правовой культуры стало подчинение обычая естественному праву. Была разработана система разных видов права и соотношение между ними: божественное, естественное, человеческое, право церкви (каноническое), кня-

жеское право, законодательно установленное право, обычное право. Божественное — воля Господа, выраженная в Писании; естественное право тоже отражает Божью волю, однако оно находится как в божественном откровении, так и в человеческом разуме и совести; законы князей и церковные законы не должны превалировать над естественным правом; обычаи должны уступать не только естественному праву, но и законодательно установленному — как церковному, так и светскому. Это дало основу для устранения тех обычаев, которые не соответствовали разуму и совести.

То же имеет место в мусульманской правовой практике: в многочисленных мусульманских обществах мусульманское право сосуществует с обычаями (например, на Северном Кавказе право адатов), которые дополняют ислам в тех вопросах, которые это право не регулирует (сумы и способы выплаты приданного; использование рек, протекающих между двумя земельными владениями, и др.).

Таким образом, романский (латинский) и мусульманский юризм, соединяясь с христианской и исламской традицией, по сути, выводил юриспруденцию и религию в сферу рационального, логического научного знания, придавая вере характер юридической конструкции.

Поэтому универсальность религиозного правопорядка, присущая католическому и мусульманскому праву, имеет в этих правопорядках разные формы и степени, но в основе и романский, и мусульманский правопорядок опирается не на политическое или юридическое единство, а на 1) общее духовное наследие, 2) общее учение и практику, 3) общее богослужение. В свою очередь, политическое и юридическое единство западной Европы во многом основано на духовном единстве и взаимоуниверсальности христианства и ислама¹⁶.

Кроме взаимного романо-арабского влияния на культуру мусульман и латинян оказали влияние евреи, которые селились вместе с арабами и были своеобразными посредниками между ними и христианскими народами. Евреи пере-

¹⁵ См.: Берман Г. Дж. Указ. соч. С. 161.

¹⁶ См.: Берман Г. Дж. Указ. соч. С. 139.

водили на латинский язык сочинения арабских мыслителей и ученых. Элементы талмудистского права, канонического права восточной церкви и персидского права вошли в мусульманское право в эпоху его формирования¹⁷.

Судебно-обычный тип европейской правовой культуры. До VIII в. история общего права — это исключительно история английского права. Южная часть острова Великобритания, населенная *бриттами*, была завоевана римлянами в середине I в. до н. э. Христианство проникло из Галлии и Малой Азии с обрядами и учреждениями восточных церквей¹⁸.

В начале V в. римляне покинули Британию, на смену им с материка в 449 г. пришли воинственные англосаксы и основали семь королевств. Англосаксы были язычники, которые затем стали принимать христианство. До обращения англосаксов между древними обитателями Великобритании христианство распространилось по восточному обряду; после обращения — по римскому (католическому) обряду¹⁹. Известна ненависть бриттов (коренных) к пришельцам (англосаксам). У бриттов были определенные корни вероучительного родства с православием.

До конца V в. Англия была провинцией Римской империи, затем наступил так называемый англосаксонский период — древнее право англосаксов, которое исчезло.

Английский тип правосознания основан на религиозном учении *англиканства*. В 1551 г. после долгих совещаний английских и немецких богословов был издан правила англиканского вероисповедания: по сути, не было проведено ни католичество, ни лютеранство, а определенная смесь того и другого. Оставлены таинства — крещение, покаяние и причастие, в евхаристии признавалось присутствие Тела и Крови Христовой. Определенно только отменялись почитание икон и мощей, призывание святых, индульгенции, чистилище и молитва за умерших.

В 1559 г. парламентскими актами было подтверждено главенство королевской власти в церкви, и, таким образом, окончательно возникла англиканская епископальная церковь со смешанным вероучением как *государственная*. Англиканству в целом присущи черты протестантизма с особенностями, свойственными английскому менталитету и культуре. Религиозное правосознание отражает общие черты протестантизма с самобытными особенностями англиканской церкви.

В Средние века общее право состояло из обычаев, соблюдаемых всеми англичанами, отчего и произошло название «общее». Судьи обращались к обычаям, о которых они были осведомлены, и всеобщие обычаи были воплощены в судебных решениях королевских судов. Таким образом, возникли судебные обычаи, ставшие источниками современного общего права.

Особый тип рационализма юридической теории и практики отражает сугубый прагматизм англиканской религиозной доктрины (пуритане, квакеры), местных обычаев, индивидуалистической психологии, что в юридической сфере отобразилось в отсутствии умозрительно построенной правовой системы. Основные юридические понятия отражают формальные обстоятельства дела и разграничиваются внешними признаками без создания общих правовых конструкций. Юридическая практика эмпирична, замыкается на единичном и не переходит к общим понятиям. Игра словами, растягивание значений и смыслов для приспособления к сиюминутным потребностям, трюки, аналогии, игры со словами представляют в совокупности самобытный полюс религиозно-национального измерения европейской правовой традиции.

Выводы. Новая социальная интеграция европейской правовой традиции. Традиция — исторически сложившийся в прошлом и передаваемый последующим поколениям социально-исторический опыт (ценности, обычаи, нормы, идеалы), а также устойчивые правила

¹⁷ См.: Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. С. 354.

¹⁸ См.: Тальберг Н. Д. Указ. соч. С. 242.

¹⁹ См.: Тальберг Н. Д. Указ. соч. С. 242.

человеческой деятельности, которые используются в новых условиях.

Правовая традиция характеризуется широкой основой: ее черты отражают не только собственно юридические элементы правового уклада, но и пограничные социальные институты (например, религиозная этика, экономический строй, характер юридической корпорации, правосознание).

Правовая традиция служит базой формирования одной или нескольких правовых систем и даже семей (западная, славянская, мусульманская). С течением времени черты правовой традиции видоизменяются, обостряются, становятся резче, возникают неоклассические, ренессансные, ортодоксальные тенденции (консерватизм, неолиберализм, мультикультурализм) и выводят нации, сохранившие культурную традицию, в число лидеров глобальных процессов.

Для правовой традиции характерны одновременно гибкость и приспособляемость к новым условиям, способность к изменению формы, политических и экономических институтов при сохранении общей ментальной основы правового регулирования.

Традиция отражает гораздо более протяженную линию правового времени, чем событийная история. Явления и процессы в развитии правовой традиции протекают медленно и очень медленно, исчисляются столетиями и даже тысячелетиями в отличие от событийной правовой истории: превращения локальных правовых культур в мировые, формирования новых форм собственности, правовых статусов, вызревание правовых идеалов, юридических принципов, — у всего этого иные временные границы, нежели у отдельных законодательных актов и даже государств.

Правовая традиция в принципе полностью не умирает, исчезает сложившаяся на ее основе цивилизация (внешний порядок существования культуры). Традиция видоизменяется, под напором инноваций и модернизации она переходит

в другие формы (реципируется и трансформируется)²⁰.

Европейская правовая традиция характеризуется отсутствием однозначного регионального и вероисповедального источника. Западная, европейско-американская, традиция права — в известной мере условный термин, сложившийся на грани научности, имеющий в своей основе не культурно-исторические и этно-ментальные, а в большей мере региональные и геополитические детерминанты. Вовлечение в орбиту Европы и Запада новых регионов ведет к неизбежной дифференциации и расщеплению понятия европейской культурной традиции права.

Европейская правовая идентичность имеет сложную природу. Правовая Европа — понятие географическое, религиозно-этическое, политическое, ментально-психологическое, идеологическое. Эти планы одного и того же социального феномена далеко не совпадают. Н. Я. Данилевский разделил и рядоположил Россию и Европу политически и нравственно, но никак не правокультурно и ментально. Россия — часть Европы и Европа — часть Евразии, у них сходные наборы генетических правовых хромосом. Современные разрывы в коллективной идентичности Европы в пользу узко политически понимаемой индивидуальной свободы ведут к разрушению исторической европейской традиции и дают основания к ее современному евразийскому переопределению.

Секуляризация XVIII–XX вв. сохранила религиозную идентичность Европы и двойственную христианско-мусульманскую основу европейского правопорядка. Современный отказ от секуляризации как политического компромисса церкви и государства не в состоянии устранить религиозных основ правопорядка. В то же время западный отказ от секуляризации заново структурирует европейскую социально-правовую идентичность (как в СССР) и ведет к радикальному обновлению этноментальных оснований современного европейского правового пространства.

²⁰ См. об этом: Синюков В. Н., Синюкова Т. В. Правовая традиция и юридический стиль как основания сравнительной типологии российского права // Стратегии правового развития России : монография / кол. авт. ; под ред. О. Ю. Рыбакова. 2-е изд., стер. М. : Юстиция, 2015. С. 332–349.

Интеграция арабо-мусульманской культуры в европейские правовые порядки имеет закономерный характер и представляет важнейший исторический элемент европейской идентичности. Постмодерн как господствующая современная западноевропейская правокультурная идеология интегрировал существенные элементы мусульманской культуры — покорность правилам, ритуализм социального поведения, чувственность и сохранение элементов язычества в быту (многоженство, полигамия), духовный тоталитаризм.

Господство постмодернистских и метамодернистских²¹ подходов к организации современного европейского миропорядка свидетельствует о ренессансе дохристианских и происламских оснований европейской правовой культуры. Суть постмодерна права в Европе — в рецепции типологических черт греко-римской традиции крайнего индивидуализма, эстетизации поведения, расщепления коллективных идентичностей, предельной рационализации истины. Разворачивается позитивная этическая ретроградность правовой культуры, возвращение ее в доисторическое время вне контекста коллективных идентичностей, вовлечение культуры в круговорот прожитых этапов с критической неспособностью к новому синтезу правовых сообществ. Ретроспективная деградация традиции может быть купирована только поиском новой этической и технологической универсальности европейского правового порядка.

Российская правовая культура находится в социальной среде европейской традиции права в роли исторического вектора ее продолжения. Раскол Запада и Востока преодолен в славянско-русской правовой культуре, соединившей формальное и сакральное, духовное и телесное, силу и немощь, красоту — с диспропорцией и асимметрией.

В способности отчуждаться от истории есть несомненный инновационный элемент русского правового порядка. Именно Россия и постславянство показали феноменальную способность

отрешаться от прошлого и создавать задолго до постмодерна Европы авангардные и метамодернистские формы, лишенные прямой связи с национальной традицией. СССР впервые предложил по-настоящему постхристианский и сверхмодернистский социальный проект, вызвавший ревность на Западе.

Русская модель пост- и метамодерна находится в глубокой связи с русской религиозной философией, литературой, музыкальным искусством и правовым регулированием (конструктивистская система права, госуправление через право, идея права как формы социальных отношений) конца XIX, начала XX и XXI вв. Советский атеизм в противовес западной секуляризации спровоцировал эпоху постмодерна на самом Западе. Советский проект показал путь, на который Запад вступил запоздало, преувеличенно радикально, узко-цивилизационно, устраняя классические институты социальных идентичностей.

Современное российское общество фактически гораздо более метамодернистское, чем принято считать. Россия резко обновила несущие конструкции правокультурной традиции и механизмы генерации сверхновых социальных общностей. Для формирования новой российской политико-правовой целостности назрела необходимость возвращения в политический и идеологический дискурсы русской революции с ее социальными смыслами.

Мы слишком сосредоточились на правовой адаптации технологических достижений и просмотрели европейский вызов нашей правовой культуре. Делается всё более актуальной необходимость синтеза дохристианских и современных православных источников развития евразийской правовой культуры. Славянско-русская европейская правовая идентичность движется к новой универсальности, преодолевая свои родоплеменные основания, заявляя о будущей синкретичности и отказе в новом технологическом укладе от узкой юридизации и регионализации права.

²¹ См.: Павлов А. Образы современности в XXI веке: метамодернизм // Логос. 2018. № 6. С. 1–19 ; Хрущева Н. Метамодерн в музыке и вокруг нее. 2-е изд. М. : Рипол Классик, 2002. С. 9–24.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. — М. : МГУ, 1984.
2. Виноградов В. В. История русского литературного языка // Избранные труды. — М., 1978.
3. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. — М., 2009.
4. История религий. Часть I : Монотеистические (авраамические) религии. Глава 1 : Христианство. (Митрополит Иларион (Алфеев)) // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Alfeev/istorija-religij/ (дата обращения: 11.09.2024).
5. Павлов А. Образы современности в XXI веке: метамодернизм // Логос. — 2018. — № 6.
6. Синюков В. Н. Российская правовая система в мировой типологии права // Правовая политика. Право. Правовая система : монография / под ред. А. В. Малько. — М. : Юрлитинформ, 2013.
7. Синюков В. Н., Синюкова Т. В. Правовая традиция и юридический стиль как основания сравнительной типологии российского права // Стратегии правового развития России : монография / колл. авторов ; под ред. О. Ю. Рыбакова. — 2-е изд., стер. — М. : Юстиция, 2015.
8. Тальберг Н. Д. История христианской церкви. — М., 2001.
9. Толкования Священного Писания. Толкования на Мф. 7:12. Св. Иоанн Златоуст // URL: <https://bible.optina.ru/new:mf:07:12> (дата обращения: 14.09.2024).
10. Хрущева Н. Метамодерн в музыке и вокруг нее. — 2-е изд. — М. : Рипол классик, 2002.

Материал поступил в редакцию 16 сентября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Berman G. Dzh. Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya. — M.: MGU, 1984.
2. Vinogradov V. V. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka // Izbrannye trudy. — M., 1978.
3. David R., Zhoffre-Spinozi K. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti / per. s fr. V. A. Tumanova. — M., 2009.
4. Istoriya religiy. Chast I: Monoteisticheskie (avraamicheskie) religii. Glava 1: Khristianstvo. (Mitropolit Illarion (Alfeev)) // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Alfeev/istorija-religij/ (data obrashcheniya: 11.09.2024).
5. Pavlov A. Obrazy sovremennosti v XXI veke: metamodernizm // Logos. — 2018. — № 6.
6. Sinyukov V. N. Rossiyskaya pravovaya sistema v mirovoy tipologii prava // Pravovaya politika. Pravo. Pravovaya sistema: monografiya / pod red. A. V. Malko. — M.: Yurлитinform, 2013.
7. Sinyukov V. N., Sinyukova T. V. Pravovaya traditsiya i yuridicheskiy stil kak osnovaniya sravnitel'noy tipologii rossiyskogo prava // Strategii pravovogo razvitiya Rossii: monografiya / koll. avtorov; pod red. O. Yu. Rybakova. — 2-e izd., ster. — M.: Yustitsiya, 2015.
8. Talberg N. D. Istoriya khristianskoy tserkvi. — M., 2001.
9. Tolkovaniya Svyashchennogo Pisaniya. Tolkovaniya na Mf. 7:12. Sv. Ioann Zlatoust // URL: <https://bible.optina.ru/new:mf:07:12> (data obrashcheniya: 14.09.2024).
10. Khrushcheva N. Metamodern v muzyke i vokrug nee. — 2-e izd. — M.: Ripol klassik, 2002.

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.025-031

Н. С. Липень*

О совершенствовании правового регулирования оспаривания нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами

Аннотация. Возможность судебного оспаривания нормативных правовых актов (гл. 21 КАС РФ, гл. 23 АПК РФ) является важной гарантией режима законности, обеспечения верховенства закона в демократическом правовом государстве. Положения процессуальных кодексов в целом достаточно сбалансированы. Ориентируясь на требования юридической техники, можно предлагать более точные редакции процессуальных норм как минимум в четырех направлениях. Во-первых, основное содержание деятельности по оспариванию нормативных правовых актов точно выражает часть 7 ст. 213 КАС РФ, примерно такая же формулировка может быть использована для совершенствования редакции ч. 4 ст. 194 АПК РФ. Во-вторых, проверку нормативного характера актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, желательно проводить не на стадии судебного разбирательства, а на стадии возбуждения производства по делу. Такой порядок предусмотрен для основного правового института: при оспаривании нормативных правовых актов проверка их нормативности осуществляется на стадии возбуждения дела. В-третьих, следует устранить правотворческую ошибку, допущенную в п. 2 ч. 5 ст. 217.1 КАС РФ и в п. 1 ч. 5 ст. 195.1 АПК РФ, — при отказе в удовлетворении заявленных требований некорректна предлагаемая формулировка решения суда о том, что оспариваемый акт «не обладает нормативными свойствами», поскольку это делает невозможным его оспаривание в порядке гл. 21 КАС РФ, гл. 23 АПК РФ. В-четвертых, процессуальные кодексы должны предусматривать возможность признавать недействующим не только нормативный правовой или право-интерпретационный акт полностью или в части, но и его отдельные положения полностью или в части.

Ключевые слова: нормативный правовой акт; законодательство; законность; оспаривание нормативного правового акта; законность нормативного правового акта; юридическая техника; правотворческая ошибка; акт, содержащий разъяснения законодательства; правоинтерпретационный акт; оспаривание акта, содержащего разъяснения законодательства и обладающего нормативными свойствами.

Для цитирования: Липень Н. С. О совершенствовании правового регулирования оспаривания нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 12. — С. 25–31. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.025-031.

© Липень Н. С., 2024

* Липень Никита Сергеевич, аспирант отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Большая Черемушкинская ул., д. 34, г. Москва, Российская Федерация, 117218
nslipen@yandex.ru

Improving the Legal Regulation of Challenging of Regulatory Legal Acts and Acts Containing Clarifications of Legislation and Having Regulatory Properties

Nikita S. Lipen, Postgraduate Student, Department of Theory of Law and Interdisciplinary Legislation Research, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
nslipen@yandex.ru

Abstract. The possibility of judicial challenge of regulatory legal acts (Chapter 21 of the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation (CAJP RF), Chapter 23 of the Administrative Procedure Code of the Russian Federation (APC RF) is an important guarantee of the rule of law regime, ensuring the rule of law in a democratic rule-of-law state. The provisions of procedural codes are generally quite balanced. Focusing on the requirements of legal technique, it is possible to offer more accurate versions of procedural rules in at least four directions. First, Part 7 of Article 213 of the CAJP RF defines the content of the activity aimed at challenging normative regulatory acts. Almost the same wording can be used to improve the wording of Part 4 of Article 194 of the APC RF. Second, it is advisable to check the regulatory nature of the acts containing explanations of legislation and having regulatory properties, not at the stage of litigation, but at the stage of initiating proceedings in the case. This procedure is envisaged for the main legal institution: when challenging regulatory legal acts, their normative nature is checked at the stage of initiating a case. Third, it is necessary to eliminate the legal error made in Paragraph 2 Part 5 Article 217.1 of the CAJP RF and in Paragraph 1 Part 5 Article 195.1 of APC RF: if the court rejects to satisfy the claims, the proposed wording of the court decision on the contested act «does not have normative properties,» since this makes it impossible to challenge it in accordance with Chapter 21 of the CAJP of the Russian Federation, Chapter 23 of the APC of the Russian Federation. Fourth, procedural codes should provide for the possibility of invalidating not only the normative legal or legal interpretation act in whole or in part, but also its individual provisions in whole or in part.

Keywords: normative legal act; legislation; legality; challenging a normative legal act; legality of the normative legal act; legal technique; legal error; act containing clarifications of legislation; law interpretation act; challenging an act containing clarifications of legislation and having regulatory properties.

Cite as: Lipen NS. Improving the Legal Regulation of Challenging of Regulatory Legal Acts and Acts Containing Clarifications of Legislation and Having Regulatory Properties. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(12):25-31. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.025-031

Институт судебного оспаривания нормативных правовых актов имеет важное значение в общей системе обеспечения законности и качества российского законодательства. Современный вид этот институт приобретает в 2014–2016 гг. В 2014 г. произошло объединение двух высших судебных инстанций и в АПК РФ остались только нормы, регламентирующие оспаривание нормативных правовых актов в Суде по интеллектуальным правам (гл. 23 АПК РФ). В 2015 г. принимается КАС РФ, соответствующая глава исключается из ГПК РФ и находится теперь в КАС РФ — это глава 21. В 2016 г. появляется возможность судебного оспаривания актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными

свойствами, дополнения были внесены в гл. 21 КАС РФ, гл. 23 АПК РФ.

В последние годы можно ожидать новых изменений в правовом регулировании оспаривания нормативных правовых актов. Предполагалось, что органы юстиции получат право инициировать судебное оспаривание региональных и муниципальных нормативных правовых актов; соответствующий законопроект был внесен Правительством РФ в Государственную Думу в 2020 г., но был отозван в 2023 г. Одна из статей, регламентирующих оспаривание нормативных правовых актов, постановлением Конституционного Суда РФ от 11.04.2024 № 17-П была признана частично не соответствующей Конституции Российской Федерации

и в скором будущем может появиться ее новая редакция.

Действующие положения гл. 21 КАС РФ и гл. 23 АПК РФ позволяют эффективно осуществлять деятельность по решению вопросов о законности оспариваемых нормативных правовых актов. В то же время с точки зрения правил юридической техники можно вести речь о совершенствовании отдельных формулировок процессуальных норм.

В порядке гл. 21 КАС РФ каждый год рассматривается около 2–3 тыс. дел об оспаривании нормативных правовых актов, в порядке аналогичной гл. 23 АПК РФ выносятся очень немного решений и только Судом по интеллектуальным правам. Положения гл. 21 КАС РФ более подробны, ими по аналогии можно руководствоваться и в арбитражном процессе, на это указывает постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами».

При сравнении формулировок гл. 21 КАС РФ и гл. 23 АПК РФ видна некоторая разница, и это сравнение не в пользу АПК РФ.

Так, часть 7 ст. 213 КАС РФ предполагает установление соответствия оспариваемого нормативного правового акта или его части нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу, а часть 4 ст. 194 АПК РФ — установление соответствия его федеральному конституционному закону, федеральному закону и иному нормативному правовому акту, имеющим большую юридическую силу.

В исковых заявлениях могут содержаться требования проверить оспариваемый нормативный правовой акт на соответствие Конституции РФ, а иногда даже и на соответствие международным договорам, и суд не может на это не реагировать. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 50 обращает внимание

только на то, что не следует рассматривать на предмет соответствия Конституции РФ указы Президента РФ и постановления Правительства РФ, поскольку это относится к компетенции Конституционного Суда РФ¹.

Решение Суда по интеллектуальным правам от 08.10.2019 по делу № СИП-429/2019 признает пункты 3.1 и 4.3 Правил подачи возражений и заявлений и их рассмотрения в Палате по патентным спорам соответствующими статье 55 Конституции РФ и статьям 6, 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и это представляется вполне правомерным.

Сложно предполагать, что формулировка ч. 4 ст. 194 АПК РФ «...и иному нормативному правовому акту...» имеет в виду Конституцию РФ: в этом случае получалось бы, что Конституция указывается после федеральных конституционных законов и федеральных законов, а это не вполне корректно. Формулировки и ч. 7 ст. 213 КАС РФ, и ч. 4 ст. 194 АПК РФ не предполагают установления соответствия оспариваемых актов международным договорам, и этот вопрос тоже может быть решен законодателем.

Возможно, в ч. 7 ст. 213 КАС РФ точнее выражено основное содержание рассматриваемой деятельности по оспариванию нормативных правовых актов — «суд проверяет законность положений нормативного правового акта». В части 4 ст. 194 АПК РФ термин «законность» пропущен, указано, что суд «осуществляет проверку оспариваемого акта или его отдельного положения», но само по себе выражение «проверка нормативного правового акта» может пониматься по-разному. Таким образом, при дальнейшем совершенствовании положений гл. 23 АПК РФ о проверке законности оспариваемого нормативного правового акта вполне можно ориентироваться на гл. 21 КАС РФ.

Институт оспаривания «актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» (ст. 217.1 КАС РФ, ст. 195.1 АПК РФ) в отечественной правовой си-

¹ См. также: Попов С. В. Процессуальные особенности рассмотрения административных дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8 (74). № 3. С. 166.

стеме появляется с 2016 г., и это происходит не в результате планомерного реформирования, а во многом ситуативно, в связи с решениями высших судебных инстанций по принципиальному спору между крупной бизнес-структурой (ОАО «Газпром нефть») и исполнительной властью (2014–2015 гг.).

И законодатель (ч. 1 ст. 217.1 КАС РФ, ч. 1 ст. 195.1 АПК РФ), и судебная власть (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50) исходят из того, что оспаривание актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, должно происходить в такой же процедуре, как и оспаривание нормативных правовых актов, с учетом того, что проверяется не законность оспариваемой правовой нормы, а соответствие разъяснений смыслу толкуемых правовых норм.

Если обратить внимание на формулировки ст. 217.1 КАС РФ, ст. 195.1 АПК РФ в сравнении с формулировками других статей гл. 21 КАС РФ и гл. 23 АПК РФ, то можно видеть следующее. Установление нормативности правового акта происходит на стадии возбуждения дела, а акта, содержащего разъяснения законодательства, — на стадии судебного разбирательства. Такое различие между основным и «дочерним» правовыми институтами представляется неоправданным.

В теории права различают нормативное и казуальное толкование правовых норм и выделяют соответствующие акты. Но не говорится о том, что акты нормативного толкования, по сравнению с нормативными правовыми актами, обладают какой-то особой нормативностью, что могло бы служить основанием для иного процессуального порядка ее установления.

При оспаривании нормативных правовых актов вопрос об их нормативности решается при принятии заявления. Если акт не является нормативным, возможные варианты решений (возвращение заявления, оставление заявления без движения и др.) отражены в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50.

Вопрос же о нормативности актов, содержащих разъяснения законодательства и обладаю-

щих нормативными свойствами, в соответствии со ст. 217.1 КАС РФ и ст. 195.1 АПК РФ, решается на стадии судебного разбирательства. Такое принципиальное различие в содержании стадий представляется недостаточно оправданным. Для установления единообразного регулирования порядка оспаривания нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, можно предложить установление нормативности последних перенести со стадии судебного разбирательства на стадию возбуждения дела. В этом случае соответствующие изменения и дополнения следует внести в ст. 217.1 КАС РФ и ст. 195.1 АПК РФ.

Далее, можно видеть, что, поскольку нормативность акта, содержащего разъяснения законодательства и обладающего нормативными свойствами, устанавливается на стадии судебного разбирательства, этот вопрос должен быть отражен и в решении по делу.

При признании оспариваемого правоинтерпретационного акта законным суд принимает решение «об отказе в удовлетворении заявленных требований, если оспариваемый акт полностью или в части не обладает нормативными свойствами и соответствует содержанию разъясняемых им нормативных положений» (п. 2 ч. 5 ст. 217.1 КАС РФ), «о признании оспариваемого акта полностью или в части не обладающим нормативными свойствами и соответствующим разъясняемым им нормативным положениям» (п. 1 ч. 5 ст. 195.1 АПК РФ). Но такие формулировки требуют одновременного решения двух вопросов — о признании акта не обладающим нормативными свойствами и о соответствии его разъясняемым им нормативным положениям (союз «и», конъюнкция как логический прием). Однако решение первого вопроса делает бессмысленным решение второго: если акт не обладает нормативными свойствами, он не может рассматриваться в порядке гл. 21 КАС РФ, гл. 23 АПК РФ, поскольку этот порядок предусмотрен для оспаривания только нормативных актов.

В соответствии с процитированными нормами невозможно корректно сформулировать решение; решения, которые подтверждают законность оспариваемых правоинтерпрета-

ционных актов, как правило, содержат только фразу об отказе в удовлетворении заявления.

Если в иных случаях, указанных в данной статье, речь идет о вариативности правового регулирования, то здесь следует признать наличие правотворческой, или законодательной, ошибки. В юридической науке выясняют причины и способы противодействия правотворческим юридическим ошибкам², отмечают их объективный характер и принципиальную неустрашимость.

При анализе рассматриваемых формулировок на первый взгляд кажется, что дело только в неоправданном использовании одной логической конструкции (конъюнкция, союз «и») вместо другой (дизъюнкция, союз «или»). Стоит заменить «и» на «или», и всё будет в порядке. Тогда получается, что в п. 2 ч. 5 ст. 217.1 КАС РФ и в п. 1 ч. 5 ст. 195.1 АПК РФ законодатель имел в виду два варианта отказа в удовлетворении заявленных требований — если оспариваемый правоинтерпретационный акт не обладает нормативными свойствами и если он соответствует разъясняемому им нормативным положением.

Но здесь второе основание корректно, а первое — не вполне. В соответствии с ним только определяется отсутствие нормативности оспариваемого акта, вопрос не разрешается по существу. Акт, не обладающий нормативными свойствами, может содержать не нормативное, а казуальное толкование, которое тоже может или соответствовать, или не соответствовать разъясняемому им нормативным положением. И не разрешается вопрос о том, что дело должно рассматриваться в порядке оспаривания ненормативных правовых актов, в соответствии с гл. 22 КАС РФ, гл. 24 АПК РФ.

Из всех публикаций, вышедших в 2016–2017 гг. и посвященных новому на тот момент правовому институту — оспариванию актов,

содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, рассматриваемая проблема замечена только в одной работе.

Некорректность формулировки п. 2 ч. 5 ст. 217.1 КАС РФ отметил М. А. Сойников: по его мнению, неверно использован союз «и». Но его предложение — заменить «и» на «и/или»³ — еще более усугубляет неоднозначность нормы, ведь некорректность союза «и» остается (поскольку он не заменяется на «или», предлагается вариативно — «и» либо «или»), к ней добавляется некорректность варианта с «или».

По нашему мнению, вопрос решается иначе. Необходимо просто исключить частицу «не» из п. 2 ч. 5 ст. 217.1 КАС РФ, п. 1 ч. 5 ст. 195.1 АПК РФ. То есть в решении суда должна быть подтверждена нормативность оспариваемого акта и он должен быть признан законным.

Нынешняя редакция этих положений тоже может быть объяснена. Следует исходить из того, что в процессе подготовки законопроекта законодатель ориентировался на взаимосвязь положений, раскрывающих содержание стадии судебного разбирательства и выносимого судебного решения. Если суд на стадии судебного разбирательства устанавливает и нормативность оспариваемого акта, и соответствие его положений смыслу разъясняемых им правовых норм, тогда и то и другое должно найти отражение в решении.

Вероятные соображения законодателя: раз суд выясняет, обладает или нет акт нормативными свойствами, и требования административного истца или заявителя не удовлетворяются, значит, и акт не должен обладать нормативными свойствами. Частица «не» есть уже в законопроекте, внесенном в 2015 г. Государственную Думу и принятом в первом чтении, о поправках только в КАС РФ; далее она перекоче-

² Москалькова Т. Н. Законотворческие ошибки: понятие, виды и пути противодействия // Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах : материалы Междунар. науч.-практ. круглого стола (29–30 мая 2008 г.) / под ред. В. М. Баранова, И. М. Мацкевича. М., 2009. С. 17–25.

³ Сойников М. А. Новеллы административного судопроизводства по делам об оспаривании актов, разъясняющих законодательство и обладающих нормативными свойствами // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2016. № 2 (9). С. 37.

вала и в соответствующие поправки к АПК РФ, предлагаемые к принятию во втором чтении законопроекта. В итоге в силу специфичности самого института и сложности формулировок рассматриваемое положение было принято в действующей редакции.

Следующее предложение о возможном совершенствовании правового регулирования судебного оспаривания нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, касается формулировок, используемых при признании акта недействующим.

Здесь используются две разные формулировки.

В трех случаях — при признании недействующими нормативных правовых актов в порядке административного судопроизводства (п. 1 ч. 5 ст. 215 КАС РФ), актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, в порядке административного (п. 1 ч. 2 ст. 217.1 КАС РФ) и арбитражного (п. 2 ч. 5 ст. 195.1 АПК РФ) судопроизводства — предлагается признавать их не действующими полностью или в части.

И в одном случае — при признании недействующими нормативных правовых актов в порядке арбитражного судопроизводства (п. 2 ч. 2 ст. 195 АПК РФ) — предусмотрены четыре варианта: признание нормативного правового акта не действующим полностью или в части, отдельных его положений полностью или в части.

И здесь нет оснований для разных формулировок, везде желательно наиболее точное единообразное выражение соответствующего правила.

Следует иметь в виду, что исковые требования об оспаривании нормативных правовых и правоинтерпретационных актов в абсолютном большинстве случаев направлены на признание недействующими положений, содержащихся в отдельных статьях, пунктах, в частях статей, пунктов этих актов. В практике Верховного Суда РФ есть только единичные случаи, когда истцы просили признать недействующим весь нормативный правовой акт.

Соответственно, и в судебных решениях признается недействующим не нормативный или

правоинтерпретационный акт в целом или в части, а конкретные положения, содержащиеся в соответствующих статьях и пунктах, в частях статей, пунктов.

Поэтому в процессуальных кодексах наиболее предпочтительны формулировки, предполагающие признание недействующим не только оспариваемого акта полностью или в части, но и его отдельных положений полностью или в части. Примерно такая формулировка содержится в п. 2 ч. 2 ст. 195 АПК РФ, она может быть использована при совершенствовании аналогичных положений ст. 215, 217.1 КАС РФ, ст. 195.1 АПК РФ.

Таким образом, с точки зрения юридической техники возможны более точные редакции процессуальных норм, регламентирующих оспаривание нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами.

Во-первых, основное содержание деятельности по оспариванию нормативных правовых актов (проверка их законности) точнее выражает часть 7 ст. 213 КАС РФ, ее можно использовать для совершенствования ч. 4 ст. 194 АПК РФ.

Во-вторых, нет ни общетеоретических, ни процессуальных оснований для разного содержания стадий судопроизводства при оспаривании нормативных правовых актов и при оспаривании актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами. Проверку нормативного характера последних желательно проводить не на стадии судебного разбирательства, а на стадии возбуждения производства по делу.

В-третьих, следует устранить правотворческую ошибку, допущенную в 2016 г. при внесении в процессуальные кодексы изменений и дополнений в связи с введением института оспаривания актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами. При отказе в удовлетворении заявленных требований некорректна формулировка решения суда о том, что оспариваемый акт «не обладает нормативными свойствами» (п. 2 ч. 5 ст. 217.1 КАС РФ и п. 1 ч. 5 ст. 195.1 АПК РФ), поскольку это делает в принципе невозможным его оспаривание в порядке гл. 21 КАС РФ, гл. 23 АПК РФ.

В-четвертых, процессуальные кодексы должны предусматривать возможность признавать недействующим не только нормативный пра-

вовой или правоинтерпретационный акт полностью или в части, но и его отдельные положения полностью или в части.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Москалькова Т. Н. Законотворческие ошибки: понятие, виды и пути противодействия // Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах : материалы Междунар. науч.-практ. круглого стола (29–30 мая 2008 г.) / под ред. В. М. Баранова, И. М. Мацкевича. — М. : Проспект, 2009. — С. 17–25.
2. Попов С. В. Процессуальные особенности рассмотрения административных дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. — 2022. — Т. 8 (74). — № 3. — С. 161–169.
3. Соиников М. А. Новеллы административного судопроизводства по делам об оспаривании актов, разъясняющих законодательство и обладающих нормативными свойствами // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. — 2016. — № 2 (9). — С. 36–38.

Материал поступил в редакцию 17 апреля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Moskalkova T. N. Zakonotvorcheskie oshibki: ponyatie, vidy i puti protivodeystviya // Pravotvorcheskie oshibki: ponyatie, vidy, praktika i tekhnika ustraneniya v postsovetских gosudarstvakh: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. kruglogo stola (29–30 maya 2008 g.) / pod red. V. M. Baranova, I. M. Matskevicha. — M.: Prospekt, 2009. — S. 17–25.
2. Popov S. V. Protsessualnye osobennosti rassmotreniya administrativnykh del ob osparivaniy normativnykh pravovykh aktov i aktov, soderzhashchikh razyasneniya zakonodatelstva i obladayushchikh normativnymi svoystvami // Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. — 2022. — T. 8 (74). — № 3. — S. 161–169.
3. Soynikov M. A. Novelly administrativnogo sudoproizvodstva po delam ob osparivaniy aktov, razyasnyayushchikh zakonodatelstvo i obladayushchikh normativnymi svoystvami // Rossiyskaya nauka i obrazovanie segodnya: problemy i perspektivy. — 2016. — № 2 (9). — S. 36–38.

Значение финансовых институтов БРИКС на этапе формирования альтернативной денежно-кредитной системы

Аннотация. Статья посвящена изучению проблем, связанных со становлением новых финансовых институтов БРИКС. По итогам исследования сделан ряд выводов. Во-первых, появление «Нового банка развития» БРИКС позволит странам-участницам осуществлять финансирование и кредитование своих программ и целых отраслей экономики на прозрачных и равных финансовых началах, без дискриминационного и предвзятого подхода, применяемого в действующей международной денежно-кредитной системе, опирающейся на доллар. Во-вторых, указанный институт будет способствовать решению сложного вопроса о форме расчетов внутри БРИКС — между его участниками. Наряду с этим, в работе обосновывается необходимость проведения расчетов в национальной валюте, что объективно обусловлено существующими, а также развивающимися торговыми связями, структурой экспортно-импортных операций и увеличением инвестиционной активности государств, входящих в БРИКС. Аргументируется идея создания будущей валюты БРИКС R5, объединяющей региональные валюты на платформе, позволяющей соединить крупнейшие развивающиеся рынки названных стран. В дальнейшем это позволит расширить сферу обращения R5, номинировать в R5 займы (облигации), накапливать ее в резервах стран БРИКС и др. Созданные и создаваемые финансовые институты БРИКС, с учетом положительного и отрицательного опыта, повышают доверие к данному объединению в мире; свидетельствуют о значительном потенциале, что делает его привлекательным для других юрисдикций; позволяют повысить его влияние на создание альтернативной денежно-кредитной мировой финансовой системы.

Ключевые слова: финансовые институты БРИКС; денежно-кредитная система; национальные валюты; Новый банк развития; валюта R5; пул резервных валют; международные финансовые организации; финансовая независимость; Федеральная резервная система; финансовый суверенитет; финансирование; кредитование.

Для цитирования: Перепелица М. А. Значение финансовых институтов БРИКС на этапе формирования альтернативной денежно-кредитной системы // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 12. — С. 32–39. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.032-039.

© Перепелица М. А., 2024

* Перепелица Мария Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Кубанского государственного университета
Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Российская Федерация, 350040
perepelitsa.doc@gmail.com

Significance of BRICS Financial Institutions at the Stage of an Alternative Monetary System Formation

Maria A. Perepelitsa, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation
perepelitsa.doc@gmail.com

Abstract. The paper is devoted to the study of problems associated with the formation of new financial institutions of BRICS. Based on the results of the study, a number of conclusions were made. First, the emergence of the BRICS New Development Bank will allow participating countries to finance and lend to their programs and entire sectors of the economy on a transparent and equal financial basis avoiding the discriminatory and biased approach used in the current international monetary system based on the US dollar. Second, this institute will contribute to solving a complex issue of the form of settlements within the BRICS between its member states. Along with this, the study justifies the need for settlements in national currency, which is objectively due to existing, as well as developing trade relations, the structure of export-import operations and an increase in investment activity of the BRICS member states. The author justifies the idea of creating a future BRICS' R5 currency, uniting regional currencies on a platform that allows connecting the largest emerging markets of these countries. In the future, this will expand the scope of R5 circulation, nominate loans (bonds) in R5, accumulate it in the reserves of the BRICS countries, etc. The BRICS financial institutions that have already been established and are still being created, taking into account positive and negative experience, increase confidence in this association in the world; indicate significant potential, making it attractive to other jurisdictions; make it possible to increase its influence on the creation of an alternative monetary world financial system.

Keywords: BRICS financial institutions; monetary system; national currencies; New Development Bank; R5 reserve currency pool; international financial institutions; financial independence; the Federal Reserve; financial sovereignty; funding; crediting.

Cite as: Perepelitsa MA. Significance of BRICS Financial Institutions at the Stage of an Alternative Monetary System Formation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(12):32-39. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.032-039

БРИКС (BRICS) представляет собой объединение государств (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика) в единый союз, который возник 18 февраля 2011 г. Несмотря на то что БРИКС де-юре включает в свой состав именно государства, де-факто это открытое межрегиональное и интерконтинентальное объединение, охватывающее четыре огромных региона мира с крупными экономиками, ресурсной базой и огромным потенциалом развития (Азия, Африка, Европа и Латинская Америка). Каждая из стран БРИКС выступает «порталом» для включения в данный союз государств, находящихся на одном с ней континенте, а также экономик сопряженных регионов. Так, ЮАР выступает центром притяжения и представителем

политики БРИКС на Африканском континенте; для Российской Федерации пространством присутствия и распространения концептов БРИКС является территория Союза Независимых Государств; для Индии — это Южная Азия, а для Китая — Восточная и Юго-Восточная Азия. И как показало время, существование БРИКС позволило привлечь ряд других экономик и государств мира в качестве новых участников и кандидатов на вступление в организацию, что не отменяет в перспективе включение в союз и других заинтересованных международных субъектов¹. В настоящее время около 3,21 млрд человек (42 % населения мира) входит в союз БРИКС.

Основной причиной возникновения союза БРИКС и его развития выступила «острая необ-

¹ По состоянию на 1 января 2024 г. участниками БРИКС являются: Бразилия, Египет, Индия, Иран, Китай, Объединенный Арабские Эмираты, Россия, Эфиопия, ЮАР. Кандидатами в члены выступают: Алжир, Бан-

ходимость по формированию честного, справедливого, равноправного и представительного многополярного миропорядка, основанного на верховенстве международного права, равноправии, взаимном уважении, сотрудничестве, скоординированных действиях и коллективном принятии решений всеми государствами»². Этот концепт был положен в основу принятия решений по приоритетным направлениям взаимодействия стран-участниц. К данным направлениям, затрагивающим интересы государств, входящих в БРИКС, относятся: появление новой системы глобального экономического управления, устойчивый экономический рост и предотвращение финансовых кризисов, создание новой резервной валюты и переход стран БРИКС на национальные валюты при взаимной торговле; развитие цифровой экономики; защита окружающей среды — климат, экология планеты; решение проблемы бедности в рамках БРИКС на уровне государств по линии «Юг — Юг» и по линии «Юг — Север»; развитие торговли и инноваций, промышленности и технологий; энергетика и инфраструктурное развитие; обеспечение продовольственной безопасности; взаимодействие по линии биотехнологий и биомедицины и др.

БРИКС ставит перед собой глобальные стратегические цели³, достижение которых невозможно без выработки соответствующих правил организации и функционирования финансовых, денежно-кредитных систем, создания новых финансовых институтов союза, которые бы

позволили развивать экономическое и иное сотрудничество стран внутри БРИКС, минимизируя негативные последствия финансовых кризисов, санкционного давления, ограничения свободы торговой деятельности, резкого изменения курсов национальных валют и других отрицательных проявлений современной финансовой системы, базирующейся на использовании доллара как международного средства платежа. Создание собственных финансовых институтов БРИКС в целях обеспечения интересов как отдельных участников, так и объединения в целом — основа для существования и развития данного союза в будущем.

Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 года определила цели создания ее новой финансовой (денежно-кредитной системы), наиболее важными из которых являются: 1) содействие расширению использования национальных валют во взаимных расчетах; 2) развитие сотрудничества по вопросам реформирования международной финансовой архитектуры с акцентом на усиление роли БРИКС; 3) наращивание сотрудничества по увеличению доли голосов стран БРИКС в МВФ и Всемирном банке с целью расширения представительства БРИКС в глобальной финансовой архитектуре; 4) укрепление сотрудничества стран БРИКС в области платежных систем; 5) развитие сотрудничества в области новых финансовых технологий и информационной безопасности в финансовом секторе; 6) совершенствование

гладеш, Бахрейн, Белоруссия, Боливия, Венесуэла, Вьетнам, Гондурас, Казахстан, Колумбия, Куба, Кувейт, Кыргызстан, Марокко, Нигерия, Пакистан, Палестина, Сенегал, Сербия, Таиланд. Наиболее широкий круг будущих субъектов организации представлен следующими государствами: Абхазия, Ангола, Афганистан, Габон, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Зимбабве, Индонезия, Ирак, Йемен, Кения, КНДР, Коморы, Ливия, Малайзия, Мозамбик, Мьянма, Науру, Никарагуа, Оман, Сирия, Сомали, Судан, Таджикистан, Танзания, Тунис, Турция, Уганда, Узбекистан, Уругвай, Фиджи, Филиппины, ЦАР, Чили, Шри — Ланка, Эсватини, Южный Судан (URL: <https://www.ru.m.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 20.07.2024)).

² Сямэнская декларация руководителей стран БРИКС. Сямэнь, Китай, 4 сентября 2017 г. // URL: <https://www.nkibrics.ru/pages/summit-docs> (дата обращения: 21.07.2024).

³ Масштаб стратегического взаимодействия между странами — участниками БРИКС иллюстрирует использование разнообразных форматов их сотрудничества, к которым относятся: Академический форум БРИКС, Банк развития БРИКС, Водный форум БРИКС, Контактная группа БРИКС по торгово-экономическим вопросам, встреча предпринимателей стран БРИКС, встреча представителей национальных органов по стандартизации стран БРИКС, встреча Рабочей группы БРИКС по антимонопольной политике, встреча Рабочей группы по вопросам сотрудничества в сфере ИТ и безопасности в сфере использования ИТ, Деловой

функционирования механизма Пула условных валютных резервов; 7) продолжение взаимодействия по созданию фонда облигаций БРИКС в национальных валютах и его эффективного функционирования; 8) содействие деятельности Нового банка развития как конкурентоспособного и эффективного многостороннего института развития, отвечающего интересам всех участников и расширяющего потенциал использования национальных валют; 9) борьба с отмыванием средств и финансированием терроризма; 10) расширение сотрудничества между налоговыми ведомствами стран БРИКС⁴.

Исходя из вышеперечисленных финансовых целей развития БРИКС, можно отметить следующее: во-первых, союз не ставит своей задачей нейтрализовать действующую мировую финансовую долларовую систему, а отстаивает возможность обеспечения и защиты национальных интересов в процессе функционирования международных финансовых организаций: МВФ, ЕБРР, Всемирного банка, Банка международных расчетов, Совета по финансовой стабильности и др.⁵; во-вторых, союз ставит своей целью приобретение финансовой самостоятельности, что выражается в расширении системы платежей в национальных валютах между странами — членами БРИКС, а также в создании общей валюты БРИКС. Достижение названных целей должно способствовать формированию альтернативной

финансовой, в том числе мировой денежно-кредитной, системы, для чего БРИКС создает соответствующие финансовые институты, с одной стороны, являющиеся аналогами действующих в «долларовой» системе, с другой стороны, ориентирующиеся исключительно на обеспечение интересов экономик стран объединения. Важная роль здесь отводится Новому банку развития (далее — НБР).

Созданию НБР предшествовало расширение межбанковского сотрудничества на уровне национальных финансовых институтов государств — членов БРИКС, среди которых в первую очередь возможно назвать: Бразильский банк экономического и социального развития, Российскую государственную корпорацию «ВЭБ.РФ», Экспортно-импортный банк Индии, АО Корпорацию «Государственный банк развития Китая», Банк развития Южной Африки. Основной целью партнерства национальных банков стран БРИКС стала разработка правил предоставления банковских услуг в виде кредитования инвестиционных проектов в различных странах. Результатом данной работы явилось принятие Генерального соглашения о предоставлении кредитов в национальных валютах в 2012 г. Окончательное решение о создании НБР было принято на V Саммите БРИКС 27 марта 2013 г., а соответствующее Соглашение было подписано главами государств БРИКС 15 июля 2014 г. на VI Саммите объединения.

форум, Диалог академий стран БРИКС, Встреча рабочей группы по вопросам энергосбережения, Медиа-форум стран БРИКС, Постоянный комитет Пула условных валютных резервов БРИКС, Спортивные игры БРИКС, Встреча Рабочей группы стран БРИКС по биотехнологиям и биомедицине, Форум космических агентств стран БРИКС, Юридический форум стран БРИКС, встреча Рабочей группы Фонда облигаций в национальных валютах стран БРИКС, Форум породненных городов и муниципальных образований стран БРИКС, Финансовый форум БРИКС, Форум молодых ученых стран БРИКС, встреча Рабочей группы по электронной торговле, Платформа энергетических исследований БРИКС, Платформа экологически чистых технологий БРИКС, Партнерство в области региональной авиации, Женский форум БРИКС, Сети научных парков, технологических бизнес-инкубаторов и малых и средних предприятий стран БРИКС и т.д. См.: БРИКС в мировой экономике и финансах : монография / под ред. И. З. Ярыгиной, В. И. Герасимова. М. : МГИМО-Университет, 2024. С. 25–27.

⁴ URL: <https://www.brics-russia 2020.ru> (дата обращения: 21.07.2024).

⁵ Страны БРИКС неоднократно ставили вопрос о необходимости повышения своего ролевого статуса в рамках мировой финансовой системы. В Декларации XI Саммита, проходившего в Бразилии в ноябре 2019 г., главы государств и правительств стран БРИКС высказали разочарованность результатами 15-го общего обзора квот МВФ, который так и не привел к корректировке общего размера голосов стран БРИКС в Фонде. Сегодня на долю БРИКС приходится 44 % мировой добычи и потребления нефти, 36 % добычи и

Основной целью НБР объявлялось финансирование инфраструктурных проектов, а также проектов устойчивого развития в странах БРИКС и других развивающихся странах. Создание НБР БРИКС направлено на снижение кредитной зависимости стран союза от доминирующих мировых финансовых организаций в первую очередь МВФ и Всемирного банка, которые при предоставлении финансовых ресурсов выдвигают различные политические требования к странам-должникам. В создании НБР Российская Федерация была особенно заинтересована, поскольку именно в этот период начался активный процесс введения запретов, ограничений, санкционной политики в отношении нашей страны.

Первоначальный капитал НБР был сформирован в виде Пула условных валютных резервов БРИКС, объем которого составил 100 млрд долл.: Китай вложил 41 млрд долл., Россия, Бразилия и Индия по 18 млрд долл., ЮАР — 5 млрд долл. Несмотря на разницу размеров взносов, голоса государств распределяются в равной пропорции, так как одним из принципов действия НБР как финансового института является равноправное партнерство. Подобный подход позволяет членам организации влиять на принятие решений в сфере финансов с учетом достижения баланса национальных интересов и интересов организации в целом. Важным является признак открытости НБР, предусматривающий возможность участия в нем большего числа стран, не обязательно входящих в БРИКС. Реализация данного

признака позволяет достичь большей капитализации НРБ. Справедливо отмечается, что «для придания развитию Банка большей динамики и повышения его интернационализации к его деятельности привлекаются страны, которые готовы строить новый миропорядок и новую мировую финансовую инфраструктуру без доминирования США и контролируемой ими мировой банковской элиты»⁶.

Согласно Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 года, НБР использует различные финансовые инструменты для реализации инвестиционных проектов как внутри стран — участников БРИКС, так и на уровне межгосударственных связей: предоставление займов, гарантий и др. В приоритете — финансовое обеспечение транспортной и телекоммуникационной инфраструктур, энергетического сектора экономики, жилищно-коммунального хозяйства, проектов городского развития, а также содействие торгово-экономическим связям между странами БРИКС⁷. Часть кредитных средств предоставлялась в валютах стран БРИКС, что являлось положительным фактором, так как давало возможность уменьшить риски, связанные с колебаниями курсов валют заинтересованных стран, что, в свою очередь, способствовало устойчивости реализуемых проектов, которые, как правило, носят долгосрочный характер.

Таким образом, несомненным достоинством и преимуществом политики НБР БРИКС является появившаяся у стран-членов возможность осу-

потребления газа, 70 % и 65 % потребления стали, 44 % производства и 46 % потребления минеральных удобрений, 57 % производства и потребления продовольствия, 48 % производства автомобилей. Несмотря на столь внушительное участие в международном разделении труда, роль стран БРИКС в мировой финансовой системе остается крайне незначительной. Это связано с тем, что ее ключевые инструменты и институты продолжают находиться под контролем США и их союзников. См.: Кузнецов А. С. БРИКС в мировой финансовой системе: необходимость выравнивания правил игры // URL: <https://www.russiancouncil.ru/analitics> (дата обращения: 20.07.2024).

⁶ См.: БРИКС в мировой экономике и финансах. С. 329.

⁷ Например, в 2016 г. НБР одобрил в общей сложности 7 проектов, предусматривающих финансирование на сумму более 1,5 млрд долл. по разным странам БРИКС. 300 млн долл. НБР предоставил Бразильскому банку развития для поддержки проектов в сфере возобновляемой энергии и строительства линий электропередач и других областях. Южной Африке НБР предоставил кредит в размере 180 млн долл. для развития электросетевой инфраструктуры и строительства дополнительных мощностей по выработке 500 МВт. Для России был одобрен кредит на 100 млн долл. на строительство двух малых электростанций в Карелии — «Белопорожской ГЭС — 1» и «Белопорожской ГЭС — 2». НБР предоставил суверенную

ществлять финансирование не только отдельных программ, но и целых отраслей экономики на началах справедливости, прозрачности кредитования, без дискриминационного, предвзятого и политического подхода. Это повышает доверие к данному финансовому институту в мире, делает его привлекательным для других юрисдикций и влечет расширение числа членов организации, что объективно способствует наращиванию потенциала НБР в частности и БРИКС в целом, а также расширению сфер его деятельности и повышению влияния в мире в целях преобразования мировой финансовой системы. Одной из проблем в этом направлении, возникшей еще на начальном этапе создания БРИКС и не решенной на данный момент, является форма расчетов. Решение данного вопроса позволит БРИКС достичь финансового суверенитета и устранить зависимость от действующей денежно-кредитной системы, находящейся под контролем США, а именно Федеральной резервной системы США. Последняя имеет неограниченные возможности по эмиссии своей валюты, что и привело к доминированию США в мировой финансовой системе и глобальной экономике, а также предоставило им необоснованные преимущества перед другими государствами мира. В начале XXI в. многие страны и народы осознали, что подобное доминирование несет угрозу их национальным интересам. Логично, что в такой ситуации появление альтернативного пути развития финансовой системы стало объективным процессом.

В настоящее время перед БРИКС со всей остротой встают вопросы расширения использования национальных валют при расчетах и главным образом — создания резервной валюты БРИКС. Экономисты отмечают сложность данного процесса, связанного с целым рядом объек-

тивных обстоятельств, характеризующих, в частности, курс национальных валют государств — членов организации, их востребованность, конвертируемость и др., что влияет на формирование корзины национальных валют, которую возможно было бы использовать для создания резервной валюты БРИКС. «Фрагментированный мир со множеством резервных валют не является устойчивым, поскольку валюты с небольшой долей в мировой экономической системе вряд ли получают статус резервных. Таким образом, можно ожидать, что после длительного периода чрезмерной централизации в мировой валютной системе, отмеченного преобладания доллара США может наступить период “перегиба” в процессе децентрализации, когда использование многочисленных национальных валют в международных транзакциях вместо доллара может привести к чрезмерной фрагментации валютного пространства»⁸. Не останавливаясь на анализе экономических проблем, влияющих на формирование резервной валюты БРИКС, отметим лишь необходимость выработки критериев, которые позволят закрепить право страны на включение ее валюты в Пул резервных валют БРИКС. Члены организации отмечают, что при решении названных проблем следует учитывать мировой опыт, но не допускать использования принципов и подходов «долларовой» системы, не учитывающей национальные интересы стран и ведущей к утрате финансового суверенитета целого ряда государств.

Предлагается учитывать, в частности, долю государства в мировом ВВП, структуру его экспорта и импорта, объемы инвестиционных потоков. Валюты стран, отвечающих этим требованиям, могут быть включены в структуру резервных валют БРИКС. На современном этапе Пул условных валютных резервов представлен валютами

гарантию в размере 250 млн долл. индийскому «Канара банку», который применил этот финансовый инструмент для кредитования проектов в сфере солнечной и ветровой энергии, гидроэнергии. В марте 2020 г. НБР разработал специальный механизм финансирования объемом в 10 млрд долл. для оказания поддержки странам БРИКС в борьбе с пандемией коронавируса, это были экстренные выплаты на нужды здравоохранения, выполнения социальных обязательств и финансирования государственных программ по восстановлению экономики и т.д. Дальнейшие годы работы НБР также характеризовались активной кредитной и финансовой деятельностью. См.: БРИКС в мировой экономике и финансах. С. 332–340.

⁸ См.: БРИКС в мировой экономике и финансах. С. 265.

стран — создателей организации. В перспективе резервными валютами могут быть признаны и валюты иных государств — членов БРИКС.

Сложность решения названных проблем объясняется также тем, что на страны — члены БРИКС как субъектов внешнеторгового оборота неизбежно распространяются требования по выполнению правил международных расчетов, в том числе через международные финансовые структуры. Думается, что рост числа стран — членов БРИКС и расширение торгово-экономических отношений между ними будут способствовать укреплению системы расчетов в национальных валютах, а также созданию единой валюты. Несмотря на трудности в достижении названных целей, высказано предложение о создании будущей валюты БРИКС — R5, предполагающей объединение региональных валют на специальной платформе крупнейших развивающихся рынков (все валюты БРИКС начинаются на букву R: реал, рубль, рупия, ренминби (юань), ранд). Эта идея обсуждалась на Форуме БРИКС 19 августа 2023 г. К основным вопросам, требующим решения, относятся следующие: выполнение R5 всех функций денег; определение субъекта, осуществляющего эмиссию R5, что с неизбежностью ставит вопрос о создании центрального банка БРИКС как эмиссионного центра; установление формы выпуска R5 (цифровая, электронная и др.) и многие другие.

Несмотря на продолжающиеся дискуссии, в целом страны — члены БРИКС согласны с тем, что эмиссионный банк нужен, но он не должен вмешиваться в деятельность центральных банков стран — участниц БРИКС, которые внутри своих юрисдикций осуществляют финансовое регулирование и надзор. Подобный подход свидетельствует о том, что национальные валюты и внутренний денежный суверенитет каждой из стран не будут ограничены или потеряны. R5 будет выполнять функцию виртуальной валюты для международных транзакций между центральными банками. Эта валюта может служить и средством накопления, что позволит государствам с профицитом торгового баланса

хранить в R5 средства, накопленные в рамках двусторонней торговли между странами БРИКС. В последующем R5 можно будет использовать и как средство накопления, и как международную резервную валюту.

Сказанное позволяет предположить, что у R5 есть все основания стать «параллельной» международной валютой, сосуществующей с пятью национальными денежными единицами, используемой преимущественно или исключительно для международных расчетов не только между странами — членами БРИКС.

Как отмечают специалисты, валюта БРИКС будет нуждаться в серьезном обеспечении и поддержке: «Технически поддержка валюты означает ее привязку к прочному, надежному и стабильному активу, что должно обеспечить широкое принятие и обращение денежной единицы. Чтобы обеспеченность валюты имела реальное значение, денежная единица должна свободно конвертироваться в актив по фиксированному курсу. Как обеспечить доверие к R5 и ее широкое распространение? Один из возможных вариантов — это конвертация R5 в облигации, гарантированные пятью странами. За выпуск облигаций с разными сроками погашения и процентными ставками будет отвечать эмиссионный банк, а новая валюта будет свободно конвертироваться в соответствующие облигации»⁹. Из этого следует, что в дальнейшем вполне возможно расширение сферы обращения R5 с увеличением займов и облигаций, номинированных в R5, выплатой дивидендов в R5. К выпуску займов и облигаций в R5 можно активно привлекать НБР как финансовый институт БРИКС, который уже имеет определенный опыт работы в этом направлении.

Консолидация стран — участниц БРИКС способствовала созданию, помимо НБР, ряда иных финансовых институтов. Свое развитие получили такие финансовые механизмы, как Евразийский фонд стабилизации и развития (ЕФСР), Механизм резервирования на случай непредвиденных обстоятельств БРИКС (СРА БРИКС), Многосторонняя Чиангмайская инициатива (СМИМ). Деятельность данных структур направлена на

⁹ См.: Батиста П. Н. (мл.) Валюта БРИКС? // Современная мировая экономика. 2023. Т. 1. № 3 (3). С. 129–135.

финансирование стабилизационных программ и инвестиционных проектов в национальных валютах между странами БРИКС. Пул условных валютных резервов, сформировавшийся в 2015 г., представляет собой основу для всё более тесного взаимодействия национальных валют и платежных систем юрисдикций БРИКС.

Некоторые финансовые институты находятся на стадии формирования: Инвестиционный фонд интеграции БРИКС, Фонд облигаций БРИКС, Биржевой альянс БРИКС. В то же время имеется и негативный опыт формирования финансовых институтов. Так, была предпринята попытка создания собственного кредитного рейтингового агентства как противодействия Большой тройке американских агентств (S and P Global Ratings, Moodys, Fitch), играющей важную роль на международном кредитном рынке и способной оказывать огромное влияние на стоимость финансовых ресурсов для различных категорий заемщиков. Порядок определения рейтингов Большой тройкой неоднократно вызывал недоверие и критику со стороны остальных участников кредитного рынка по причине несоответствия реальности и искажения действительных фактов. В этой связи в 2013 г. российское рейтинговое агентство «Рус-Рейтинг» со-

вместно с китайским агентством Dagong и американской рейтинговой компанией Egan Jones создали в Гонконге свое рейтинговое агентство Universal Credit Rating Group, которое должно было разработать международную рейтинговую систему для предоставления субъектам мирового финансового рынка достоверной информации и оценки. В силу ряда обстоятельств проект не был завершен, но потребность в нем существует и принимаются меры по его реализации.

Анализ наиболее актуальных и важных задач, стоящих перед БРИКС, по созданию новой альтернативной денежно-кредитной системы позволяет отметить следующее: несмотря на то, что участие финансовых институтов БРИКС в решении глобальных финансовых вопросов еще недостаточное, способность БРИКС выработать на уровне стран-участниц общую стратегию формирования новой мировой финансовой системы становится с каждым годом всё более реальной. Это подтверждается повышением значимости и потенциала БРИКС, ростом его авторитета, привлекательности для всё большего числа стран как союза, основанного на справедливых и понятных правилах взаимодействия, нацеленного на достижение баланса национальных интересов членов организации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. БРИКС в мировой экономике и финансах : монография / под ред. И. З. Ярыгиной, В. И. Герасимова. — М. : МГИМО-Университет, 2024. — 503 с.
2. Кузнецов А. В. Концептуальные подходы к формированию устойчивой мировой валютно-финансовой системы // Финансы: теория и практика. — 2023. — № 27 (4). — С. 164–172.
3. Батиста П. Н. (мл.). Валюта БРИКС? // Современная мировая экономика. — 2023. — Т. 1. — № 3 (3). — С. 129–135.

Материал поступил в редакцию 22 июля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. BRIKS v mirovoy ekonomike i finansakh: monografiya / pod red. I. Z. Yaryginoy, V. I. Gerasimova. — M.: MGIMO-Universitet, 2024. — 503 s.
2. Kuznetsov A. V. Kontseptualnye podkhody k formirovaniyu ustoychivoy mirovoy valyutno-finansovoy sistemy // Finansy: teoriya i praktika. — 2023. — № 27 (4). — S. 164–172.
3. Batista P. N. (ml.). Valyuta BRIKS? // Sovremennaya mirovaya ekonomika. — 2023. — T. 1. — № 3 (3). — S. 129–135.

Институты развития и технологические холдинги: проблемы и перспективы взаимодействия

Аннотация. Концепция технологического развития Российской Федерации до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р, предусмотрела появление новых субъектов технологического развития — технологических холдингов. Первые технологические холдинги планируется создать на базе Фонда «Сколково». Финансирование их деятельности возложено на государственную корпорацию «ВЭБ.РФ», которая была наделена правом осуществлять рискованные (венчурные) инвестиции. В статье анализируются перспективы взаимодействия технологических холдингов и институтов инновационного развития. Делается вывод, что в условиях изоляции российского технологического рынка и падения объемов венчурных инвестиций финансирование технологических холдингов со стороны институтов развития может иметь положительный эффект. Однако необходимо избежать повторения негативного опыта направления государственных средств на развитие стартапов. Для этого при осуществлении венчурных инвестиций следует использовать механизмы государственно-частного партнерства. Представляется, что участие частного капитала обеспечит независимую оценку привлекательности инвестиционных проектов и снизит риски потери инвестированных средств. Обращается внимание, что направление государственных средств на финансирование деятельности технологических холдингов не является единственной задачей государства. На сегодняшний день созданные технологические холдинги рискуют оказаться в ситуации правовой неопределенности, в связи с чем необходимо разработать и принять нормативные акты, регулирующие их деятельность. Государство также должно обеспечить развитие инфраструктуры российского технологического рынка и рынка венчурных инвестиций. Создание инфраструктуры — функция институтов инновационного развития. Повысить привлекательность участия в деятельности технологических холдингов возможно за счет предоставления льгот и преференций со стороны государства.

Ключевые слова: инновационная кооперация; технологическое развитие; субъекты инновационной кооперации; институты развития; технологические холдинги; венчурные инвестиции; ВЭБ РФ; Фонд «Сколково»; инновации; холдинги.

Для цитирования: Кравец В. Д. Институты развития и технологические холдинги: проблемы и перспективы взаимодействия // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 12. — С. 40–47. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.040-047.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Кравец В. Д., 2024

* Кравец Виктория Дмитриевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
vdkravec@msal.ru

Development Institutions and Technology Holdings: Problems and Prospects Of Interaction

Victoria D. Kravets, Cand. Sci. (Law), Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
vdkravec@msal.ru

Abstract. The concept of technological development of the Russian Federation until 2030, approved by order of the Government of 20.05.2023 No. 1315-r, provided for the emergence of new subjects of technological development — technological holdings. The first technological holdings are planned to be created on the basis of the Skolkovo foundation. Financing of their activities is entrusted to the state corporation «VEB.RF» that was authorised to make risky (venture) investments. The paper analyzes the prospects for interaction between technology holdings and innovative development institutions. It is concluded that in the context of the isolation of the Russian technological market and the fall in venture capital investments, financing of technology holdings by development institutions may have a positive effect. However, it is necessary to avoid repeating the negative experience of directing public funds to the development of startups. To do this, venture capital investments should use public-private partnership mechanisms. It seems that the participation of private capital will provide an independent assessment of the attractiveness of investment projects and reduce the risks of losing invested funds. It is noted that the use of state funds to finance the activities of technological holdings is not the only task of the state. Today, the created technological holdings run the risk of being in a situation of legal uncertainty. Thus, it is necessary to develop and adopt regulations governing their activities. The state should also ensure the development of the infrastructure of the Russian technological market and the venture capital market. Infrastructure creation is a function of innovative development institutions. The attractiveness of participation in the activities of technological holdings can be increased by the state providing benefits and preferences to the participants.

Keywords: innovative cooperation; technological development; subjects of innovation cooperation; development institutions; technology holdings; venture capital investments; VEB RF; Skolkovo Foundation; innovation; holdings.

Cite as: Kravets VD. Development Institutions and Technology Holdings: Problems and Prospects Of Interaction. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(12):40-47. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.040-047.

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

В соответствии с Концепцией технологического развития Российской Федерации до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р (далее — Концепция технологического развития), новыми субъектами технологического развития должны стать объединения (технологические холдинги), включающие образовательную, исследовательскую, конструкторскую и производственную базу, опытные производства. Такие объединения могут формироваться вокруг как технических образовательных организаций высшего образования, так и технологических компаний. Цели их создания — объединить стартапы с исследовательской, инфраструктурной и производственной базой для производ-

ства высокотехнологичной продукции на основе комплексного подхода.

О создании первых технологических холдингов в 2023 г. заявил Фонд «Сколково». Идея заключается в объединении технологических стартапов, резидентов «Сколково» с компаниями — инвесторами и производителями с целью вывода на рынок комплексного продукта. Стартапы обычно отличаются узконаправленностью деятельности, в связи с чем им не хватает ресурсов для создания конечного продукта. Заказчики-производители же, напротив, заинтересованы в получении готового продукта, законченного решения. По мнению авторов предложения, создание технологических холдингов позволит комплексно решить данную проблему:

в рамках холдингов будет обеспечено производство продукта и вывод его на рынок¹.

Объединяться стартапы будут по отраслевому принципу, например: создание и функционирование беспилотного транспорта; разработка и производство систем кибербезопасности. Возглавят холдинги специально созданные юридические лица. Представляется, что данные организации должны будут обеспечивать не только слаженную работу стартапов, координируя их усилия по созданию готового продукта, но и привлечение инвесторов и коммерциализацию научных разработок, то есть привлечение заказчиков готового продукта.

В соответствии с Концепцией технологического развития финансовым инвестором создания технологических холдингов должны стать институты инновационного развития. К ним относятся создаваемые государством специализированные организации, деятельность которых направлена на стимулирование технологических инноваций и получение экономических эффектов от их внедрения, а также на создание условий для развития технологических компаний, включая предоставление финансирования.

Как видно из определения, данные институты осуществляют финансовую поддержку инновационной деятельности, а также оказывают услуги нефинансового характера, например, содействуют трансферу технологий и коммерциализации научных исследований.

Перечень институтов инновационного развития утвержден распоряжением Правительства РФ от 16.12.2022 № 3999-р², в него входят 29 институтов развития, среди которых Государственная корпорация «ВЭБ.РФ», АО «Роснано», Российский фонд развития информационных технологий, АНО «Платформа Национальной технологической инициативы», АО «Управляющая компания инновационного научно-технологического центра «Сириус»».

Осуществлять финансирование деятельности технологических холдингов, созданных на базе «Сколково», будет ВЭБ.РФ. Для этого было принято постановление Правительства РФ от 15.06.2023 № 986 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»³, в рамках которого Наблюдательному совету ВЭБ поручено внести изменения в методику расчета коэффициентов достаточности капитала и достаточности базового капитала государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ», а также утвердить лимиты средств, направленных на поддержку программы «Технологические лидеры».

Такие изменения были необходимы, чтобы ВЭБ.РФ смог инвестировать средства в высокотехнологичные стартапы. Фактически речь идет о наделении ВЭБ.РФ правом осуществлять венчурные инвестиции. Ранее такая возможность была ограничена, что связывалось с негативным опытом государственных и квазигосударственных венчурных инвестиций, которые не только не привели к каким-либо значительным успехам, но и ознаменовались убытками. В пояснительной записке к проекту рассматриваемого постановления указывалось, что в последние годы Россия отстает по объему венчурных инвестиций от развитых стран. Так, по итогам 2021 г. их объем в стране составил только 0,15 % ВВП (в Китае, Великобритании и США — около 1,2 %) ⁴. Это ограничивает развитие инновационных компаний в России, а также тормозит ее технологическое развитие. Решить проблему недостатка венчурных инвестиций призваны государственные средства, которые будут направлены на финансирование высокорисковых технологических проектов, на этот раз через ВЭБ.РФ.

Таким образом, появляется такое новое направление взаимодействия двух достаточно успешных институтов развития — Фонда «Скол-

¹ URL: <https://sk.ru/news/igor-drozdov-skolkovo-do-konca-2023-sozdast-dva-tehnologicheskikh-holdinga/> (дата обращения: 01.06.2024).

² Распоряжение Правительства РФ от 16.12.2022 № 3999-р // СЗ РФ. 2022. № 52. Ст. 9683.

³ URL: <http://government.ru/docs/all/148100/> (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ Петрова В., Сапожников О. Старые риски на новый лад // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5843124> (дата обращения: 01.06.2024).

ково» и ВЭБ.РФ, как создание технологических холдингов. Данные институты совместными усилиями попробуют решить проблему производства технологического продукта и обеспечения его последующей коммерциализации.

Перспективы деятельности технологических холдингов обозначены в Стратегии Фонда «Сколково» до 2024 года и на перспективу 2030 года⁵, в соответствии с которой предполагаемая капитализация холдингов составит 100 млрд руб. и более, а сами холдинги смогут стать новыми стратегическими инвесторами для малых и средних технологических компаний.

Представляется, однако, что в своей деятельности технологические холдинги, а также институты развития, обеспечивающие их деятельность, могут столкнуться с рядом правовых и квазиправовых проблем.

Анализ законодательства (подзаконных актов) позволяет сказать, что российскому законодателю известно о существовании холдингов, в связи с чем предпринимаются попытки дать определение как самого холдинга, так и субъектов, участвующих в нем. Например, в Федеральном законе от 04.08.2023 № 470-ФЗ «Об особенностях регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах, являющихся экономически значимыми организациями»⁶ дается определение иностранной холдинговой компании, под которой понимается иностранное юридическое лицо, которое связано с иностранными государствами, совершающими в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц недружественные действия, и которому прямо принадлежит не менее чем 50 % голосующих акций (долей в уставном капитале) экономически значимой организации. Из данного определения можно сделать вывод, что холдинговая компания — это юридическое лицо, возглавляющее холдинг, основанный на корпоративном участии. Несмотря на то что определение выработано для целей анализируемого Федерального закона, заме-

тим, что оно созвучно определению холдинговой компании, данному в Указе Президента РФ от 16.11.1992 № 1392 «О мерах по реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий»⁷. Холдинговой компанией признается предприятие, независимо от его организационно-правовой формы, в состав активов которого входят контрольные пакеты акций других предприятий. Далее предприятия, контрольные пакеты акций которых входят в состав активов холдинговой компании, именуются дочерними. Можно сделать вывод, что в состав холдинга входят холдинговая и дочерние компании. При этом холдинг является объединением, построенным на участии холдинговой компании в капитале дочерних организаций. Вместе с тем рассматриваемый акт не определяет правовое положение самого холдинга, ограничиваясь лишь требованиями к холдинговой компании.

Определение холдинга как объединения юридических лиц обнаруживается в Федеральном законе от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности»⁸. Данное определение также не носит общего характера, но его анализ позволяет сформировать представление о правовой природе холдинга. Согласно ст. 4 «банковским холдингом признается не являющееся юридическим лицом объединение юридических лиц, включающее хотя бы одну кредитную организацию, находящуюся под контролем одного юридического лица, не являющегося кредитной организацией..., а также (при их наличии) иные (не являющиеся кредитными организациями) юридические лица, находящиеся под контролем либо значительным влиянием головной организации банковского холдинга или входящие в банковские группы кредитных организаций...». Таким образом, сам холдинг, в отличие от входящих в его состав юридических лиц, не обладает правосубъектностью и является неправосубъектным объединением юридических лиц.

⁵ Утверждена Советом директоров фонда «Сколково» 25.06.2021.

⁶ СЗ РФ. 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6202.

⁷ Российская газета. № 251. 20.11.1992.

⁸ СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

Такое определение холдинга во многом соответствует определениям, выработанным юридической наукой. Наиболее полное определение холдинга было дано И. С. Шиткиной: «Холдинги — форма предпринимательского объединения, представляющая собой группу организаций (участников), основанную на отношениях экономического контроля, участники которой, сохраняя формальную юридическую самостоятельность, в своей предпринимательской деятельности подчиняются одному из участников группы — холдинговой компании (головной организации)»⁹.

В юридической литературе давались и другие определения холдингов. Так, В. С. Белых предлагает следующее определение: холдинг — форма предпринимательского объединения (промышленно-хозяйственный или финансовый комплекс), представляющая собой группу взаимосвязанных юридических лиц, в которой холдинговая компания (основное общество, головная компания) вправе управлять деятельностью других участников холдинговых отношений в силу преобладающего участия в их уставном капитале, либо в соответствии с договором, либо иным образом путем определения принимаемых такими обществами решений в целях выполнения общих задач и обеспечения эффективного функционирования всего холдинга¹⁰. С. Э. Жилинский предлагает более краткое определение: холдинг — это «группа участников предпринимательских отношений, связанных между собой так, что один из них имеет возможность в решающей степени влиять на деятельность других участников этой группы»¹¹.

Анализ приводимых определений позволяет выделить признаки холдинга.

Во-первых, холдинг представляет собой форму объединения субъектов предпринимательской деятельности.

Во-вторых, субъекты предпринимательской деятельности, входящие в холдинг, сохраняют

имущественную и организационную самостоятельность.

В-третьих, холдинг не обладает правосубъектностью и не является самостоятельным субъектом права.

В-четвертых, холдинг характеризуется наличием отношений контроля и зависимости между головной (основной) организацией и другими участниками холдинга. При этом основания контроля и зависимости не ограничиваются только участием головной организации в капитале дочерних, но могут быть обусловлены наличием договорных отношений.

В-пятых, входящие в состав холдинга организации проводят общую хозяйственную политику, направленную на достижение общих экономических целей.

Технологическим холдингам как видовому понятию должны быть присущи основные родовые признаки: отсутствие правосубъектности, сохранение имущественной и организационной самостоятельности участников холдинга, наличие отношений контроля и зависимости. Однако Концепция технологического развития называет технологические холдинги субъектами технологического развития, что ставит вопрос о возможном наделении их правосубъектностью, а также о целесообразности такого правового решения. Отступление от данного признака поставит под сомнение и наличие у технологических холдингов второго родового признака — имущественной и организационной самостоятельности участников. Признание правосубъектности и за холдингом, и за входящими в него организациями потребует специального правового регулирования, поскольку будет связано с отступлением от основного правила формирования правосубъектности коллективных образований: «правосубъектность целого исключает правосубъектность части».

В понятии технологического холдинга не решен вопрос об основаниях возникновения

⁹ Шиткина И. С. Правовое регулирование организации и деятельности холдинга как формы предпринимательского объединения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 11.

¹⁰ Предпринимательское право России / под ред. В. С. Белых. М., 2009. С. 166.

¹¹ Жилинский С. Э. Предпринимательское право (правовая основа предпринимательской деятельности). М., 2007. С. 731.

отношений зависимости и контроля — будет ли им являться участие в капитале, договор или возможны оба варианта¹². Конечно, в цели принятия Концепции технологического развития не входит определение правового положения технологических холдингов, поэтому сказанное не может рассматриваться в качестве недостатков анализируемого акта. Вместе с тем эффективная реализация Концепции технологического развития невозможна без определения правовых основ деятельности технологических холдингов.

Анализ законодательства позволяет сказать, что, несмотря на достаточно большой опыт создания холдингов (холдинговых структур), в том числе возглавляемых государственными организациями, законодателем не выработана общая терминология, а нормы, регулирующие холдинговые отношения, носят разрозненный характер. Таким образом, созданные технологические холдинги рискуют оказаться в ситуации правовой неопределенности, поскольку регулирование холдинговых отношений не имеет достаточной нормативной проработки.

Отдельное внимание следует обратить на проблему привлечения институтов развития к финансированию деятельности технологических холдингов.

Анализ деятельности институтов развития в зарубежных странах показывает, что эти институты являются субъектами инновационной кооперации. В ряде случаев они действительно выполняют роль венчурных инвесторов, однако чаще создают инфраструктуру для деятельности инновационных компаний, обеспечивая коммерциализацию научных исследований и трансфер технологий.

При наделении институтов развития новыми функциями необходимо учитывать, что прово-

димые в странах Азии реформы, связанные с объединением институтов развития, осуществляющих разнородные функции, привели к снижению эффективности институтов развития¹³. Смешение функций инвестора и лица, обеспечивающего функционирование инфраструктуры, может негативно отразиться на деятельности институтов развития.

Финансирование технологических холдингов через институты инновационного развития — новый этап привлечения государственных средств в качестве венчурных инвестиций. Напомним, что целесообразность привлечения государства на рынок венчурных инвестиций не получила однозначной оценки со стороны экономического сообщества. Еще первое исследование Venture Barometer Russia, проведенное 2014 г., выявило негативную оценку прямого участия государства в венчурных инвестициях. По мнению участников рынка, усилия государства должны быть направлены не на осуществление инвестиций как таковых, а на создание правовых стимулов для развития инвестиций (например, налоговых льгот), развитие инфраструктуры рынка. Отмечалось также, что государство должно взять на себя функции стратега, формируя запрос на стартапы¹⁴. Данное мнение было подтверждено и в ходе дальнейших исследований. Так, в 2021 г., говоря о помощи рынку от государства, венчурные инвесторы отмечали, что государство должно создавать инфраструктуру и стимулировать рынок выходов, прививать культуру покупки инноваций, а не осуществлять прямые инвестиции. А одним из главных рисков венчурного риска в России эксперты назвали уголовные дела против представителей инновационной экосистемы и ИТ-компаний¹⁵.

¹² Анализ Стратегии развития Фонда «Сколково» до 2024 года и на перспективу 2030 года позволяет сказать, что в основу создания технологических холдингов Фонд «Сколково» планирует положить стратегию Buy and Build, которая предполагает использование корпоративных форм контроля.

¹³ См.: Кравец В. Д. Государственные институты развития в системе инновационной кооперации: опыт стран Азии // Lex russica. 2023. № 10.

¹⁴ См.: Venture Barometer Russia 2014 // URL: <https://datainsight.ru/sites/default/files/2021-11/DI-Prostor-VentureBarometrRussia2014.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

¹⁵ См.: Venture Barometer Russia 2021 // URL: https://media.rbc.ru/media/reports/Venture_Barometer_2021.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

Вместе с тем, оценивая решение направить государственные средства на инвестирование деятельности стартапов, необходимо учитывать современное состояние рынка венчурных инвестиций в РФ, на котором негативно отражается общемировая экономическая рецессия, а также изоляция российского технологического рынка от мирового. По данным исследования венчурного рынка, проведенного MTS Startup Hub, самое крупное падение объемов инвестиций в отечественные стартапы произошло в 2022 г. (пятикратное снижение по сравнению с 2021 г.). В 2023 г. темп снижения объемов инвестиций замедлился, но также был заметным (падение в 3 раза)¹⁶. В таких условиях привлечение государственных средств представляет собой попытку преодолеть низкую капиталоемкость внутреннего рынка, а также предотвратить сокращение количества стартапов. Кроме того, необходимо признать, что государство уже долгие годы является непосредственным участником рынка венчурных инвестиций.

Представляется, что институты развития могут выступить катализатором венчурного рынка. Здесь, однако, важно предотвратить повторение негативного опыта государственных венчурных инвестиций. Это возможно посредством запуска механизмов государственно-частного партнерства при осуществлении венчурной деятельности. Привлечение в инвестиционные проекты, направленные на финансирование деятельности

технологических холдингов, помимо государственных средств, средств частных инвесторов, может снизить риски потери инвестиций. Частные инвесторы проводят независимую оценку инвестиционной привлекательности проекта, тем самым подтверждая потенциальную эффективность инвестиций. Привлечение частных инвесторов также позволит снизить риск принятия инвестиционных решений исключительно представителями бюрократического аппарата, которые не имеют необходимого образования и представлений о развитии отраслей, в которые инвестируются государственные средства.

Вместе с тем необходимо учесть, что направление государственных средств в развитие технологических холдингов не может быть единственной задачей государства. Деятельность технологических холдингов будет эффективной при соблюдении целого ряда условий. Прежде всего, необходимо создать правовую основу функционирования технологических холдингов, обеспечить развитие инфраструктуры российского технологического рынка и рынка венчурных инвестиций, а также обеспечить привлекательность участия в деятельности технологических холдингов посредством предоставления льгот и преференций. Создание условий для эффективной деятельности технологических холдингов — задача государства, которая может быть выполнена в том числе посредством деятельности институтов инновационного развития.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Жилинский С. Э. Предпринимательское право (правовая основа предпринимательской деятельности). — М., 2007.
2. Кравец В. Д. Государственные институты развития в системе инновационной кооперации: опыт стран Азии // Lex russica. — 2023. — № 10.
3. Петрова В., Сапожников О. Старые риски на новый лад // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5843124> (дата обращения: 01.06.2024).
4. Предпринимательское право России / под ред. В. С. Белых. — М., 2009.
5. Шиткина И. С. Правовое регулирование организации и деятельности холдинга как формы предпринимательского объединения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2006.

Материал поступил в редакцию 1 июня 2024 г.

¹⁶ URL: <https://startup.mts.ru/blog/article/135> (дата обращения: 01.06.2024).

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Zhilinskiy S. E. Predprinimatelskoe pravo (pravovaya osnova predprinimatelskoy deyatel'nosti). — M., 2007.
2. Kravets V. D. Gosudarstvennye instituty razvitiya v sisteme innovatsionnoy kooperatsii: opyt stran Azii // Lex russica. — 2023. — № 10.
3. Petrova V., Sapozhnikov O. Starye riski na novyy lad // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5843124> (data obrashcheniya: 01.06.2024).
4. Predprinimatelskoe pravo Rossii / pod red. V. S. Belykh. — M., 2009.
5. Shitkina I. S. Pravovoe regulirovanie organizatsii i deyatel'nosti kholdinga kak formy predprinimatelskogo obedineniya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2006.

Гражданско-правовой режим объектов метавселенной, виртуальной и дополненной реальности

Аннотация. В гражданском обороте в связи с его цифровизацией широко распространены виртуальные объекты, обладающие цифровой формой, но не имеющие вещественной оболочки в качестве реального предмета окружающего мира в привычном его понимании. Гражданско-правовой режим виртуальных объектов не определен в действующем законодательстве, между тем в условиях развития концепций метавселенных эта проблема и поиск путей ее решения приобретает всё большую актуальность. Определение правового режима объектов, созданных пользователем соответствующей платформы, на которой осуществляется доступ к виртуальной реальности, объектов дополненной реальности, а также объектов, существующих и создаваемых внутри метавселенной, в которой может осуществляться обычная деятельность пользователя, неоднозначно оценивается в литературе и правоприменительной практике. Настоящее исследование было предпринято с целью определения особенностей гражданско-правового режима объектов, создаваемых внутри виртуальной реальности либо в качестве дополненной реальности, а также в метавселенной. Сделан вывод о том, что на указанные объекты могут быть распространены режимы привычных нам объектов гражданского права (имущество, результаты интеллектуальной деятельности, нематериальные блага, услуги). Однако вещно-правовая концепция не в полной мере отражает юридическую природу изучаемых объектов, в связи с чем виртуальные объекты, копирующие вещи физического мира, по своей сути могут быть признаны иными имущественными правами. При этом режим интеллектуальной собственности указанным объектам может быть придан только в случае их создания в результате творческих усилий человека.

Ключевые слова: виртуальная реальность; дополненная реальность; метавселенная; NFT; результат интеллектуальной деятельности; исключительное право; иное имущество; компьютерная программа; виртуальное имущество; виртуальный объект.

Для цитирования: Аюшеева И. З. Гражданско-правовой режим объектов метавселенной, виртуальной и дополненной реальности // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 12. — С. 48–56. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.048-056.

Благодарности. Публикация подготовлена в рамках выполнения работ по государственному заданию на тему «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)». Регистрационный номер ЕГИСУ НИОКТР: 124012000079-6.

© Аюшеева И. З., 2024

* Аюшеева Ирина Зориктуевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
aiusheeva@gmail.com

Civil Law Regime of Metaverse, Virtual and Augmented Reality Objects

Irina Z. Ayusheeva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
aiusheeva@gmail.com

Abstract. In civil circulation, due to its digitalization, virtual objects that, unlike a real object of the surrounding world in its usual sense, have a digital form without a real shell, are widespread. The civil law regime of virtual objects is not defined in the current legislation. Meanwhile, in the context of the development of metaverse concepts, this problem and the search for ways to solve it is becoming increasingly urgent. Determining the legal regime of objects created by the user of the platform on which access to virtual reality is provided, augmented reality objects, as well as objects existing and created within the metaverse, where the user's usual activities can be carried out, is ambiguous in scholarship and jurisprudence. This study was undertaken to determine the features of the civil law regime of objects created in virtual reality, augmented reality, and in the metaverse. It was concluded that the regimes of familiar civil law objects (property, results of intellectual activity, intangible benefits, services) can be extended to the objects under consideration. However, the material legal concept does not fully reflect the legal nature of the objects under study. Therefore, virtual objects that copy things of the physical world, in essence, can be recognized as other property rights. At the same time, the intellectual property rules can be applied to these objects only if they are created as a result of a person's creative efforts.

Keywords: virtual reality; augmented reality; metaverse; NFT; result of intellectual activity; exclusive right; other property; computer program; virtual property; virtual object.

Cite as: Ayusheeva IZ. Civil Law Regime of Metaverse, Virtual and Augmented Reality Objects. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(12):48-56. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.048-056

Acknowledgements. The paper was prepared as part of the work under the state assignment on the topic «The Russian legal system in the realities of the digital transformation of society and the state: adaptation and prospects for responding to modern challenges and threats (FSMW-2023-0006).» Registration number of EGISU NIOKTR: 124012000079-6.

Цифровизация общественных отношений привела к появлению объектов с такими свойствами, которые не позволяют однозначно определить их принадлежность к названным в законе институтам. Несмотря на принятые законодателем в последние годы попытки урегулировать новые отношения цифровой экономики, всё еще остаются пробелы законодательного регулирования общественных отношений, не позволяющие сформировать единый подход и в правоприменительной практике. Уже закрепленные в законе нормы о цифровых объектах, таких как цифровое право и цифровой рубль, не охватывают регулирование всех возникающих в

условиях цифровой экономики отношений. Пробелы в их гражданско-правовом регулировании стали предметом научных дискуссий.

Сталкиваясь с новыми, ранее не урегулированными отношениями, правоприменитель вынужден определять их юридическую природу. Например, в судебной практике криптовалюта была отнесена к категории иного имущества с учетом современных экономических реалий и уровня развития информационных технологий¹.

На современном этапе широко распространен оборот виртуальных объектов. Указанные объекты похожи на вещи, но существуют только в виртуальной среде, не являются предметами

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 9АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 // Картоотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/58af451a-bfa3-4723-ab0d-d149aafecd88/%D0%9040-124668-2017__20180515.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 08.04.2024).

реального физического мира. К таким объектам могут быть отнесены объекты виртуальной реальности, дополненной реальности. Сегодня в условиях развития концепции метавселенных проблема определения гражданско-правового режима виртуальных объектов приобретает еще большую актуальность.

Виртуальная реальность чаще всего определяется в общедоступных источниках как созданный техническими средствами мир, передаваемый человеку через его ощущения (зрение, слух, осязание и т.п.)².

Дополненная реальность — это результат введения в зрительное поле любых сенсорных данных с целью дополнения сведений об окружении и изменения восприятия окружающей среды³.

Объединение физической, дополненной и виртуальной реальности в общем онлайн-пространстве определяется в качестве метавселенной, концепция которой набирает всё большую популярность⁴. Метавселенная также рассматривается в качестве цифрового пространства для различных видов деятельности, в котором имитируется личное присутствие пользователя⁵.

В связи с тем, что создание искусственных миров или внесение изменений в действительность связано с интеллектуальной деятельностью, правовой режим виртуальной и дополненной реальности часто определяется через категории права интеллектуальной собственности. Как правило, виртуальная или дополненная реальность создаются на основе разработки компьютерных программ, которые сами по себе признаются объектами авторского права. Внутри указанных миров могут использоваться

иные объекты авторского права. Само воспроизведение искусственного мира или дополнение реальности требуют использования соответствующих технических устройств (специального оборудования: очков, джойстиков, иных устройств), а данные объекты могут признаваться объектами патентного права (например, полезные модели, промышленные образцы).

В литературе отмечается, что анализ зарубежной правоприменительной практики позволяет выделить три основных режима охраны технологий виртуальной или дополненной реальности: через механизмы авторского права, патентного права или через товарные знаки⁶.

Определяя правовой режим самих технологий виртуальной и дополненной реальности, большинство авторов относят их к объектам интеллектуальных прав, с чем можно согласиться. Однако гражданско-правовой режим объектов дополненной реальности, объектов, которые создаются внутри виртуальной реальности, в метавселенной пользователем соответствующей платформы, в рамках которой предоставляется доступ к ним, неоднозначно оценивается в литературе и правоприменительной практике.

Так, в рамках одного из дел истец ссылался на нарушение его прав как потребителя — пользователя онлайн-игры: он приобрел в онлайн-магазине различные внутриигровые объекты, в том числе игровую валюту, однако впоследствии истцу был ограничен доступ к аккаунту путем перманентной блокировки, в связи с чем истец просил суд взыскать с ответчика в его пользу стоимость внутриигрового имущества⁷. Таким образом, позиция истца основана на том, что

² URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Виртуальная_реальность (дата обращения: 08.04.2024).

³ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дополненная_реальность (дата обращения: 08.04.2024).

⁴ Масленко Д. Что такое метавселенная и почему все о ней говорят // РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/61449fa89a7947159f1df418?from=copy> (дата обращения: 14.04.2024).

⁵ Холодная Е. В. О правовой концепции метавселенных // Lex russica. 2024. № 3. С. 116–128.

⁶ Гринь Е. С., Королева А. Г. Формирование базовых моделей охраны технологий виртуальной и дополненной реальности в сфере права интеллектуальной собственности // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 90–97; Рузакова О. А., Гринь Е. С. Вопросы защиты интеллектуальной собственности в области технологий виртуальной и дополненной реальности (VR, AR) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 3. С. 502–523.

⁷ Постановление Президиума Московского городского суда по делу № 44г-259/18 от 18.09.2018 // СПС «КонсультантПлюс».

он приобрел самостоятельные имущественные права на внутриигровое имущество, отличное от исключительного права пользования компьютерной программой, которое ему было предоставлено на основании лицензионного договора и впоследствии ограничено правообладателем.

Следует иметь в виду, что в законодательстве понятие виртуального объекта не определено. В литературе под ним понимают объект виртуального мира, имеющий экономическую ценность и способный передаваться иным лицам, не являющимся его авторами-разработчиками⁸.оборот таких объектов составляет значительные суммы⁹, поэтому невозможно игнорировать их значение для развития экономики. Виртуальную реальность сегодня называют альтернативой реальному миру¹⁰, предпринимаются многочисленные попытки развить концепции метавселенных, в которых человек может осуществлять свою деятельность, поэтому важно правовое опосредование возникающих отношений.

В юридической литературе виртуальные объекты часто рассматриваются как результаты интеллектуальной деятельности или обязательственные права¹¹. Не менее значима также позиция о том, что к возникающим в виртуальной среде отношениям невозможно применять те же нормы, которые используются при регулировании отношений в физическом мире¹². Например, Л. Ю. Василевская обоснованно отмечала, что цифровой код вещи не сможет передать ее уникальные характеристики и особенности¹³.

Между тем в рамках одного из подходов предлагается распространить на виртуальные объекты нормы о вещах. Указанный дискуссионный подход влечет за собой возможность пересмотра понятия вещей как объектов гражданских прав и содержания вещных прав, в том числе права собственности. Теоретически доктринальное определение вещи может включить в себя определение объектов виртуальной или дополненной реальности, внутриигровых объектов, но только при условии отнесения их к вещам в юридическом смысле — объектам, на которые в соответствии с законом будет распространен режим вещей. При этом в философском смысле такие объекты не будут считаться осязаемыми предметами окружающего мира, они не могут быть признаны вещами в общеправовом значении этого понятия.

Таким образом, чтобы формально признать объекты виртуальной или дополненной реальности вещами, необходимо внести изменения в законодательство, что сделано не было. Думается, указанные изменения не могут быть обоснованы в полной мере в связи с тем, что регулирование отношений по поводу объектов виртуальной или дополненной реальности нормами вещного права не соответствует существу рассматриваемых отношений. Во-первых, виртуальные объекты не обладают физическими свойствами вещи. Во-вторых, как показывает анализ судебной практики и общедоступных источников, права по поводу виртуальных объ-

⁸ Четвергов Д. С. Правовой режим виртуального имущества // Право и бизнес. 2021. № 3. С. 33–39.

⁹ Assael S. Skin in the Game // URL: http://www.espn.com/espn/feature/story/_/id/18510975/how-counter-strike-turned-teenager-compulsive-gambler (дата обращения: 07.04.2024).

¹⁰ Дремлюга Р. И. Виртуальная реальность: общие проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 9. С. 39–49. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.118.9.039-049.

¹¹ См., например: Бунина Н. Правовая природа виртуальных объектов в компьютерных играх // URL: https://zakon.ru/blog/2020/11/30/pravovaya_priroda_virtualnyh_obektov_v_kompyuternyh_igrah (дата обращения: 07.04.2024); Лисаченко А. В. Право виртуальных миров: новые объекты гражданских прав // Российский юридический журнал. 2014. № 2. С. 104–110; Савельев А. И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 127–150.

¹² Дремлюга Р. И. Указ. соч. С. 44.

¹³ Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 111–119. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.102.5.111-119.

ектов невозможно осуществить без действий лица, обладающего исключительным правом на соответствующую компьютерную программу (компьютерную игру; программу, создающую виртуальную реальность; приложение, создающее объекты дополненной реальности, и т.п.). Должен быть обеспечен доступ к объектам виртуальной, дополненной реальности, к внутриигровым объектам для их использования. Без этого осуществление прав в отношении таких объектов невозможно. Фактически в отношении исследуемых объектов невозможно осуществление правомочия владения. В-третьих, сложно представить защиту прав в отношении изучаемых объектов с помощью вещно-правовых исков, в частности виндикационного или негаторного исков. Так, виндикационный иск будет противоречить природе объектов, на которые невозможно установить правомочие владения. Защита прав может быть осуществлена путем обеспечения доступа к платформе виртуальной или дополненной реальности, что охватывается обязательственным иском, направленным на принуждение исполнения обязанностей по договору с провайдером, владельцем платформы (например, по договору об оказании услуг по доступу к информационной системе), с правообладателем (например, по лицензионному договору). Таким образом, придание объектам виртуальной, дополненной реальности правового режима вещи не вполне соответствует природе возникающих по поводу указанных объектов правоотношений, вряд ли вполне обосновано и оправдано.

В литературе представлен критический анализ так называемого абсолютно-правового подхода¹⁴, согласно которому виртуальное имущество в ряде случаев представляет собой виртуальные аналоги вещей и поэтому желание человека иметь их в собственности вполне естественно. Однако также отмечается, что право собственности на виртуальное имущество неизбежно вырывает эти объекты из сферы господ-

ства изначального правообладателя, что может негативно сказаться на развитии самой виртуальной реальности.

Таким образом, осуществление прав в отношении виртуальных объектов невозможно без учета прав и интересов правообладателей компьютерных программ, в рамках которых формируется виртуальная, дополненная реальность, а также без обеспечения доступа к искусственным мирам виртуальной, дополненной реальности на соответствующем информационном ресурсе. Сами виртуальные объекты являются частью указанных программ, зачастую созданы их авторами, вне компьютерного обеспечения существовать не могут, видоизменяются вместе с ним и прекращают свое существование с прекращением существования программы. В связи с указанным понимание виртуальных объектов в качестве вещей как объектов права собственности не представляется корректным в отечественном праве.

Виртуальные объекты, не являясь вещами в обычном значении этого слова, тем не менее могут обладать признаками имущества. Очевидно, оборотоспособным является соответствующее имущественное право использования тех или иных виртуальных объектов. Это право по своей природе больше подходит под определение исключительного права использования результата интеллектуальной деятельности, носящего абсолютный характер. В литературе высказывается позиция, что создание дополнительного контента в виртуальной или дополненной реальности может быть основанием возникновения интеллектуальных прав у его автора¹⁵. М. Н. Малеиной обоснована позиция о том, что виртуальные здания и сооружения объектами недвижимости не являются, на них должен распространяться правовой режим результатов интеллектуальной деятельности¹⁶.

Между тем и такой подход не всеми оценивается положительно, в нем также находят

¹⁴ Четвергов Д. С. Указ. соч. С. 33–39.

¹⁵ Королева А. Г. Субъекты интеллектуальных прав в области технологий виртуальной и дополненной реальности // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 133–142.

¹⁶ Малеина М. Н. Правовой режим зданий и сооружений, не прикрепленных к поверхности земли // Журнал российского права. 2023. № 2. С. 33–42.

изъяны. Например, Д. С. Четвергов, ссылаясь на то, что пользователь не обладает полным господством над результатом своего творческого труда, которое предоставляет исключительное право, поскольку может использовать свое имущество только в соответствии с ограничениями, накладываемыми правообладателем виртуального мира. Помимо этого, не все виртуальные объекты можно назвать результатами творческой деятельности¹⁷. Как пример виртуального имущества, не обладающего признаками результата интеллектуальной деятельности и не носящего творческий характер, автор называет виртуальные деньги, которые используются только в рамках игры, в качестве некоего эквивалента обмена между ее участниками. Виртуальные деньги являются частью компьютерной программы, не имеют оценки вне рамок игры, не могут конвертироваться в денежные средства. В этом смысле следует разграничивать категории так называемых виртуальных денег и цифровой валюты: указанные понятия не тождественны.

Анализ действующих норм, а также доктринальных источников, судебной практики позволяет говорить о том, что объекты виртуальной, дополненной реальности сегодня в отечественном праве не признаются вещами ни в общефилософском смысле, ни в силу указания закона. На отношения по поводу этих объектов не распространяются положения права собственности.

Создание исследуемых объектов может быть осуществлено за счет реализации интеллектуальных прав самого разработчика компьютерной программы, на основе которой создается виртуальная реальность, компьютерная игра, либо за счет интеллектуальных усилий пользователя платформы, на которой обеспечивается доступ к виртуальной реальности; создание объектов дополненной реальности также осуществляется за счет использования компьютерной программы как объекта авторских прав либо самим разработчиком, либо пользователем. Таким образом, возможность использования результата творческой деятельности (компью-

терной программы) для создания объектов виртуальной, дополненной реальности возможно в рамках лицензионного договора.

При этом на такие объекты, которые были созданы в результате творческой деятельности пользователя платформы, можно признать самостоятельные интеллектуальные права как на результаты интеллектуальной деятельности; указанные права должны принадлежать пользователю, являющемуся их автором. Если же объекты, создаваемые пользователями, лишь копируют предметы реального мира, созданы без приложения творческих усилий с помощью средств, предоставляемых в рамках компьютерной программы, то они не могут считаться результатами интеллектуальной деятельности. Тем не менее в искусственном мире или в метавселенной, в которой может сочетаться физическая и виртуальная реальность, данные объекты могут принадлежать определенным пользователям, в связи с чем допустимо распространение на указанные объекты режима иного имущественного права, предоставляющего пользователю возможность беспрепятственного доступа к объекту на соответствующей платформе, его использования и защиты от посягательств всяких иных лиц, в том числе от правообладателя компьютерной программы, в рамках которой приобретен или создан объект.

Существует позиция, что права в отношении объектов, созданных в метавселенной, могут быть реализованы за счет обладания NFT как цифровым активом¹⁸, однако остается проблема определения гражданско-правового режима NFT. Поскольку метавселенная является по своей сути конвергенцией как физической, так и виртуальной реальности, в которой пользователь может осуществлять свою деятельность, очевидно, что многие объекты (например, имущественные права, результаты интеллектуальной деятельности, нематериальные блага, услуги), которые по своей природе не должны иметь форму предмета материального мира, могут не терять своих свойств и внутри метавселенной.

¹⁷ Четвергов Д. С. Указ. соч. С. 33–39.

¹⁸ Нигматзянова Д. А. NFT как основа экономики метавселенных // Право и бизнес. 2022. № 4. С. 26–31.

Вопросы об определении правового режима объектов виртуальной, дополненной реальности связаны также с тем, что пользователи могут самостоятельно ими распоряжаться, в том числе на основании возмездных сделок. В связи с дальнейшим распоряжением правом использования объекта виртуальной, дополненной реальности возникают проблемы определения правовой природы заключаемых договоров, что порождает дискуссию по поводу юридической природы исследуемых объектов.

Следует отметить, что в любом случае для отчуждения виртуального имущества необходимо обеспечить возможность для приобретателя получить доступ к платформе, на которой создается виртуальный мир, путем заключения лицензионного договора с правообладателем исключительного права на соответствующую программу, заключения договора оказания услуг с посредником. Таким образом, распоряжение указанными объектами допускается только в отношении круга пользователей компьютерной программы (игроков; пользователей приложения, создающего объекты дополненной реальности, и т.п.), которые заключили договоры с правообладателем компьютерной программы (с оператором платформы). Передача объекта виртуальной, дополненной реальности невозможна без соблюдения прав правообладателя, автора программы ЭВМ. При этом отношения между пользователями могут быть опосредованы обычными договорными конструкциями, например договором купли-продажи, который может быть заключен по поводу имущественного права.

В литературе обосновывается также позиция о том, что отношения по приобретению виртуальных объектов можно квалифицировать как один из видов услуг с участием провайдера, возмездная передача этих объектов между пользователями рассматривается как услуга, потому что осуществляется и имеет экономический смысл только в рамках платформы и не

существует в реальном мире¹⁹. Позиция об отношении таких объектов к услугам встречается и в судебной практике²⁰.

Таким образом, предоставление возможности создавать объекты виртуальной, дополненной реальности рассматривается в качестве услуги. Однако нельзя забывать о необходимости защиты исключительных прав в отношении технологий виртуальной и дополненной реальности, в связи с чем обоснованной является позиция о смешанном характере договора с владельцем платформы — это договор оказания, как правило, возмездных услуг, с элементами лицензионного договора, на основе которого предоставляется возможность использования, в частности, компьютерной программы виртуальной, дополненной реальности, компьютерной игры в целом. В литературе высказывалось предположение, что одним из элементов указанного смешанного договора может быть договор купли-продажи²¹.

Думается, можно признать услугой именно деятельность по предоставлению доступа к объектам виртуальной и дополненной реальности, а само право на использование этих объектов в рамках компьютерной программы виртуальной или дополненной реальности может быть передано правообладателем на основании лицензионного договора, а пользователем на основании договора купли-продажи имущественного права.

Если возможность передачи права использования компьютерной программы предусмотрена соглашением между пользователем и правообладателем и не противоречит цели использования виртуального объекта, она не может быть ограничена. Исходя из диспозитивности гражданско-правового регулирования, следует признать возможность передачи права на использование соответствующего объекта. При этом доступ к объекту, действительно, может быть осуществлен на основании договора оказания услуг.

¹⁹ Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ : монография. М. : 4 Принт, 2020.

²⁰ Определение Верховного Суда РФ от 03.02.2016 № 305-КГ15-18998 по делу № А40-56211/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ См.: Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Указ. соч.

Таким образом, в связи с цифровизацией возникают отношения по поводу неизвестных ранее человечеству объектов, появляется проблема определения их правового режима в качестве объектов гражданских прав. Думается, с учетом диспозитивности гражданско-правового регулирования на основе принципов гражданского права и действующих норм возможно определение их особенностей до разработки адекватного механизма правового регулирования новых отношений в условиях цифровой экономики. Большинство объектов, которые формируются виртуально в цифровой среде, способны стать объектами имущественных прав. Для таких объектов, если они явились результатом творчества, наиболее подходит режим результатов интеллектуальной деятельности, когда осуществляется распоряжение не самим объектом, а исключительным правом его использования в том

или ином объеме. Видится не совсем удачным применение к таким объектам режима вещей, поскольку становятся неочевидными многие признаки вещных прав, в том числе возможность удовлетворения интересов только за счет активных действий собственника, возможность обладания вещью, а также использования вещно-правовых способов защиты. При этом обеспечение доступа к обновлениям компьютерной программы, приобретению ее дополнительного функционала может быть опосредовано договором оказания услуг. Если виртуальный объект не обладает признаками результата интеллектуальной деятельности, однако имеет признаки имущества, в отношении него может возникнуть самостоятельное имущественное право. Объекты, которые по своей природе не должны иметь форму предмета материального мира, могут не терять своих свойств и внутри метавселенной.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бунина Н. Правовая природа виртуальных объектов в компьютерных играх // URL: https://zakon.ru/blog/2020/11/30/pravovaya_priroda_virtualnyh_obektov_v_kompyuternyh_igrah (дата обращения: 01.02.2022).
2. Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 5. — С. 111–119. — DOI: 10.17803/1994-1471.2019.102.5.111-119.
3. Гринь Е. С., Королева А. Г. Формирование базовых моделей охраны технологий виртуальной и дополненной реальности в сфере права интеллектуальной собственности // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 6. — С. 90–97.
4. Дремлюга Р. И. Виртуальная реальность: общие проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 9. — С. 39–49.
5. Королева А. Г. Субъекты интеллектуальных прав в области технологий виртуальной и дополненной реальности // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 6. — С. 133–142.
6. Лисаченко А. В. Право виртуальных миров: новые объекты гражданских прав // Российский юридический журнал. — 2014. — № 2. — С. 104–110.
7. Малеина М. Н. Правовой режим зданий и сооружений, не прикрепленных к поверхности земли // Журнал российского права. — 2023. — № 2. — С. 33–42.
8. Нигматзянова Д. А. NFT как основа экономики метавселенных // Право и бизнес. — 2022. — № 4. — С. 26–31.
9. Рузакова О. А., Гринь Е. С. Вопросы защиты интеллектуальной собственности в области технологий виртуальной и дополненной реальности (VR, AR) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2020. — № 3. — С. 502–523.
10. Савельев А. И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. — 2014. — № 1. — С. 127–150.

11. Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. — М. : 4 Принт, 2020. — 304 с.
12. Холодная Е. В. О правовой концепции метавселенных // Lex russica. — 2024. — № 3. — С. 116–128.
13. Четвергов Д. С. Правовой режим виртуального имущества // Право и бизнес. — 2021. — № 3. — С. 33–39.
14. Assael S. Skin in the Game // URL: http://www.espn.com/espn/feature/story/_/id/18510975/how-counter-strike-turned-teenager-compulsive-gambler (дата обращения: 01.02.2022).

Материал поступил в редакцию 15 апреля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bunina N. Pravovaya priroda virtualnykh obektov v kompyuternykh igrakh // URL: https://zakon.ru/blog/2020/11/30/pravovaya_priroda_virtualnyh_obektov_v_kompyuternyh_igrah (data obrashcheniya: 01.02.2022).
2. Vasilevskaya L. Yu. Token kak novyy obekt grazhdanskikh prav: problemy yuridicheskoy kvalifikatsii tsifrovogo prava // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2019. — № 5. — С. 111–119. — DOI: 10.17803/1994-1471.2019.102.5.111-119.
3. Grin E. S., Koroleva A. G. Formirovanie bazovykh modeley okhrany tekhnologiy virtualnoy i dopolnennoy realnosti v sfere prava intellektualnoy sobstvennosti // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2019. — № 6. — С. 90–97.
4. Dremlyuga R. I. Virtualnaya realnost: obshchie problemy pravovogo regulirovaniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2020. — Т. 15. — № 9. — С. 39–49.
5. Koroleva A. G. Subekty intellektualnykh prav v oblasti tekhnologiy virtualnoy i dopolnennoy realnosti // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2020. — № 6. — С. 133–142.
6. Lisachenko A. V. Pravo virtualnykh mirov: novye obekty grazhdanskikh prav // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2014. — № 2. — С. 104–110.
7. Maleina M. N. Pravovoy rezhim zdaniy i sooruzheniy, ne prikreplennykh k poverkhnosti zemli // Zhurnal rossijskogo prava. — 2023. — № 2. — С. 33–42.
8. Nigmatzyanova D. A. NFT kak osnova ekonomiki metavselennykh // Pravo i biznes. — 2022. — № 4. — С. 26–31.
9. Ruzakova O. A., Grin E. S. Voprosy zashchity intellektualnoy sobstvennosti v oblasti tekhnologiy virtualnoy i dopolnennoy realnosti (VR, AR) // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2020. — № 3. — С. 502–523.
10. Savelev A. I. Pravovaya priroda virtualnykh obektov, priobretaemykh za realnye dengi v mnogopolzovatel'skikh igrakh // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2014. — № 1. — С. 127–150.
11. Sannikova L. V., Kharitonova Yu. S. Tsifrovye aktivy: pravovoy analiz: monografiya. — М.: 4 Print, 2020. — 304 с.
12. Kholodnaya E. V. O pravovoy kontseptsii metavselennykh // Lex russica. — 2024. — № 3. — С. 116–128.
13. Chetvergova D. S. Pravovoy rezhim virtualnogo imushchestva // Pravo i biznes. — 2021. — № 3. — С. 33–39.
14. Assael S. Skin in the Game // URL: http://www.espn.com/espn/feature/story/_/id/18510975/how-counter-strike-turned-teenager-compulsive-gambler (data obrashcheniya: 01.02.2022).

ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.057-067

А. В. Латынцев*

Принципы биоэтики как нетрадиционные источники права интеллектуальной собственности

Аннотация. В последние годы, по мере интенсивного развития и распространения биотехнологий, всё больше дискуссий ведется о необходимости конкретизации и учета принципов биоэтики для регламентации различных правоотношений, в том числе выходящих за традиционные сферы, такие как надзор и контроль за биологическими исследованиями. Отдельного внимания заслуживают положения ч. IV Гражданского кодекса РФ, посвященные запретам патентования и иной государственной регистрации результатов интеллектуальной деятельности, противоречащих общественным интересам, принципам гуманности и морали. Однако данные принципы в законодательстве не определены. Более того, складывается уникальная правовая конструкция, когда нормы «мягкого» права и добровольные правила могут стать источником запретительных мер, в частности лишения права на получение патента. В развитие точки зрения А. А. Мохова и Ю. Д. Сергеева о необходимости рассмотрения принципов биоэтики как нетрадиционных источников медицинского права автором предложено учитывать данные принципы так же как нетрадиционные источники гражданского права, в частности права интеллектуальной собственности. Отдельно рассмотрен дискуссионный вопрос об установлении исключений из объектов патентных прав в условиях слабой взаимосвязи патентных правоотношений и запретов на осуществление определенных видов деятельности. Доказано, в частности, что предусмотренные в ч. 4 ст. 1349 ГК РФ ограничения патентуемости призваны стать дополнительным препятствием для использования гражданских прав в нарушение основ нравственности, здоровья, прав и интересов других лиц. При этом обоснован вывод, что исключения из объектов патентных прав в патентном законодательстве не могут и не должны подменять нормы специального законодательства, посвященные регламентации запретов определенных видов деятельности и запретов манипуляций с определенными объектами.

Ключевые слова: результаты интеллектуальной деятельности; биоэтика; принципы биоэтики; общественные интересы; принципы гуманности и морали; непатентоспособность; непатентуемость; источники права; интеллектуальная собственность; запреты патентования; патенты.

Для цитирования: Латынцев А. В. Принципы биоэтики как нетрадиционные источники права интеллектуальной собственности // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 12. — С. 57–67. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.057-067.

© Латынцев А. В., 2024

* Латынцев Александр Викторович, кандидат юридических наук, директор Научно-исследовательского института правовых экспертиз и комплексных исследований
Героев Панфиловцев ул., д. 9, корп. 3, г. Москва, Российская Федерация, 125480
info@niilex.ru

Principles of Bioethics as Unconventional Sources of Intellectual Property Law

Alexander V. Latyntsev, Cand. Sci. (Law), Director of the Research Institute of Legal Expertise and Integrated Research, Moscow, Russian Federation
info@niilex.ru

Abstract. In recent years, with the intensive development and spread of biotechnology, there has been more and more discussion about the need to define and apply the principles of bioethics to regulate various legal relations, including the relations that go beyond traditional areas, such as supervision and control of biological research. The provisions of Part IV of the Civil Code of the Russian Federation prohibit patenting and state registration of the results of intellectual activity contradicting public interests; the principles of humanity and morality deserve special attention. However, these principles are not defined in the legislation. Moreover, a unique legal structure is emerging when soft law and voluntary rules can become a source of prohibitive measures, in particular, deprivation of the right to obtain a patent. In the development of the point of view of A. A. Mokhov and Yu. D. Sergeev regarding the need to consider the principles of bioethics as non-traditional sources of medical law, the author proposed to take into account these principles as non-traditional sources of civil law, in particular intellectual property law. The establishment of exceptions to the objects of patent rights in the context of a weak relationship between patent legal relations and prohibitions applied to certain types of activities need to be discussed separately. It has been proven, that the restrictions on patentability provided for in Part 4 of Article 1349 of the Civil Code of the Russian Federation are intended to become an additional obstacle to the use of civil law in violation of the foundations of morality, health, rights and interests of other persons. At the same time, the conclusion is justified that exceptions to the objects of patent rights in patent legislation cannot and should not replace the norms of specific legislation devoted to the regulation of prohibitions of certain types of activities and prohibitions of manipulations with certain objects.

Keywords: results of intellectual activity; bioethics; principles of bioethics; public interest; principles of humanity and morality; non-patentability; sources of law; intellectual property; prohibitions of patenting; patents.

Cite as: Latyntsev AV. Principles of Bioethics as Unconventional Sources of Intellectual Property Law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(12):57-67. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.057-067

Актуальность конкретизации и учета принципов биоэтики в праве интеллектуальной собственности

В Гражданском кодексе РФ не используются термины «этика» или «биоэтика», применение которых в связи с бурным развитием науки (в частности, биотехнологий) получает в последние десятилетия широкое развитие в специальных нормативных актах, в частности связанных со сферой охраны здоровья. Российское гражданское законодательство применяет близкие по смыслу дефиниции «мораль» и «гуманность».

Гражданский кодекс РФ рассматривает моральные нормы в основном в контексте возмещения морального вреда, а принципы гуманности упоминаются в ст. 137 в части недопустимости противоречия им при обращении с животными.

Особняком стоят положения части IV ГК РФ, закрепляющие:

- запрет на патентование результатов интеллектуальной деятельности, противоречащих, в частности, принципам гуманности и морали (ч. 4 ст. 1349);
- требование о том, что наименование селекционного достижения не должно, в частности, противоречить принципам гуманности и морали (ч. 2 ст. 1419);
- запрет на включение в фирменное наименование юридического лица обозначений, противоречащих общественным интересам, принципам гуманности и морали (п. 5 ч. 4 ст. 1473);
- запрет государственной регистрации в качестве товарных знаков обозначений, представляющих собой или содержащих элементы, противоречащие общественным интересам,

принципам гуманности и морали (п. 2 ч. 3 ст. 1483).

При этом нужно отметить, что не содержат требования о соблюдении этических требований, принципов гуманности и морали, в частности, Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (в ред. от 24.07.2023) «О науке и государственной научно-технической политике» и Федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», что можно признать существенным пробелом в отечественном законодательстве.

Законодательные требования к соблюдению норм научной этики установлены только для членов Российской академии наук в п. 5 ч. 2 ст. 10 Федерального закона от 27.09.2013 № 253-ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», что представляется недостаточным для правовой регламентации учета этических принципов в научной среде, в первую очередь в сферах, влияющих на охрану здоровья и охрану окружающей среды.

Таким образом, в отсутствие общего запрета на научную или творческую деятельность, противоречащую принципам гуманности и морали (за некоторыми исключениями), в указанных выше нормах ч. IV ГК РФ установлены запреты, в частности, на государственную регистрацию результатов интеллектуальной деятельности, противоречащих данным принципам.

При этом сами принципы гуманности и морали в законодательстве не систематизированы и не унифицированы. Более того, во многих случаях они содержатся в нормах «мягкого» права или ненормативных добровольных правилах, например, профессиональных сообществ.

Таким образом, складывается уникальная правовая конструкция, при которой нормы «мягкого» права и добровольные правила могут стать источником запретительных мер, в частности лишения права на получение патента.

В этой ситуации требуются не только правила конкретизации принципов биоэтики, подлежащих учету в праве, в том числе в праве интеллектуальной собственности, но и детальная проработка правовых механизмов их учета.

Понятийный аппарат и эволюция биоэтики

В отсутствие законодательного закрепления рассматриваемых терминов обратимся к их определениям в энциклопедических словарях:

Гуманность — любовь, внимание к человеку, уважение к человеческой личности; доброе отношение ко всему живому¹.

Мораль (от лат. *moralis* — нравственный) — это нравственность, особая форма общественного сознания и вид общественных отношений (моральные отношения); один из основных способов регуляции действий человека в обществе с помощью норм. В отличие от простого обычая или традиции, нравственные нормы получают идейное обоснование в виде идеалов добра и зла, должного, справедливости и т.п. *Мораль изучается специальной философской дисциплиной — этикой*².

Этика — учение о морали, ее значении, принципах, нормах и роли в обществе, а также совокупность норм поведения, мораль какой-либо общественной группы, профессии³. Частью этики является биоэтика, которая обычно определяется по предметному признаку — профессии, профессиональной деятельности⁴.

Таким образом, *принципы гуманности и морали в сфере охраны здоровья неразрывно связаны с принципами биоэтики*.

¹ Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М. : Советская энциклопедия ; СПб. : Фонд «Ленинградская галерея», 2002.

² Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1989. С. 744.

⁴ Сергеев Ю. Д., Мохов А. А. Биоэтика — нетрадиционный источник медицинского права // Медицинское право. 2007. № 2. С. 3–9.

Принципы этики принято разделять по профессиональным, общественным сферам. Соответственно, первоначально биоэтика рассматривалась в контексте деятельности врачей и иных медицинских работников. Например, в научной литературе еще пару десятилетий назад можно встретить следующее определение: биоэтика — это научная дисциплина и сфера практической деятельности по неформальной регуляции отношений в области медицинского обслуживания⁵.

В последние годы в круг областей, изучаемых биоэтикой, постоянно расширяется. В него российские эксперты включают этические вопросы как минимум в следующих областях:

- касающихся жизни и смерти, в том числе эвтаназия, репродуктивные технологии, статус эмбрионов, аборт, суррогатное материнство, пренатальная диагностика;
- трансплантология;
- научные исследования, влияющие на охрану здоровья, окружающей среды, биобезопасность и т.п.;
- новые технологии (генная инженерия, клонирование и др.);
- оказание медицинской помощи и иные вопросы здравоохранения;
- биобанки и др.⁶

Биоэтические принципы всё больше становятся межотраслевыми.

Один из родоначальников биоэтики как научной дисциплины Ван Ренселлер Поттер в 1971 г. писал, что биоэтика, по сути, это учение о выживании, а ее главной задачей является формирование рационального поведения человека в условиях меняющегося мира⁷.

Развитие биотехнологий и иных инструментов воздействия на человека и природу ставит на повестку дня вопрос об ответственности человека перед человечеством⁸.

По мнению О. Ю. Рыбакова, будучи областью междисциплинарного научного знания, биоэтика интегрирует научные разработки в сфере медицины, биологии, биотехнологий на основе единого аксиологического основания: достоинства человека и его нравственного, духовного благополучия. Вопросы индивидуальной нравственности и общественной морали есть базовые ориентиры биотехно-научного развития⁹.

Л. В. Чхутиашвили обращает внимание, что становление биоэтики как науки было вызвано необходимостью выработки этических норм для человеческой деятельности, основанных на ценности человека, его жизни и здоровья¹⁰.

Таким образом, развитие биоэтики не может не учитываться при совершенствовании законодательства в современных реалиях, но требует учета специфики ее аспектов.

О возможности квалификации принципов биоэтики в качестве нетрадиционных источников права интеллектуальной собственности

По справедливому утверждению С. А. Синицына, вопрос о соотношении права и биоэтики имеет особое значение и не может ассоциироваться с каучуковыми нормами и с неопределенностью правового регулирования¹¹.

Как отмечают И. А. Кравец, И. О. Крылатова и М. А. Болков, сплав морали и права как

⁵ Седова Н. Н. Правовой статус биоэтики в современной России // Медицинское право. 2005. № 1. С. 12.

⁶ Нешатаева В. О. Международно-правовое регулирование биоэтики // Права человека и биомедицина. 2017. № 11. С. 45–57; Правовая охрана результатов генетических исследований как объектов интеллектуальных прав: монография / Л. А. Новоселова, А. С. Ворожевич, Е. В. Домовская [и др.]. М.: Проспект, 2022.

⁷ Potter V. R. Bioethics: Bridge to the Future. Englewood Cliffs (New Jersey): Prentice-Hall, 1971.

⁸ Правовая охрана результатов генетических исследований как объектов интеллектуальных прав. С. 13.

⁹ Биоэтика в развитии: нравственно-философский стержень и правовая поддержка: монография / отв. ред. В. М. Артемов, О. В. Рыбаков. М.: Проспект, 2022. С. 18.

¹⁰ Биоэтика в развитии: нравственно-философский стержень и правовая поддержка. С. 54.

¹¹ Синицын С. А. Сравнительное патентное право: актуальные проблемы. М.: Инфотропик Медиа, 2022. С. 351.

социальных регуляторов (дополняющих друг друга), взаимоотношения между биологической и социальной природой человека и пределами его вмешательства становятся сущностной основой понимания природы биоэтических принципов. При этом принципы биоэтики в правовом пространстве являются одной из сложнейших категорий, так как посредством них происходит попытка фиксации общепризнанных, общечеловеческих ценностных моральных норм¹².

По мнению Е. Е. Богданова, в чрезвычайно болезненной и сложной области биоэтики перед правом стоит задача урегулирования нравственных проблем, вызванных развитием медицинской науки, активно вторгающейся в жизнь человека, и, как следствие, обеспечения охраны субъективных прав граждан. Именно в области биоэтики встречается значительное количество примеров конфликтов прав и интересов, подлежащих разрешению посредством установления их баланса¹³.

На антропологические риски биотехнологического конструирования человека обращает внимание Д. С. Ксенофонтова, отмечая, что внедрение любой научной идеи, в том числе в сфере генной терапии, сопряжено с определением социальных условий, в которых данной идее предстоит реализовываться¹⁴.

В своих научных трудах Ю. Д. Сергеев и А. А. Мохов аргументированно доказали, что нормы биоэтики можно рассматривать как нетрадиционные источники медицинского права¹⁵.

Однако по мере интенсивного развития биотехнологий данная научная сфера, а также близкие области научных исследований и практического применения разрабатываемых ими реше-

ний всё больше приковывают к себе внимание с позиции необходимости более широкого учета принципов биоэтики при их правовом регулировании.

Необходимо рассматривать этические нормы, в том числе нормы биоэтики, не только с узкопрофессиональной точки зрения или как источники медицинского права, но и как *нетрадиционные источники гражданского права, в том числе права интеллектуальной собственности*.

Именно в данном контексте представляется возможным и целесообразным учитывать принципы гуманности и морали при конкретизации предусмотренных в п. 4 ч. 4 ст. 1349 ГК РФ исключений из объектов патентных прав.

Несмотря на обозначенные выше пробелы в правовом регулировании исследуемой сферы, установление в перечисленных выше статьях ГК РФ запретов с отсылкой к принципам гуманности и морали является необходимым дополнительным сдерживающим фактором, в том числе для коммерциализации противоречащих данным принципам результатов интеллектуальной деятельности, но отсутствие систематизации данных принципов и синхронизации связанных с ними правовых требований порождает правовую неопределенность.

Как отмечает С. А. Сеницын, запретительная функция в правомочии на защиту представляет собой гибкий инструмент, применение которого требует соблюдения баланса интересов патентообладателя и общества¹⁶.

По мнению Ю. В. Виниченко, использование законодателем в отношении отдельных категорий термина «принцип» должно свидетельствовать о выделении таких понятий из общего

¹² Кравец И. А., Крылатова И. Ю., Болков М. А. Актуальные проблемы реализации современных принципов биоэтики и доказательной медицины: правовые, этические и медицинские аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484.

¹³ Богданова Е. Е. Защита интересов граждан при конфликте их личных неимущественных прав // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 78.

¹⁴ Ксенофонтова Д. С. Правовые основы генной терапии: в поисках баланса интересов // Lex russica. 2019. № 6. С. 143–152.

¹⁵ Сергеев Ю. Д., Мохов А. А. Биоэтика — нетрадиционный источник медицинского права // Медицинское право. 2007. № 2. С. 3–9.

¹⁶ Сеницын С. А. Указ. соч. С. 57.

ряда, стремлении подчеркнуть их значимость. При этом необходимым условием реализации регулятивной функции юридического принципа является не просто его упоминание в законодательстве, а такое его легальное оформление, при котором он сформулирован в качестве нормы общего характера¹⁷.

Таким образом, по мере эволюционирования правового регулирования и развития науки можно ожидать постепенный переход принципов биоэтики из сферы «мягкого» права в традиционные правовые нормы.

Разграничение «непатентоспособности» и «непатентуемости»

Отдельно представляется целесообразным разграничить термины «непатентоспособность» и «непатентуемость», с учетом, в частности, эволюции правового регулирования рассматриваемых правоотношений.

Ранее часть 3 ст. 4 Патентного закона Российской Федерации от 23.09.1992 № 3517-1 (в редакции, действовавшей до 10 марта 2003 г.) решения, противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали, не признавала патентоспособными изобретениями. Подобным образом часть 2 ст. 6 Патентного закона РФ не признавала патентоспособными промышленными образцами решения изделий, противоречащих общественным интересам, принципам гуманности и морали.

С 11 марта 2003 г. Федеральным законом от 07.02.2003 № 22-ФЗ были внесены изменения в Патентный закон РФ. Для промышленных образцов (ч. 2 ст. 6) рассматриваемый запрет был сохранен. Для изобретений же было указано, что данные решения не признаются патентоспособными только в смысле положений данного закона (ч. 3 ст. 4). Наконец, часть 2 ст. 5 Патентного закона РФ была дополнена положениями, согласно которым не предоставляется правовая охрана в качестве полезной модели решениям,

противоречащим общественным интересам, принципам гуманности и морали.

Важно отметить, что описанные запреты на патентование были разнесены по разным статьям Патентного закона РФ, посвященным условиям патентоспособности перечисленных результатов интеллектуальной деятельности. При этом, как указано выше, в отношении изобретений, полезных моделей и промышленных образцов применялись разные законодательные формулировки для установления запрета на их патентование в случаях противоречия соответствующих решений общественным интересам, принципам гуманности и морали.

Часть IV ГК РФ выделила из статей, регламентирующих условия патентоспособности (ст. 1350–1352), в отдельную правовую норму положения, определяющие результаты интеллектуальной деятельности, которые не могут быть объектами патентных прав по причине их противоречия общественным интересам, принципам гуманности и морали (ч. 4 ст. 1349). При этом нужно учитывать, что указанные в п. 1–3 ч. 4 ст. 1349 ГК РФ способы, как доказано было выше, фактически являются конкретизированными примерами результатов интеллектуальной деятельности, в отношении которых установлен запрет патентования по общим причинам, указанным в п. 4 ч. 4 ст. 1349 ГК РФ.

Таким образом, в ч. IV ГК РФ фактически разделены непатентоспособные по своей правовой природе объекты и результаты интеллектуальной деятельности, которые хотя формально и соответствуют условиям патентования, но не могут быть объектом патентных прав по иным причинам, определенным законодательством.

Как отмечает В. В. Долинская, анализ норм права позволяет выделить две употребляемые законодателем формулировки: «не являются объектами» интеллектуальных прав и «не предоставляется правовая охрана» объектам. То есть различаются отказ в правовой квалификации блага как объекта и отказ в правовой охране

¹⁷ Виниченко Ю. В. Разумность и справедливость как принципы гражданского права и начала функционирования системы гражданского оборота // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 3. С. 98–115.

блага, которое, может быть, при других условиях и было бы квалифицировано как объект¹⁸.

В работах многих российских правоведов до сих пор не делается данных различий, что может привести к путанице в правоприменительной практике.

Предлагается исходить из следующих критериев определения терминов «непатентоспособность» и «непатентуемость».

В российском гражданском законодательстве условия патентоспособности, например, изобретения, полезной модели и промышленного образца закреплены соответственно в ст. 1350, 1351 и 1352 ГК РФ. С учетом этого указанные результаты интеллектуальной деятельности, не соответствующие установленным перечисленным в данных правовых нормах условиям, являются «непатентоспособными».

К «непатентуемым» же предлагается отнести, например, изобретения, формально соответствующие установленным в ст. 1350 ГК РФ условиям (то есть формально являющиеся патентоспособными), но не подлежащие патентованию по иным основаниям, перечисленным в законодательстве, в частности в ч. 4 ст. 1349 ГК РФ.

К вопросу о необходимости установления исключений из объектов патентных прав и их изменения по мере развития науки

Нельзя забывать, что патент дает его держателю исключительное право запрета использования объекта патентной охраны (кроме случаев, перечисленных в законодательстве), но не дает автоматического права на обращение, например, лекарственных средств или медицинских изделий, в которых применяются соответствующие изобретения или иные запатентованные объекты. Впрочем, и наоборот, отсутствие патента

не является препятствием и не запрещает внедрение изобретений, если соблюдены требования законодательства к обращению, например, лекарственных препаратов или медицинских изделий.

В. Ю. Джермакян справедливо обращает внимание на ст. 4quater Парижской конвенции по охране промышленной собственности, согласно которой в выдаче патента не может быть отказано и патент не может быть признан недействительным только на основании того, что продажа продукта, запатентованного или изготовленного запатентованным способом, на основании национального законодательства подвергнута ограничениям или сокращениям¹⁹.

В пункте 2.2.4 Руководства по осуществлению административных процедур и действий предоставления государственной услуги по государственной регистрации изобретения и выдаче патента на изобретение, его дубликата, утвержденного приказом Роспатента от 27.12.2018 № 236, указывается, что ссылка на какой-либо действующий нормативный правовой акт, предусматривающий ограничение или сокращение продажи продукта (устройства, вещества и т.д.), в котором может быть воплощен заявленный в качестве изобретения объект, не может служить основанием для признания заявленного объекта противоречащим общественным интересам, принципам гуманности и морали. Исключение из этого правила составляют случаи, когда сам запрет введен ввиду противоречия устройства какому-либо из этих требований.

С. В. Зыков отмечает, что рассматриваемые нормы, закрепляющие запреты патентования, касаются не содержания исключительного права на использование, а оснований его возникновения²⁰.

Соответственно, патентное право не заменяет и слабо влияет на правовое регулирование обращения лекарственных средств, медицин-

¹⁸ Долинская В. В. Проблемы частноправовой квалификации и систематизации объектов интеллектуальных прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 5. С. 25–36.

¹⁹ Джермакян В. Ю. Комментарий к главе 72 «Патентное право» Гражданского кодекса РФ (постатейный). 4-е электрон. изд., перераб. и доп. СПС «КонсультантПлюс», 2014.

²⁰ Зыков С. В. Система имущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации // Российский юридический журнал. 2020. № 1. С. 117–130.

ских изделий и иной продукции сферы здравоохранения.

Логичен вопрос: насколько целесообразно ограничивать в патентном праве регистрацию результатов интеллектуальной деятельности в сфере охраны здоровья, если эти ограничения слабо влияют на обращение и оборотоспособность продукции в данной сфере (конечно, кроме случаев признания товаров контрафактными)?

Здесь необходимо учитывать, что закрепление в п. 4 ч. 4 ст. 1349 ГК РФ принципов непатентуемости соответствует общим принципам гражданского права, в частности указанным в ч. 2 ст. 1 ГК РФ, устанавливающей возможность ограничения федеральным законом гражданских прав в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. В силу ч. 2 ст. 2 ГК РФ гражданским законодательством защищаются неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага, если иное не вытекает из существа этих нематериальных благ. Согласно ч. 1 и 2 ст. 150 ГК РФ, к защищаемым данным кодексом и иными законами в случаях и в порядке, ими предусмотренных, относятся жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и иные нематериальные блага. Таким образом, предусмотренные в ч. 4 ст. 1349 ГК РФ ограничения патентоспособности призваны стать дополнительным препятствием для использования гражданских прав в нарушение основ нравственности, здоровья, прав и интересов других лиц, в частности, общественных интересов и принципов гуманности и морали.

При этом в целях достижения оптимального компромисса между частными и общественными интересами, в первую очередь в столь социально значимой сфере, какой является здравоохранение, необходима конкретизация указанных интересов и принципов в законодательстве.

Отдельно необходимо учитывать требования ч. 4 ст. 1 ГК РФ, согласно которой никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения, а также ч. 1 ст. 10 ГК РФ, не допускающей, в частности, действия в обход закона с противоправной целью, иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). Данные требования в полной мере распространяются и на патентообладателей.

С. А. Сеницын обращает внимание, что в зарубежных источниках можно встретить позицию, что законодателю следует избегать нормативных ограничений и запретов в патентовании, поскольку они являются контрпродуктивными с точки зрения экономической обоснованности. Однако это не имеет отношения к нравственным началам патентного права. Иное означало бы, что в патентном праве принципиально нет места морали и нравственности, а это опровергается опытом и содержанием патентных правоотношений²¹.

Сравнение положений ч. 4 ст. 1349 ГК РФ с запретами на осуществление деятельности, предусмотренными специальными законами, демонстрирует непосредственную связь:

— запрета на патентование способов клонирования человека (п. 1 ч. 4 ст. 1349 ГК РФ) с временным запретом на клонирование человека, установленным Федеральным законом от 20.05.2002 № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека»;

— запрета на патентование использования человеческих эмбрионов в промышленных и коммерческих целях (п. 3 ч. 4 ст. 1349 ГК РФ) с запретом на использование половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов человека для промышленных целей (ч. 6 ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») и запретами на создание эмбриона человека в целях производства биомедицинских клеточных продуктов и использования биологического материала, полученного путем прерывания процесса развития эмбриона или плода человека или нарушения такого процесса (п. 4, 5 ст. 3 Федерального закона от

²¹ Сеницын С. А. Указ. соч. С. 353.

23.06.2016 № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах»).

Таким образом, *запрет на патентование в указанных случаях фактически представляет собой логичный запрет на узаконивание результатов запрещенной деятельности*. Соответственно, целесообразно дополнить закрепленный в п. 3 ч. 4 ст. 1349 ГК РФ запрет на патентование использования человеческих эмбрионов иными объектами, перечисленными в приведенной выше норме специального законодательства.

В случае же указанного в п. 2 ч. 4 ст. 1349 ГК РФ запрета на патентование способов модификации генетической целостности клеток зародышевой линии человека взаимосвязь со специальными видами законодательства неочевидна, что порождает неопределенность в применении данной правовой нормы на практике. Так, в решении от 15.06.2020 по делу № СИП-960/2019 Суду по интеллектуальным правам в отсутствие надлежащего правового регулирования в отечественном законодательстве в данной сфере пришлось основывать свои выводы на положениях международных и зарубежных соглашений, которые не обязательны в Российской Федерации и являются источниками «мягкого» права.

Выводы

С учетом вышеизложенного можно прийти к выводу, что недостаточно общего указания в законе на исключение из объектов патентных прав результатов интеллектуальной деятельности, противоречащих принципам гуманности и морали (в том числе принципам биоэтики), а

также общественным интересам (в том числе требованиям биобезопасности).

Данные положения в законе достаточно размыты и могут приводить на практике в ряде случаев к субъективным и весьма спорным выводам о противоречивости данным принципам и интересам, поэтому представляется целесообразным максимальная конкретизация в законодательстве частных случаев данного общего запрета.

При этом конкретизация данных частных случаев исключений из объектов патентных прав является закономерной при регламентации в отраслевом и специальном законодательстве запретов на осуществление определенной деятельности, результаты интеллектуальной деятельности в которой не могут быть узаконены в патентных правоотношениях.

Таким образом, исключения из объектов патентных прав в патентном законодательстве *не могут и не должны подменять собой нормы специального законодательства, посвященные регламентации запретов определенных видов деятельности и запретов манипуляций с определенными объектами, а могут рассматриваться только как дополнительный к данным запретам правовой инструмент недопущения злоупотребления правом*, в частности при осуществлении незаконной, аморальной, негуманной или неэтической деятельности.

Такое понимание взаимосвязи патентных и специальных правовых механизмов в рассматриваемой части может существенно облегчить правоприменительную практику по недопущению патентования результатов интеллектуальной деятельности в запрещенной деятельности специальным законодательством, в первую очередь в сфере охраны здоровья.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Биоэтика в развитии: нравственно-философский стержень и правовая поддержка : монография / отв. ред. В. М. Артемов, О. В. Рыбаков. — М. : Проспект, 2022. — 240 с.
2. Богданова Е. Е. Защита интересов граждан при конфликте их личных неимущественных прав // Журнал российского права. — 2013. — № 12. — С. 78–82.
3. Виниченко Ю. В. Разумность и справедливость как принципы гражданского права и начала функционирования системы гражданского оборота // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2014. — № 3. — С. 98–115.

4. Джермакян В. Ю. Комментарий к главе 72 «Патентное право» Гражданского кодекса РФ (постатейный). — 4-е электрон. изд., перераб. и доп. — СПС «КонсультантПлюс», 2014.
5. Долинская В. В. Проблемы частноправовой квалификации и систематизации объектов интеллектуальных прав // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2021. — № 5. — С. 25–36.
6. Зыков С. В. Система имущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации // Российский юридический журнал. — 2020. — № 1. — С. 117–130.
7. Кравец И. А., Крылатова И. Ю., Болков М. А. Актуальные проблемы реализации современных принципов биоэтики и доказательной медицины: правовые, этические и медицинские аспекты // Вестник Томского государственного университета. — 2022. — № 484.
8. Ксенофонтова Д. С. Правовые основы генной терапии: в поисках баланса интересов // Lex russica. — 2019. — № 6. — С. 143–152.
9. Нешатаева В. О. Международно-правовое регулирование биоэтики // Права человека и биомедицина. — 2017. — № 11. — С. 45–57.
10. Правовая охрана результатов генетических исследований как объектов интеллектуальных прав : монография / Л. А. Новоселова, А. С. Ворожечин, Е. В. Домовская [и др.]. — М. : Проспект, 2022. — 160 с.
11. Седова Н. Н. Правовой статус биоэтики в современной России // Медицинское право. — 2005. — № 1. — С. 12–14.
12. Сергеев Ю. Д., Мохов А. А. Биоэтика — нетрадиционный источник медицинского права // Медицинское право. — 2007. — № 2. — С. 3–9.
13. Сеницын С. А. Сравнительное патентное право: актуальные проблемы. — М. : Инфотропик Медиа, 2022. — 416 с.
14. Potter V. R. Bioethics: Bridge to the Future. — Englewood Cliffs (New Jersey) : Prentice-Hall, 1971.

Материал поступил в редакцию 13 марта 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bioetika v razvitii: нравственно-философский стержень и правовая поддержка: монография / отв. ред. В. М. Артемов, О. В. Рыбаков. — М.: Проспект, 2022. — 240 с.
2. Bogdanova E. E. Zashchita interesov grazhdan pri konflikte ikh lichnykh neimushchestvennykh prav // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2013. — № 12. — S. 78–82.
3. Vinichenko Yu. V. Razumnost i spravedlivost kak printsipy grazhdanskogo prava i nachala funktsionirovaniya sistemy grazhdanskogo oborota // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2014. — № 3. — S. 98–115.
4. Dzhermakyan V. Yu. Kommentariy k glave 72 «Patentnoe pravo» Grazhdanskogo kodeksa RF (postateyny). — 4-e elektron. izd., pererab. i dop. — SPS «KonsultantPlyus», 2014.
5. Dolinskaya V. V. Problemy chastnopravovoy kvalifikatsii i sistematzatsii obektov intellektualnykh prav // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2021. — № 5. — S. 25–36.
6. Zykov S. V. Sistema imushchestvennykh prav na rezultaty intellektualnoy deyatel'nosti i sredstva individualizatsii // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2020. — № 1. — S. 117–130.
7. Kravets I. A., Krylatova I. Yu., Bolkov M. A. Aktualnye problemy realizatsii sovremennykh printsipov bioetiki i dokazatel'noy meditsiny: pravovye, eticheskie i meditsinskie aspekty // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2022. — № 484.
8. Ksenofontova D. S. Pravovye osnovy gennoy terapii: v poiskakh balansa interesov // Lex russica. — 2019. — № 6. — S. 143–152.
9. Neshataeva V. O. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie bioetiki // Prava cheloveka i biomeditsina. — 2017. — № 11. — S. 45–57.

10. Pravovaya okhrana rezultatov geneticheskikh issledovaniy kak obektov intellektualnykh prav: monografiya / L. A. Novoselova, A. S. Vorozhevich, E. V. Domovskaya [i dr.]. — M.: Prospekt, 2022. — 160 s.
11. Sedova N. N. Pravovoy status bioetiki v sovremennoy Rossii // Meditsinskoe pravo. — 2005. — № 1. — S. 12–14.
12. Sergeev Yu. D., Mokhov A. A. Bioetika — netraditsionnyy istochnik meditsinskogo prava // Meditsinskoe pravo. — 2007. — № 2. — S. 3–9.
13. Sinitsyn S. A. Sravnitelnoe patentnoe pravo: aktualnye problemy. — M.: Infotropik Media, 2022. — 416 s.
14. Potter V. R. Bioethics: Bridge to the Future. — Englewood Cliffs (New Jersey): Prentice-Hall, 1971.

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.068-080

Н. В. Черных*,
Д. И. Воронцов**

Перспективы совершенствования трудового законодательства и законодательства об охране труда при осуществлении роботизации производства

Аннотация. Статья посвящена исследованию потенциала использования результатов развития современных технологий, в том числе средств автоматизации и роботизации, для совершенствования рынка труда и необходимости адаптации действующих подходов к правовому регулированию труда, в особенности в рамках охраны труда. Новые технологические достижения влекут за собой как позитивные следствия в виде роста эффективности производства, снижения травматизма и профессиональных заболеваний на рабочих местах, формирования достойной рабочей среды и общего повышения качества жизни, так и новые риски, которые опосредованы прежде всего периодом адаптации к изменяющимся условиям труда. В статье исследуются процессы таких изменений и формируются предложения относительно возможных подходов к правовому регулированию сферы труда для целей достижения оптимального согласования процессов применения технологических новаций в производстве и достижения баланса прав и интересов участников рынка труда.

Ключевые слова: трудовое право; охрана труда; роботизация; автоматизация; технологический суверенитет; риски; концепция исключенного риска; Vision zero (нулевой травматизм); экзоскелеты; ответственность работодателя.

Для цитирования: Черных Н. В., Воронцов Д. И. Перспективы совершенствования трудового законодательства и законодательства об охране труда при осуществлении роботизации производства // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 12. — С. 68–80. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.068-080.

© Черных Н. В., Воронцов Д. И., 2024

* Черных Надежда Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
nvychernyh@msal.ru

** Воронцов Дмитрий Игоревич, кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
divoroncov@msal.ru

Благодарности. Публикация подготовлена в рамках выполнения работ по государственному заданию на тему «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы» (FSMW-2023-0006). Регистрационный номер ЕГИСУ НИОКТР: 124012000079-6.

Prospects for Improving Labor and Labor Protection Legislation in the Implementation of Production Robotization

Nadezhda V. Chernykh, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Acting Head of the Department of Labor Law and Social Welfare Law, Kutafin Moscow state Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
nvychernyh@msal.ru

Dmitriy I. Vorontsov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Labor Law and Social Welfare Law, Kutafin Moscow state Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
divoroncov@msal.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of the potential for using the results of the development of modern technologies, including automation and robotization tools, to improve the labor market and the need to adapt existing approaches to labor legal regulation, especially within the framework of labor protection. New technological achievements entail positive consequences in the form of increased production efficiency, a decreased number of injuries and occupational diseases at workplaces, the formation of a decent working environment, overall improvement in the quality of life and new risks primarily mediated by the period of adaptation to changing working conditions. The paper examines the processes of such changes and suggests possible approaches to legal regulation of the labor sphere in order to achieve optimal coordination of the processes of applying technological innovations in production and achieving a balance of rights and interests of labor market participants.

Keywords: labor law; occupational safety; robotization; automation; technological sovereignty; risks; concept of excluded risk; Vision Zero (zero injuries); exoskeletons; employer responsibility.

Cite as: Chernykh NV, Vorontsov DI. Prospects for Improving Labor and Labor Protection Legislation in the Implementation of Production Robotization. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(12):68-80. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.068-080

Acknowledgements. The paper was prepared as part of the work under the state assignment on the topic «The Russian legal system in the realities of the digital transformation of society and the state: adaptation and prospects for responding to modern challenges and threats (FSMW-2023-0006).» Registration number EGISU NIOKTR: 124012000079-6.

В мире происходят глубокие изменения социально-экономического, политического и технологического характера, которые затрагивают всю повестку правового регулирования, работу ключевых государственно-правовых институтов¹.

Концепцией технологического развития на период до 2030 года определяются вызовы, принципы и цели технологического развития, в числе которых выделяется устойчивая быстроразвивающаяся производственная база национальной экономики, обеспечивающей

¹ Синюков В. Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 2 (171). С. 10.

производство необходимой номенклатуры высокотехнологичной продукции, включая микроэлектронику (российские чипы), высокоточные станки и робототехнику, авиакосмическую технику, беспилотники, лекарства и медицинское оборудование, телекоммуникационное оборудование и программное обеспечение, ускорители и детекторы заряженных частиц².

Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» технологическое лидерство нашей страны обозначено как одна из национальных целей развития Российской Федерации, а также предусмотрено вхождение к 2030 г. Российской Федерации в число 25 ведущих стран мира по показателю плотности роботизации³. В этой связи в 2024 г. Росстат запустил федеральное статистическое наблюдение, направленное на оценку использования промышленной робототехники в обрабатывающих производствах.

Росстандарт разделяет роботов и робототехнические устройства (по признаку автономности), а также подразделяет роботов на промышленных, сервисных, мобильных, манипуляционных, транспортных⁴.

Ю. А. Тихомиров и С. Б. Нанба полагают, что роботам можно передать следующие функции: однообразные механические повторяющиеся действия; повторяющиеся варианты действий; выбор вариантов решений и действий по заданной программе; расчетные варианты действий; самообучение роботов⁵.

В этой связи следует согласиться с их мнением в той части, что целью роботизации в целом необходимо рассматривать облегчение условий деятельности человека и создание комфортной среды жизни⁶.

Преломляя это утверждение в контексте трудового права, следует в качестве основной цели роботизации производства установить не снижение издержек и достижение прибыли, а прежде всего внедрение деятельности роботов и роботизированных систем во всех физически сложных, травмоопасных, труднодоступных для человека видах работ.

Высказанное суждение согласуется с позицией, обозначенной в Резолюции Европарламента от 16.02.2017, о том, что роботы позволят избежать необходимости работать в условиях, угрожающих жизни и здоровью людей (таких, например, как очистка территорий от ядовитых заражений)⁷, а также с точкой зрения многих ученых в области трудового права.

² Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 25.05.2023.

³ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 07.05.2024.
Пока Российская Федерация существенно отстает от других стран по уровню развития роботизации. В 2022 г. на 10 000 работников в России приходилось 6 роботов, в США — 274 робота, в Германии — 397 роботов, в Южной Корее — 1 000 роботов, а среднемировой показатель составляет 141 робот (см.: Банников С. А. Мировые тренды роботизации и перспективы ее развития в России // Beneficium. 2023. № 2 (47). С. 9). На основе уже полученных данных Институт статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ впервые проанализировал уровень роботизации российской промышленности в региональном и отраслевом разрезе, а также сопоставил текущую ситуацию с перспективами развития промышленной робототехники.

⁴ ГОСТ Р 60.0.0.2-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Роботы и робототехнические устройства. Классификация, утвержден и введен в действие приказом Росстандарта от 29.11.2016 № 1842-ст. М. : Стандартинформ, 2016.

⁵ Тихомиров Ю. А., Нанба С. Б. Роботизация: динамика правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11. № 3. С. 534.

⁶ Тихомиров Ю. А., Нанба С. Б. Указ. соч. С. 544.

⁷ См.: Нормы гражданского права о робототехнике и Хартия робототехники // URL: <https://robotrends.ru/pub/1725/normy-grazhdanskogo-prava-o-robototekhnike-i-hartiya-robototekhniki> (дата обращения: 30.04.2024).

Так, Л. В. Серегина связывает сокращение старых и создание новых высокотехнологичных рабочих мест, развитие робототехники, позволяющей заменить работников, осуществляющих трудовую функцию во вредных и (или) опасных условиях труда, со снижением уровня производственного травматизма и профессиональных заболеваний⁸.

Внедрение систем (устройств) автоматического и дистанционного управления и регулирования производственным оборудованием, технологическими процессами, подъемными и транспортными устройствами, механизация и автоматизация технологических операций (процессов), связанных с хранением, перемещением (транспортированием), заполнением и опорожнением передвижных и стационарных резервуаров (сосудов) с ядовитыми, агрессивными, легковоспламеняющимися и горючими жидкостями, используемыми в производстве, включены в Примерный перечень ежегодно реализуемых работодателем мероприятий по улучшению условий и охраны труда, ликвидации или снижению уровней профессиональных рисков либо недопущению повышения их уровней, утвержденный приказом Минтруда России от 29.10.2021 № 771н⁹.

В исследовании, опубликованном Банком Кореи, утверждается, что внедрение роботов на рабочем месте может снизить травматизм

на производстве и значительно улучшить здоровье работников. Основываясь на статистических данных и опросах, связанных со здоровьем, авторы исследования установили, что в регионах со значительным количеством промышленных роботов с 2010 по 2019 г. наблюдалось снижение несчастных случаев на производстве. Когда количество роботов на 1 000 работников увеличилось на 9,95, количество травм на производстве на 100 работников сократилось на 8 %. Количество тяжелых травм, приводящих к постоянной инвалидности, сократилось на 16,9 %¹⁰.

К числу современных роботизированных решений относятся станки с числовым программным управлением, автоматизированные складские системы, комплексы сборочных операций и промышленные роботы¹¹. Помимо промышленных роботов, выделяют также коллаборативных роботов, выполняющих определенные технологические операции совместно с человеком. В ряде стран уже используют человекоподобных двуногих роботов, которые умеют сгибать колени и захватывать предметы с помощью манипуляторов, похожих на человеческие пальцы¹².

В производственном процессе могут использоваться экзоскелеты, которые существенно усиливают физические способности человека, в частности по подъему тяжестей¹³. В нормативных правовых актах появляются указания

⁸ Серегина Л. В. Право на безопасный труд с учетом вызовов научно-технологического развития Российской Федерации // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 84.

⁹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 03.12.2021.

¹⁰ Роботизация производства жизненно необходима // URL: <https://gazeta-rk.ru/robotizaciya-proizvodstva-zhiznenno-neobhodima/> (дата обращения: 30.04.2024).

¹¹ Мантуров Д. В. Доклад на заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам. 22.08.2023 // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/72084> (дата обращения: 24.11.2023).

¹² Роботы-гуманоиды стали работать на складах компании Amazon // URL: <https://vfokuse.mail.ru/article/roboty-gumanoidy-stali-rabotat-na-skladah-kompanii-amazon-58346101/> (дата обращения: 24.11.2023). Некоторые ученые выяснили, что чем больше внешний облик робота похож на облик человека, тем меньший психологический дискомфорт испытывают работники в процессе взаимодействия с ним. См.: Филипова И. А. Трансформация правового регулирования труда в цифровом обществе. Искусственный интеллект и трудовое право : научное издание. Н. Новгород : Нижегородский госуниверситет имени Н.И. Лобачевского, 2019. С. 58.

¹³ Уже сейчас можно купить, в частности, экзоскелеты для грузчиков (см.: Экзоскелеты для грузчиков // URL: <https://ryvok.ru/specodezhda/ekzoskelety/> (дата обращения: 17.03.2024)). Проводятся научные исследо-

на использование экзоскелетов при тушении пожаров¹⁴, при выполнении работ при получении или применении металлов¹⁵.

В этой связи высказываются справедливые суждения о том, что в трудовом законодательстве необходимо определить права и обязанности работодателей и работников при использовании роботов, в том числе право работника при определенных условиях отказаться от их использования¹⁶. Например, по результатам специальной оценки условий труда возможно снижение класса (подкласса) условий труда на рабочем месте с вредных до допустимых, если в результате применения работником специальных приспособлений снизился уровень их вредного воздействия.

Под промышленным экзоскелетом понимается устройство, предназначенное для увеличения возможностей человека по перемещению и удержанию грузов за счет внешнего каркаса и/или приводящих элементов. В зависимости от источника энергии и принципа работы привода выделяют активные экзоскелеты (в качестве источника энергии используются внешние устройства) и пассивные экзоскелеты (используется перераспределение кинетической энергии человека)¹⁷.

По мнению некоторых специалистов, экзоскелеты относятся к средствам индивидуальной защиты и могут приобретаться за счет средств, выделяемых на охрану труда¹⁸. Обеспечение работников, занятых на работах с вредными или

вания, связанные с изучением выполнения технологических операций с использованием экзоскелета и без него. См.: Яцун А. С., Никулин А. С., Логунов Е. Р. Опыт внедрения промышленных экзоскелетных систем на предприятиях пищевой промышленности // Завалишинские чтения — 23 : сборник докладов XXVIII Международной конференции по электромеханике и робототехнике. СПб., 2023. С. 149–154 ; Пантелеев Р. А., Костомаров А. А., Радюкин Е. С. Внедрение экзоскелетов в процесс восстановления железных дорог // Инновационная железная дорога. Новейшие и перспективные системы обеспечения движения поездов. Проблемы и решения : сборник статей VI Международной научно-практической конференции / под общ. ред. М. Г. Яшина. СПб., 2023. С. 16–27.

¹⁴ Распоряжение Правительства РФ от 19.07.2019 № 1605-р «Об утверждении нормативов обеспеченности субъекта Российской Федерации лесопожарными формированиями, пожарной техникой и оборудованием, противопожарным снаряжением и инвентарем, иными средствами предупреждения и тушения лесных пожаров» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 23.07.2019 ; приказ Минприроды России от 29.12.2022 № 934 «Об организации охраны лесов от пожаров в лесах, расположенных на землях особо охраняемых природных территорий федерального значения, находящихся в ведении Минприроды России, за исключением выполнения авиационных работ по охране лесов от пожаров в лесах, расположенных на землях особо охраняемых природных территорий федерального значения, входящих в состав Байкальской природной территории» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Приказ Ростехнадзора от 09.12.2020 № 512 «Об утверждении Федеральных норм и правил в области промышленной безопасности «Правила безопасности процессов получения или применения металлов»» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 30.12.2020.

¹⁶ Василевич Д. Г. Правовые аспекты использования информационных технологий с целью компенсации физических недостатков человека // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право». 2023. Т. 23. № 3. С. 330.

¹⁷ Мадалиев А., Иванов В. М. Промышленные экзоскелеты: тенденции развития и перспективы распространения // Инновационная экономика и менеджмент: методы и технологии : сборник статей участников V Международной научно-практической конференции. М., 2020. С. 176.

¹⁸ Канонин Ю. Н., Тихомиров О. И. Перспективы применения промышленных экзоскелетов на железнодорожном транспорте в качестве средств индивидуальной защиты // Известия Петербургского университета путей сообщения Императора Александра I. 2024. Т. 21. № 2. С. 371.

опасными условиями труда, а также на работах, производимых в особых температурных и климатических условиях или связанных с загрязнением, специальной одеждой, специальной обувью и другими средствами индивидуальной защиты, дерматологическими средствами индивидуальной защиты является обязанностью работодателя и входит в Примерный перечень ежегодно реализуемых работодателем мероприятий по улучшению условий и охраны труда, ликвидации или снижению уровней профессиональных рисков либо недопущению повышения их уровней, утвержденный приказом Минтруда России от 29.10.2021 № 771н¹⁹. Промышленные экзоскелеты отнесены к средствам индивидуальной защиты опорно-двигательного аппарата от статических нагрузок (от утомляемости) в Единых типовых нормах выдачи средств индивидуальной защиты и смывающих средств, утвержденных приказом Минтруда России от 29.10.2021 № 767н²⁰.

Однако высказывается позиция и о невозможности отнесения экзоскелета к средствам индивидуальной защиты, так как в России не запущены процессы сертификации экзоскелетов²¹. Возможно, эти процессы активизируются в ближайшее время, так как с 1 января 2024 г. вступили в силу приказы Росстандарта, вводящие в действие ряд национальных стандартов, касающихся экзоскелетов²².

Вместе с тем роботы — сложные объекты и травматизм на рабочем месте может увели-

чиваться из-за их неправильной эксплуатации либо ошибки разработчика при их создании, программировании, монтаже на конкретном рабочем месте.

Как справедливо указывает И. А. Филипова, работа рядом с роботами требует от работников новых навыков, новых мер охраны труда и техники безопасности, новых режимов работы²³.

Потенциальная опасность является универсальным свойством процесса взаимодействия человека со средой обитания. Любое новое позитивное действие или его результат (создание новых технических средств, технологий, объектов и т.д.) неизбежно сопровождается возникновением новой потенциальной опасности или группы опасностей²⁴. Все действия человека и все компоненты среды обитания (прежде всего технические средства и технологии), кроме положительных свойств и результатов, обладают способностью генерировать опасные и вредные факторы. Указанные суждения приводят к предположению, что, с одной стороны, внедрение роботизации может способствовать уменьшению количества несчастных случаев на производстве за счет сокращения количества работников, участвующих в потенциально опасной производственной деятельности работодателя, с другой стороны, травматизация работников может возрасти в связи с неправильной эксплуатацией роботов или в связи с наличием сбоя в их работе.

Как указывают В. В. Белик, В. В. Долгов, В. Ю. Контарева, многие несчастные случаи

¹⁹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 03.12.2021.

²⁰ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 29.12.2021.

²¹ Экзоскелеты: как носимые устройства пришли в Россию и чем могут быть полезны работникам // URL: <https://journal.ecostandard.ru/ot/kontekst/ekzoskelety-kak-nosimye-ustroystva-prishli-v-Rossiyu-i-chem-mogut-byt-polezny-rabotnikam/> (дата обращения: 20.04.2024).

²² Приказ Росстандарта от 17.11.2023 № 1424-ст «Об утверждении национального стандарта Российской Федерации»; приказ Росстандарта от 17.11.2023 № 1423-ст «Об утверждении национального стандарта Российской Федерации»; приказ Росстандарта от 17.11.2023 № 1422-ст «Об утверждении национального стандарта Российской Федерации»; приказ Росстандарта от 17.11.2023 № 1421-ст «Об утверждении национального стандарта Российской Федерации».

²³ Филипова И. А. Влияние цифровых технологий на труд: ориентиры для трудового права : монография Н. Новгород : Нижегород. гос. ун-т имени Н.И. Лобачевского, 2021. С. 32.

²⁴ Мирзаянц А. В. Гибель и травматизм в быту и на производстве // Гражданская оборона на страже мира и безопасности : материалы VIII Международной научно-практической конференции, посвященной Всемирному дню гражданской обороны : в 5 ч. М., 2024. С. 373.

на роботизированном рабочем месте происходят во время нестандартных рабочих ситуаций, таких как программирование, техническое обслуживание, тестирование или настройка. Во время этих операций работник временно получает доступ к рабочему пространству робота, где непреднамеренные операции робота могут привести к травме человека²⁵.

Е. В. Поезжаева дает более широкий перечень причин возникновения опасных, критических и аварийных ситуаций при эксплуатации промышленных роботов, в числе которых:

1) непредусмотренные движения исполнительных устройств промышленных роботов при наладке, ремонте, во время обучения и исполнения управляющей программы;

2) внезапный отказ в работе промышленного робота или технологического оборудования, совместно с которым он работает;

3) ошибочные (непреднамеренные) действия оператора или наладчика во время наладки и ремонта, при работе в автоматическом режиме;

4) доступ человека в рабочее пространство робота, функционирующего в режиме исполнения программы;

5) нарушение условий эксплуатации промышленного робота, роботизированного технологического комплекса;

6) нарушение требований эргономики и безопасности труда при планировке роботизированного технологического комплекса и участка (размещение технологического оборудования, промышленных роботов, пультов управления, загрузочных и разгрузочных устройств, накопителей, тары, транспортных средств и других средств технологического оснащения)²⁶. В этой связи контроль работодателя за обеспечением безопасных условий труда должен быть усилен в части изучения, прогнозирования и предотвра-

щения несчастных случаев на производстве с участием роботов и роботизированных механизмов.

Помимо рассмотренных рисков, нельзя не отметить риски, возникающие в связи с воздействием роботизации на рынок труда в целом. Так называемая технологическая безработица, обусловленная утратой рабочих мест из-за изменений в технической организации производства и введением новых средств автоматизации человеческого труда, в настоящее время актуальна как никогда. При этом рамки потенциального воздействия подобных изменений нередко существенно преувеличиваются. Так, в средствах массовой информации можно обнаружить прогнозы со ссылками на авторитетные источники о том, что в ближайшей перспективе половина рабочих мест будет занята роботами²⁷. Подобные предположения по прошествии времени вызывают скепсис, так как датами наступления кардинальных изменений в них называются 2020–2025 гг., а на текущий момент столь радикальных процессов не наблюдается.

Вместе с тем слишком высокие ожидания от влияния роботизации на рынок труда не должны нивелировать дискуссию о наличии реальных угроз, связанных с потенциальным увеличением уровня безработицы.

Более того, с исторической точки зрения человеческое общество с подобными проблемами уже сталкивалось. Так называемое восстание луддитов, произошедшее в Великобритании 11 марта 1811 г., было связано с тем, что ремесленники, опасаясь полной утраты своих рабочих мест, начали разрушать станки фабрикантов, поскольку продукция ремесленников не могла конкурировать с массовым и дешевым результатом производительных мощностей заводов. Адаптироваться к новым условиям рынка труда и работать в качестве наемной рабочей силы на

²⁵ Белик В. В., Долгов В. В., Контарева В. Ю. Влияние роботизации производства на безопасность труда // Инновационные технологии — основа модернизации агропромышленного комплекса : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию профессора Н. П. Кривко. Пос. Персиановский, 2022. С. 256.

²⁶ Поезжаева Е. В. Промышленные роботы : учеб. пособие : в 3 ч. Пермь : Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2006. Ч. 1.

²⁷ Слежка за роботами // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2342388> (дата обращения: 10.03.2024).

фабриках они не стремились по экономическим причинам: эта работа приносила куда меньший доход.

В таких условиях ремесленники во многом действительно потеряли свои прежние рабочие места, однако это не привело к существенному росту безработицы в долгосрочной перспективе, наоборот, открыло возможности для появления новых рабочих мест.

Указанное выше говорит о наличии реального риска увеличения уровня безработицы в отдельных секторах общественной организации труда в краткосрочной перспективе, что, в свою очередь, приводит к необходимости выработки мер, связанных с предупреждением массового высвобождения рабочей силы. Предполагается, что данный риск может быть купирован разработкой правовых основ, обеспечивающих прогнозирование секторов, в которых предполагается увеличение уровня безработицы, а также последующей разработкой мер, направленных на предупреждение безработицы в конкретных сферах производства.

Представляется, что оптимальным способом предупреждения подобных рисков станет расширение полномочий органов занятости и трудоустройства по прогнозированию комплекса рабочих мест и секторов общественного труда, в которых планируется активное замещение работников роботами и иными средствами продвинутой автоматизации, а также по разработке мер адаптации таких работников к новым условиям рынка труда с возможностью переqualификации в смежные по уровню знаний и компетенциям отрасли производства. Таким образом, положения по прогнозированию и адресной поддержке уязвимых к кардинальным изменениям рынка труда категорий работников могут дополнить главу 11 Федерального закона от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации»²⁸. Кроме того, указанная поддержка могла бы осуществляться в рамках субсидирования конкретных работодателей, активно включенных в процесс промышленной роботизации, что могло бы найти свое отражение и в разрабатываемых Минпромторгом

России федеральных актов, направленных на государственную поддержку промышленной робототехники.

Не менее значимым риском, связанным с внедрением роботизации в контексте безопасности и гигиены труда, является дифференциация работодателей на тех, кто имеет соответствующие желание и возможности, в том числе финансовые, для оптимизации производства и расширения внедрения средств роботизации, а также на тех, кто такой возможности или желания не имеет. Так как ключевая цель подобных процессов — повышение эффективности производства и сокращение затрат, такое производство будет иметь конкурентное преимущество перед теми, кто соответствующих изменений в своей производственной среде своевременно не произвел. Последние для поддержания конкурентоспособности будут стремиться оптимизировать затраты на производство иными способами, например с помощью ухудшения условий труда — снижения уровня заработных плат, привлечения работников к сверхурочной работе с нарушением законодательства, а также снижения уровня охраны труда на предприятии.

Одной из наиболее важных составляющих в данном контексте будет ухудшение условий охраны труда. Этот значимый элемент трудовой деятельности работника оказывает долгосрочное влияние на здоровье человека, его качество жизни и остается актуальным спустя длительное время после прекращения трудовых отношений с работодателем, который должным образом не обеспечивал охрану труда. В конечном итоге, если работник не согласен с условиями оплаты труда, работник может расторгнуть трудовой договор и найти другое место работы. Однако когда работнику не обеспечиваются надлежащие условия охраны труда, а в процессе трудовой деятельности его здоровье подвергается существенному воздействию вредных и опасных факторов производственной среды или трудового процесса, ущерб от такого воздействия работник может ощущать длительное время после прекращения трудовых отношений с конкретным работодателем. Подобный риск

²⁸ СЗ РФ. 2023. № 51. Ст. 9138.

нарушения интересов, прав и свобод работника заставляет обратить внимание на необходимость последовательного ужесточения ответственности работодателей за нарушение требований охраны труда.

Однако одним лишь ужесточением ответственности нельзя решить такую комплексную проблему, как необходимость поддержания высокого уровня охраны труда.

В связи с этим предлагается подойти к вопросу, связанному с улучшением условий охраны труда, с позиции концепции исключенного риска²⁹. Данная концепция предполагает исключение труда работников из тех или иных видов деятельности и конкретных условий труда, которые на текущий момент можно отнести к вредным или опасным, и когда применяемые меры индивидуальной или коллективной защиты не могут в полной мере обеспечить сохранение здоровья работника, начиная с того момента, когда появляется то или иное апробированное технологическое решение, которое позволяет буквально исключить работника из среды, в рамках которой на его здоровье оказывается существенное негативное влияние. Такое исключение должно производиться посредством замены работников на автоматизированные системы в целях предупреждения негативного влияния на здоровье в долгосрочной перспективе, а также для предотвращения несчастных случаев на производстве. Помимо целей поддержания должного уровня охраны труда, представляется, что указанными средствами роботизации будет достигаться сопоставимая или бóльшая эффективность производственного процесса в целом.

Такая концепция может иметь место из-за экспансии высоких технологий в различные отрасли экономической деятельности, результаты которых должны заменить человеческий труд. Вместе с тем конкретные воплощения такой концепции находятся в полной зависи-

мости от доступности названных технологий для работодателей. Представляется, что она логично дополняет Концепцию достойного труда³⁰ следующим тезисом: «В тех случаях, когда риск воздействия вредных и опасных условий труда, предопределенный спецификой труда и рабочего места работника, невозможно исключить, необходимо упразднить такое рабочее место и заменить работника автоматизированными средствами во всех случаях, когда это технологически возможно».

Обоснованность предлагаемых изменений подтверждается и включением в ТК РФ статьи 209.1, закрепляющей в качестве основных принципов обеспечения безопасности труда принцип предупреждения и профилактики опасностей, а также принцип минимизации повреждения здоровья работников. Г. Б. Челнокова указывает, что, рассматривая смысловое наполнение термина «опасность», законодатель определяет его в качестве потенциальной основы причинения вреда, представляющего угрозу жизни и (или) здоровью работника в процессе трудовой деятельности³¹.

В этой связи роль работодателя как социального партнера заключается в том, чтобы обеспечить планомерное поступательное замещение человеческого труда роботами с целью повышения эффективности производства, сохранения и сбережения жизни и здоровья работников, не допуская при этом резкого и необоснованного высвобождения работников без создания для них альтернативы в виде другого рабочего места или переподготовки для выполнения другого вида профессиональной деятельности. Другие социальные партнеры — профсоюзы и государственные органы — также могут принимать активное участие в разработке, обсуждении и согласовании программ роботизации определенного участка на производстве.

Еще одним важным фактором безопасной роботизации является необходимость обеспе-

²⁹ Воронцов Д. И. Правовое регулирование обеспечения безопасности и гигиены труда актами МОТ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. М., 2018.

³⁰ Достойный труд : доклад Генерального директора Международного бюро труда. 87-сессия МКТ, Женева, 1999 г.

³¹ Челнокова Г. Б. Охрана труда: новое в законодательстве // Образование и право. 2022. № 1. С. 247.

чить взаимодействие между работодателем, который покупает роботизированное оборудование, и его производителем.

Ответственным за обеспечение безопасных условий на рабочем месте является работодатель. Предположим, что у работодателя, не имеющего опыта внедрения промышленных роботов или имеющего небольшой опыт, нет соответствующих специалистов, обладающих полнотой знаний о поведении роботов, их настройке, дальнейшем обслуживании. Как работодателю правильно выстроить отношения с производителем оборудования, чтобы предотвратить внештатные ситуации? В свою очередь, производитель при разработке и тестировании роботов может не владеть информацией о тонкостях производства у конкретного работодателя и не учитывать их в своей работе, что может привести к вероятности возникновения травм у работников.

Реализация концепции исключенного риска, помимо изложенных выше предложений, также должна включать в себя два взаимосвязанных механизма.

Во-первых, государственными органами должны быть проанализированы различные модели организации условий труда, предполагающие воздействие факторов производственной среды и факторов трудового процесса в тех сферах производства, в которых в наибольшей степени наблюдается высокий уровень рисков для здоровья работников. В рамках такой работы особое внимание должно быть уделено тем сферам и условиям, в которых даже самые современные средства индивидуальной и коллективной защиты не способны полностью исключить негативные воздействия на организм человека.

Выявленные модели должны быть соотнесены с действующими и разрабатываемыми достижениями науки и техники для определения возможностей замены труда работников на подобных работах на соответствующие средства роботизации и автоматизации. По итогам сопоставления должен быть сформирован перечень запретов на привлечение работников к работе в

условиях, когда негативное влияние на их здоровье не может быть предотвращено, а разработанные и апробированные средства роботизации и автоматизации могут быть внедрены в производство. Данный перечень должен периодически пересматриваться с учетом появления новых достижений в сфере робототехники.

Во-вторых, необходима разработка государственной программы, направленной на финансирование совершенствования средств автоматизации и роботизации в конкретных сферах производства. Финансирование предприятий может осуществляться с помощью кредитования на льготных условиях. Таким образом, можно обеспечить не только планомерное и качественное совершенствование рабочих мест для целей сохранения жизни и здоровья работников, но и более высокую эффективность отечественной сферы производства. В долгосрочной перспективе это повысит качество жизни работников и создаст дополнительные возможности для конкурентной борьбы отечественных производителей на международном рынке.

Таким образом, концепция исключенного риска предлагает более конкретный подход к совершенствованию механизмов охраны труда, чем развиваемая Международной ассоциацией социального обеспечения концепция нулевого травматизма, или *Vision zero*³². Закрепляя важнейшие основы совершенствования охраны труда, концепция нулевого травматизма в значительной степени обращается к добросовестности и разумности работодателя в рамках своих золотых правил. В свою очередь, концепция исключенного риска предполагает установление законодательных ограничений на работу в особо вредных и опасных условиях, которые с учетом уровня развития науки и техники могут быть полностью устранены как фактор негативного влияния на здоровье работников при исключении работника из соответствующих условий труда путем использования средств дистанционного управления производственными процессами или путем исключения такого работника как непосредственного исполнителя таких процессов с заменой его робототехникой.

³² URL: <https://visionzero.global> (дата обращения: 10.02.2024).

Работники в данном случае осуществляют обязанности по контролю за реализацией робототехникой тех или иных процессов. Помимо законодательных ограничений для оптимальной реализации концепции, соблюдения интересов и повышения конкурентоспособности работодателей, государство предоставляет возможности для льготного кредитования такого процесса. Еще одним направлением планомерной работы по внедрению роботизации в производственные процессы должно стать совершенствование законодательства в сфере охраны труда.

В настоящее время работодатель обязан обеспечить специальную оценку условий труда и оценку профессиональных рисков. Но отражают ли текущие нормативные правовые акты о проведении специальной оценки условий труда и оценке профессиональных рисков особенности этих процедур, если производство автоматизировано или роботизировано? Полагаем, что

нет. Кроме того, автоматизация и роботизация производства проводится не в общем ключе, а в разрезе отдельных видов производства, таким образом, в законодательстве должны найти отражение именно отраслевые особенности этих процессов.

Таким образом, для целей оптимального развития правового регулирования сферы труда, в особенности охраны труда, необходимо формирование правовых основ, позволяющих встроить последние достижения науки и техники в трудовой процесс с соблюдением баланса прав и интересов всех его участников: от разработчиков технологических новшеств до конкретных работников на рабочих местах, а также предусмотреть регулирование, которое станет не только необходимым механизмом для их внедрения, но и дополнительным источником мотивации для их повсеместного использования работодателями.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Банников С. А. Мировые тренды роботизации и перспективы ее развития в России // *Beneficium*. — 2023. — № 2 (47). — С. 6–12.
2. Белик В. В., Долгов В. В., Контарева В. Ю. Влияние роботизации производства на безопасность труда // *Инновационные технологии — основа модернизации агропромышленного комплекса : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию профессора Н. П. Кривко*. — Пос. Персиановский, 2022. — С. 255–259.
3. Василевич Д. Г. Правовые аспекты использования информационных технологий с целью компенсации физических недостатков человека // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право»*. — 2023. — Т. 23. — № 3. — С. 327–332.
4. Канонин Ю. Н., Тихомиров О. И. Перспективы применения промышленных экзоскелетов на железнодорожном транспорте в качестве средств индивидуальной защиты // *Известия Петербургского университета путей сообщения Императора Александра I*. — 2024. — Т. 21. — № 2. — С. 370–379.
5. Мадалиев А., Иванов В. М. Промышленные экзоскелеты: тенденции развития и перспективы распространения // *Инновационная экономика и менеджмент: методы и технологии : сборник статей участников V Международной научно-практической конференции*. — М., 2020. С. 175–178.
6. Пантелеев Р. А., Костомаров А. А., Радюкин Е. С. Внедрение экзоскелетов в процесс восстановления железных дорог // *Инновационная железная дорога. Новейшие и перспективные системы обеспечения движения поездов. Проблемы и решения : сборник статей VI Международной научно-практической конференции / под общ. ред. М. Г. Яшина*. — СПб., 2023. — С. 16–27.
7. Поезжаева Е. В. Промышленные роботы : учеб. пособие : в 3 ч. Ч. 1. — Пермь : Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2006. — 64 с.
8. Серегина Л. В. Право на безопасный труд с учетом вызовов научно-технологического развития Российской Федерации // *Журнал российского права*. — 2020. — № 6. — С. 79–94.

9. Синюков В. Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica (Русский закон). — 2021. — Т. 74. — № 2 (171). — С. 9–20.
10. Тихомиров Ю. А., Нанба С. Б. Роботизация: динамика правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2020. — Т. 11. — № 3. — С. 532–539.
11. Филипова И. А. Влияние цифровых технологий на труд: ориентиры для трудового права : монография. — Н. Новгород : Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, 2021.
12. Филипова И. А. Трансформация правового регулирования труда в цифровом обществе. Искусственный интеллект и трудовое право: научное издание. — Н. Новгород : Нижегородский госуниверситет имени Н.И. Лобачевского, 2019.
13. Челнокова Г. Б. Охрана труда: новое в законодательстве // Образование и право. — 2022. — № 1. — С. 243–249.
14. Яцун А. С., Никулин А. С., Логунов Е. Р. Опыт внедрения промышленных экзоскелетных систем на предприятиях пищевой промышленности // Завалишинские чтения — 23 : сборник докладов XXVIII Международной конференции по электромеханике и робототехнике. — СПб., 2023. — С. 149–154.

Материал поступил в редакцию 15 мая 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bannikov S. A. Mirovye trendy robotizatsii i perspektivy ee razvitiya v Rossii // Beneficium. — 2023. — № 2 (47). — S. 6–12.
2. Belik V. V., Dolgov V. V., Kontareva V. Yu. Vliyanie robotizatsii proizvodstva na bezopasnost truda // Innovatsionnye tekhnologii — osnova modernizatsii agropromyshlennogo kompleksa: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 85-letiyu professora N. P. Krivko. — Pos. Persianovskiy, 2022. — S. 255–259.
3. Vasilevich D. G. Pravovye aspekty ispolzovaniya informatsionnykh tekhnologiy s tselyu kompensatsii fizicheskikh nedostatkov cheloveka // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya «Ekonomika. Upravlenie. Pravo». — 2023. — Т. 23. — № 3. — S. 327–332.
4. Kanonin Yu. N., Tikhomirov O. I. Perspektivy primeneniya promyshlennykh ekzoskeletov na zheleznodorozhnom transporte v kachestve sredstv individualnoy zashchity // Izvestiya Peterburgskogo universiteta putey soobshcheniya Imperatora Aleksandra I. — 2024. — Т. 21. — № 2. — S. 370–379.
5. Madaliev A., Ivanov V. M. Promyshlennye ekzoskelety: tendentsii razvitiya i perspektivy rasprostraneniya // Innovatsionnaya ekonomika i menedzhment: metody i tekhnologii: sbornik statey uchastnikov V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. — M., 2020. S. 175–178.
6. Panteleev R. A., Kostomarov A. A., Radyukin E. S. Vnedrenie ekzoskeletov v protsess vosstanovleniya zheleznykh dorog // Innovatsionnaya zheleznaya doroga. Noveyshie i perspektivnye sistemy obespecheniya dvizheniya poezdov. Problemy i resheniya: sbornik statey VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / pod obshch. red. M. G. Yashina. — SPb., 2023. — S. 16–27.
7. Poezhaeva E. V. Promyshlennye roboty: ucheb. posobie: v 3 ch. Ch. 1. — Perm: Izd-vo Perm. gos. tekhn. un-ta, 2006. — 64 s.
8. Seregina L. V. Pravo na bezopasnyy trud s uchetom vyzovov nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2020. — № 6. — S. 79–94.
9. Sinyukov V. N. Pravo XX i XXI vekov: preemstvennost i novizna // Lex russica (Russkiy zakon). — 2021. — Т. 74. — № 2 (171). — S. 9–20.
10. Tikhomirov Yu. A., Nanba S. B. Robotizatsiya: dinamika pravovogo regulirovaniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. — 2020. — Т. 11. — № 3. — S. 532–539.

11. Filipova I. A. Vliyanie tsifrovyykh tekhnologiy na trud: orientiry dlya trudovogo prava: monografiya. — N. Novgorod: Nizhegorodskiy gosudarstvennyy universitet imeni N.I. Lobachevskogo, 2021.
12. Filipova I. A. Transformatsiya pravovogo regulirovaniya truda v tsifrovom obshchestve. Iskusstvennyy intellekt i trudovoe pravo: nauchnoe izdanie. — N. Novgorod: Nizhegorodskiy gosuniversitet imeni N.I. Lobachevskogo, 2019.
13. Chelnokova G. B. Okhrana truda: novoe v zakonodatelstve // Obrazovanie i pravo. — 2022. — № 1. — S. 243–249.
14. Yatsun A. S., Nikulin A. S., Logunov E. R. Opyt vnedreniya promyshlennykh ekzoskeletnykh sistem na predpriyatiyakh pishchevoy promyshlennosti // Zavalishinskie chteniya — 23: sbornik dokladov XXVIII Mezhdunarodnoy konferentsii po elektromekhanike i robototekhnike. — SPb., 2023. — S. 149–154.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.081-090

А. Ю. Петраков*

Совершенствование правового положения малых инновационных предприятий

Аннотация. В статье исследуется правовое регулирование создания и деятельности малых инновационных предприятий, учреждаемых бюджетными и автономными научными учреждениями и образовательными организациями высшего образования, являющимися бюджетными и автономными учреждениями. Приведены статистические данные за 15-летний период создания малых инновационных предприятий. Выявлена тенденция к снижению учреждения новых малых инновационных предприятий. Продемонстрировано фактическое отсутствие прибыли малых инновационных предприятий от практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности, практически вся их прибыль образуется за счет реализации товаров, работ или услуг. Проанализированы правовые основы функционирования малых инновационных предприятий, что позволило автору выявить ряд правовых проблем, пути решения которых он предлагает в научной статье. В завершение исследования очерчивается целевая аудитория предлагаемых изменений в законодательстве, в особенности в п. 3.1 ст. 5 Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» и ст. 103 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», а также прогнозируемые результаты от их реализации.

Ключевые слова: образовательные организации высшего образования, являющиеся бюджетными и автономными учреждениями; университеты; бюджетные научные учреждения; автономные научные учреждения; научные организации; инновации; малое инновационное предприятие; инновационное предпринимательство; молодежное предпринимательство; технологическое предпринимательство; результаты интеллектуальной деятельности; практическое применение (внедрение) результатов интеллектуальной деятельности.

Для цитирования: Петраков А. Ю. Совершенствование правового положения малых инновационных предприятий // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 12. — С. 81–90. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.081-090.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Петраков А. Ю., 2024

* *Петраков Андрей Юрьевич*, кандидат юридических наук, директор Института бизнес-права, заместитель заведующего кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
petrakov@msal.ru

Improving the Legal Status of Small Innovative Enterprises

Andrey Yu. Petrakov, Cand. Sci. (Law), Director of the Institute of Business Law, Deputy Head of the Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
petrakov@msal.ru

Abstract. The paper examines the legal regulation of the creation and operation of smaller innovative enterprises established by budgetary and autonomous scientific institutions and budgetary and autonomous educational organizations of higher education. The author in his study relies on statistics for the 15-year period of creation of small innovative enterprises. The study revealed a downward trend in the establishment of new small innovative enterprises. The actual absence of profits of small innovative enterprises from the practical application (implementation) of the results of intellectual activity has been demonstrated; almost all of their profits are formed through the sale of goods, works or services. The author analyzed the legal foundations of the functioning of small innovative enterprises, which allowed the author to identify a number of legal problems. The author proposes the ways to resolve these problems. At the end of the study, the target audience of the proposed amendments to legislation is outlined, especially for Paragraph 3.1 of Article 5 of the Federal Law of 23.08.1996 No. 127-FZ «On Science and State Scientific and Technical Policy» and Art. 103 of the Federal Law of 29.12.2012 No. 273-FZ «On Education in the Russian Federation,» as well as the projected results from their implementation.

Keywords: budgetary and autonomous educational organizations of higher education, budgetary scientific institutions; autonomous scientific institutions; scientific organizations; innovation; small innovative enterprise; innovative entrepreneurship; youth entrepreneurship; technology entrepreneurship; results of intellectual activity; practical application (implementation) of intellectual activity results.

Cite as: Petrakov AYu. Improving the Legal Status of Small Innovative Enterprises. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(12):81-90. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.081-090

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Пункт 3.1 ст. 5 Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»¹ (далее — Закон о науке) и статья 103 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»² (далее — Закон об образовании) предусматривают право бюджетных и автономных научных учреждений (далее — научные организации) и образовательных организаций высшего образования, являющихся бюджетными и автономными учреждениями (далее — университеты), быть учредителями (в том числе совместно с другими лицами) без согласия собственника их имущества с уведомлением Министерства науки и высшего образования Российской Федерации хозяйственных об-

ществ и хозяйственных партнерств, деятельность которых заключается в практическом применении (внедрении) результатов интеллектуальной деятельности (РИД) (программ для электронных вычислительных машин, баз данных, изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, селекционных достижений, топологий интегральных микросхем, секретов производства (ноу-хау)), исключительные права на которые принадлежат научным организациям или университетам (в том числе совместно с другими лицами) (далее — МИП), либо становиться участниками ранее созданных таких хозяйственных обществ и хозяйственных партнерств.

Стоит отметить, что право создавать малые инновационные предприятия научные орга-

¹ СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

² СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

низации и университеты получили в 2009 г., а право становиться участниками ранее созданных МИП — в 2020 г., после внесения соответствующих изменений в Закон о науке и Закон об образовании³. МИП — это, по сути, связующее звено между наукой и реальным сектором экономики страны, они реализуют наиболее рискованные инновации, способствуют переходу отечественной экономики на новый технологический уклад⁴.

За 15 лет было учреждено 3 861 МИП, из которых в настоящее время действуют всего 1 444 (в них работают 5 019 человек). 1 972 МИП было ликвидировано, а применительно к 445 учредитель вышел из состава участников. Следовательно, 63 % когда-либо созданных МИП прекратили свое существование.

Большинство МИП создано научными организациями и университетами, учредителем которых является Минобрнауки России, а именно 1 152, что составляет 80 % от их общего количества⁵. Поэтому в целях настоящего исследования ограничимся анализом правового положения МИП, созданных под эгидой Минобрнауки России.

Правовой статус МИП предоставляет следующие преференции:

— МИП относятся к субъектам малого и среднего предпринимательства⁶, даже если сум-

марная доля участия в них юридических лиц, не являющихся субъектами малого и среднего предпринимательства, превышает 49 %; это позволяет им получать соответствующие меры государственной поддержки;

— МИП могут применять упрощенную систему налогообложения, даже если в них доля участия других организаций составляет более 25 %⁷;

— МИП могут применять пониженные тарифы страховых взносов⁸.

Динамика создания МИП⁹ свидетельствует о снижении интереса научных организаций и университетов к их учреждению (см. диаграмму).

Отчасти такая ситуация привела к перезапуску концепции необходимости наличия в экономике организаций, которые будут заниматься инновационным предпринимательством. В 2023 г. в российском правовом поле появились технологические компании и их разновидность — малые технологические компании¹⁰, которые осуществляют деятельность по разработке и (или) производству продукции (оказанию услуг, выполнению работ) с использованием инновационных технологий, под которыми, согласно п. 1 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 04.08.2023 № 478-ФЗ «О развитии технологических компаний в Российской Федерации», понимается совокупность РИД, используемых

³ Федеральный закон от 02.08.2009 № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности» // СЗ РФ. 2009. № 31. Ст. 3923 ; Федеральный закон от 08.12.2020 № 399-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона “О науке и государственной научно-технической политике” и статью 103 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8044.

⁴ Гарнов А. П., Краснобаева О. В. Малые инновационные предприятия как форма реализации вузами инновационной деятельности // Человеческий капитал и профессиональное образование. 2012. № 2 (2). С. 21.

⁵ URL: <https://mip.extech.ru/statistics.php> (дата обращения: 05.01.2024).

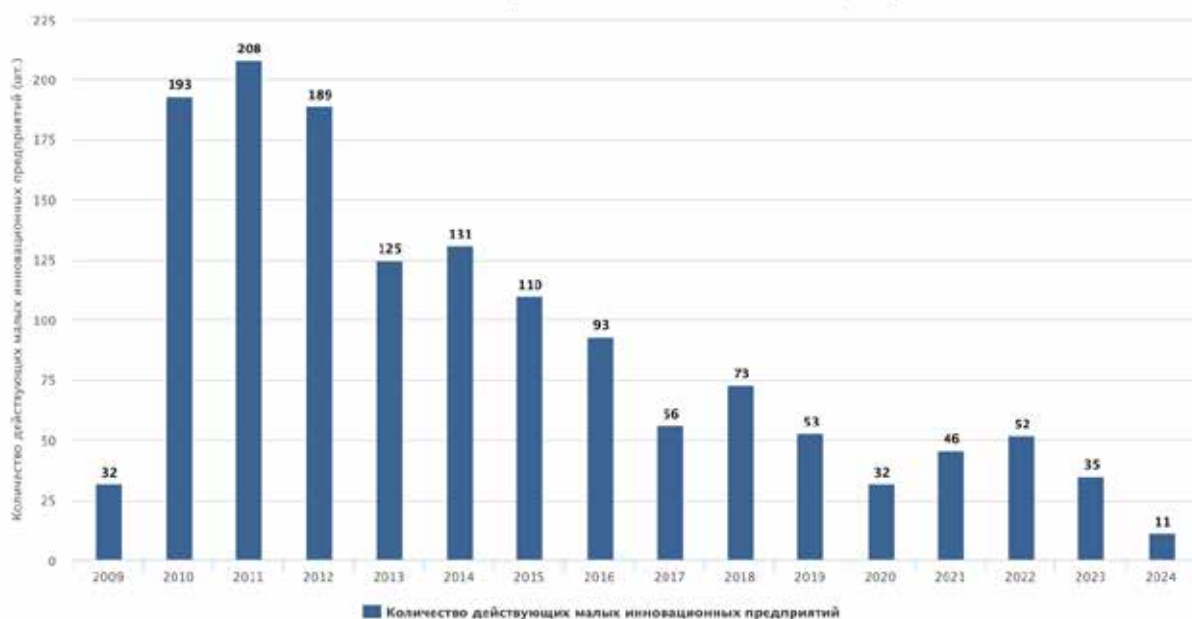
⁶ Пп. «в» п. 1 ч. 1.1 ст. 4 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.

⁷ Абз. 4, 5 пп. 14 п. 3 ст. 346.12 Налогового кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

⁸ Пп. 1 п. 1 ст. 427 НК РФ.

⁹ URL: <https://mip.extech.ru/statistics.php> (дата обращения: 05.01.2024).

¹⁰ СЗ РФ. 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6210.

Динамика создания действующих МИП

для разработки и (или) производства новой или значительно улучшенной продукции (оказания услуг, выполнения работ), а также обеспечивающих экономическую эффективность применения (внедрения) такой продукции (оказания услуг, выполнения работ), повышение производительности труда и (или) создание новых рынков товаров, работ, услуг.

Среди совокупности причин такой ситуации можно отметить и правовые проблемы, решение которых может переломить указанную отрицательную тенденцию, а также стимулировать научные организации и университеты на создание новых и перезагрузку действующих МИП, что коррелирует со Всероссийской программой по развитию молодежного предпринимательства¹¹, с федеральным проектом «Платформа университетского технологиче-

ского предпринимательства»¹², в частности с развитием университетских стартап-студий, а также с необходимостью достижения технологического суверенитета. Успешная реализация в более чем 150 российских университетах¹³ программы «Стартап как диплом»¹⁴ также может дать импульс созданию новых МИП.

Анализ правовых основ создания и деятельности МИП выявил ряд правовых проблем, которые можно решить правовыми средствами.

Проблема № 1. Необходимость внесения в качестве вклада в уставный капитал МИП права использования РИД

Согласно абз. 2 п. 3.1 ст. 5 Закона о науке и ч. 2 ст. 103 Закона об образовании научные органи-

¹¹ Всероссийская программа по развитию молодежного предпринимательства // URL: <https://rosmolbusiness.ru/> (дата обращения: 05.01.2024).

¹² Платформа университетского технологического предпринимательства. URL: <https://univertechpred.ru/> (дата обращения: 05.01.2024).

¹³ Программа «Стартап как диплом» // URL: https://rmpvo.ru/projects/startup_like_diploma/ (дата обращения: 05.01.2024).

¹⁴ Подробнее с программой «Стартап как диплом» можно ознакомиться в статье: *Ершова И. В., Петраков А. Ю.* Программа «Стартап как ВКР» — драйвер развития молодежного предпринимательства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 8 (108). С. 17–28.

зации и университеты при учреждении МИП в качестве вклада в уставный капитал вносят по лицензионному договору право использования РИД (программ для электронных вычислительных машин, баз данных, изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, селекционных достижений, топологий интегральных микросхем, секретов производства (ноу-хау)), исключительные права на которые принадлежат научным организациям и университетам (в том числе совместно с другими лицами).

В соответствии с абз. 3 п. 3.1 ст. 5 Закона о науке и ч. 3 ст. 103 Закона об образовании в качестве вклада в уставный капитал МИП могут быть внесены также и денежные средства. Однако в соответствующем реестре¹⁵ в отношении МИП, уставный капитал которых оплачен только денежными средствами или отсутствует информация о заключении лицензионного договора, будет указано, что они не соответствуют федеральному закону, который предусмотрел возможность создания МИП¹⁶. Из 1 444 МИП таких несоответствующих МИП 186 (13 %) ¹⁷.

Не все университеты, особенно гуманитарного профиля, имеют на бухгалтерском балансе РИД, что приводит либо к отказу от создания МИП, либо к созданию и последующей государственной регистрации (в случае необходимости по закону) РИД в Федеральной службе по интеллектуальной собственности (Роспатент) конкретно под задачу создания МИП, что связано с дополнительными трудозатратами, расходами и существенным увеличением срока создания МИП.

Решение проблемы № 1. Внести изменения в п. 3.1 ст. 5 Закона о науке и в ст. 103 Закона об образовании, убрав обязанность научных организаций и университетов вносить в качестве вклада в уставный капитал МИП право использования РИД по лицензионному договору, оставив оплату уставного капитала создаваемых МИП только денежными средствами.

Проблема № 2. Необходимость более очевидного закрепления в законодательстве общей правоспособности МИП

По закону деятельность МИП заключается в практическом применении (внедрении) РИД (программ для электронных вычислительных машин, баз данных, изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, селекционных достижений, топологий интегральных микросхем, секретов производства (ноу-хау)), исключительные права на которые принадлежат научным организациям и университетам (в том числе совместно с другими лицами). Однако МИП, созданные в соответствии с п. 3.1 ст. 5 Закона о науке и ст. 103 Закона об образовании, имеют право вести любые виды деятельности, включенные в устав, что свидетельствует об общей правоспособности МИП. Поэтому сложно согласиться с позицией О. А. Серовой, которая считает, что фактически закон установил специальную правоспособность подобных организаций, которая ограничивается внедрением научных исследований в практику¹⁸. Аналогичного мнения придерживается и А. А. Кирилловых,

¹⁵ Реестр учета уведомлений о создании хозяйственных обществ и хозяйственных партнерств, созданных бюджетными научными и автономными научными учреждениями либо образовательными организациями высшего образования, являющимися бюджетными или автономными учреждениями // URL: <https://mip.extech.ru/reestr.php> (дата обращения: 05.01.2024).

¹⁶ Федеральный закон от 02.08.2009 № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности» // СЗ РФ. 2009. № 31. Ст. 3923.

¹⁷ URL: <https://mip.extech.ru/statistics.php> (дата обращения: 05.01.2024).

¹⁸ Серова О. А. Развитие инновационного предпринимательства и проблемы наследования долей в хозяйственных обществах и партнерствах // Наследственное право. 2018. № 2. С. 15–18.

который отмечает также специальную правоспособность МИП, которая должна соответствовать основной цели их деятельности¹⁹.

В пункте 37 письма Минобрнауки России от 24.03.2023 № МН-22/497-ДП «О наиболее типичных и значимых нарушениях, выявленных за 2022 год в ходе проверок деятельности организаций, подведомственных Минобрнауки России»²⁰, указывается, что одним из допущенных нарушений является создание МИП, деятельность которых по своей сути не заключается в практическом применении (внедрении) РИД. Поскольку письма федеральных органов исполнительной власти не являются нормативными правовыми актами (НПА), то признать эту позицию Минобрнауки России о специальной правоспособности МИП обладающей юридической силой нельзя. В целях правовой определенности, а также во избежание двоякого толкования положений п. 3.1 ст. 5 Закона о науке и ст. 103 Закона об образовании целесообразно предусмотреть более очевидное закрепление в законодательстве общей правоспособности МИП.

В соответствии с данными мониторинга деятельности МИП за 2022 г. из 1 158 МИП, принявших участие в анкетировании, 664 (57 %) МИП не ведут финансово-хозяйственную деятельность (нулевая выручка); признать успешными можно только 310 (27 %) МИП, они задекларировали выручку более 1 млн руб. Анализируя структуру чистой прибыли в распределении видов деятельности МИП, стоит отметить, что прибыль от практического применения (внедре-

ния) РИД составляет всего 4,4 %, почти вся прибыль образуется за счет реализации товаров, работ или услуг²¹.

Таким образом, учитывая тенденции государственной политики в сфере науки и высшего образования, направленной на самоокупаемость университетов²² и направленность некоторых университетов на достижение целевой модели предпринимательского университета²³, под которым Б. Кларк понимает высшее учебное заведение, использующее для своего развития технологии бизнеса, способствующие интеграции в рыночную экономику путем продвижения разработанных интеллектуальных продуктов, формированию среды для инновационного развития своего региона и ведению конкурентной борьбы с другими образовательными и научными учреждениями²⁴, оптимальным является наличие у МИП общей правоспособности, для того чтобы научные организации и университеты не были ограничены закрытым перечнем РИД при осуществлении предпринимательской деятельности. Например, отраслевые университеты закономерно являются лидерами научного консалтинга в соответствующей области знаний, следовательно, посредством МИП такие университеты могут готовить научно-исследовательские работы или различные заключения.

В рамках общей правоспособности МИП могут заниматься также продажей корпоративной продукции научных организаций и университетов (одежда, аксессуары, значки, сувениры, канцтовары, посуда и пр.)²⁵ или организацией

¹⁹ Кирилловых А. А. Формы обеспечения экономической деятельности в сфере образования: предпринимательно-правовой аспект // Право и экономика. 2016. № 6. С. 18–27.

²⁰ СПС «КонсультантПлюс».

²¹ URL: <https://mip.extech.ru/statistics.php> (дата обращения: 05.01.2024).

²² См. подробнее: Сальвицкая Е. Г. Роль самоокупаемости в финансовом обеспечении образовательного учреждения // Материалы Афанасьевских чтений. 2019. № 4 (29). С. 35–38.

²³ См. подробнее: Кларк Б. Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации : учеб. пособие / под ред. Д. Александрова ; пер. с англ. А. Смирнова. 2-е изд. М. : Высшая школа экономики, 2019.

²⁴ Привод. по: Казин Ф. А., Кондратьев А. В. Развитие концепции предпринимательского университета в вузах России. Новый инструментальный оценки // Университетское управление: практика и анализ. 2022. Т. 26. № 1. С. 19–20.

²⁵ В качестве примера продажи собственной брендируемой продукции можно привести опыт ведущих университетов: Санкт-Петербургского государственного университета — URL: <https://store.spbu.ru/>;

научных мероприятий на возмездной основе, так как проведение конференций, форумов, конгрессов или круглых столов требует набора определенных знаний, навыков и умений, которые присущи ввиду выполняемого функционала работникам научных организацией и университетов.

Указанные примеры предпринимательской деятельности МИП опосредованно увеличат доходы научных организаций и университетов, так как последние являются участниками МИП и могут участвовать в распределении прибыли, что в итоге повысит заработную плату научных работников и профессорско-преподавательского состава, которые обычно составляют основу штата МИП, создаст дополнительный источник финансирования уставных целей научных организаций и университетов и развития их инфраструктуры.

Решение проблемы № 2. Внести изменения в п. 3.1 ст. 5 Закона о науке и ст. 103 Закона об образовании, сделав более очевидным, что правоспособность МИП является общей.

Проблема № 3. Невозможность использования МИП типовых уставов

В 2018 г. были утверждены 36 типовых уставов, на основании которых могут действовать общества с ограниченной ответственностью²⁶. Учитывая, что подавляющее большинство созданных МИП имеют организационно-правовую форму ООО, использование типовых уставов закономерно упростило бы порядок создания МИП. В уставе МИП должно быть указано, что основным видом деятельности является прак-

тическое применение (внедрение) РИД, право использования которого внесено в уставной капитал МИП. В то же время ООО, созданные в соответствии с п. 3.1 ст. 5 Закона о науке и ст. 103 Закона об образовании, будучи МИП, в рамках общей правоспособности могут вести любые виды деятельности, включенные в устав, что де-факто позволяет использовать типовые уставы. Конкретные же виды деятельности, осуществляемые МИП, могли бы отражаться непосредственно в Едином государственном реестре юридических лиц.

В целях упрощения создания МИП автором статьи была разработана и зарегистрирована в Роспатенте база данных «Перечень нормативных правовых актов, необходимых для создания малых инновационных предприятий»²⁷, так как работники, иницирующие создание МИП внутри научных организаций и университетов, в большинстве своем не обладают компетенциями, требуемыми для создания МИП. База данных представляет собой перечень НПА, необходимых для создания МИП. Указанный перечень предназначен для ученых, работающих в научных организациях и университетах, и инноваторов, планирующих создать МИП. НПА сгруппированы по юридической силе: от федеральных законов до подзаконных актов, включающих постановления Правительства РФ и приказы Минобрнауки России, а также по предмету правового регулирования: от общих вопросов, возникающих в процессе деятельности МИП, до частных. По каждому НПА показана его взаимосвязь с МИП.

Решение проблемы № 3. Внести изменения в п. 3.1 ст. 5 Закона о науке и ст. 103 Закона об образовании, которые разрешали бы МИП использовать типовые уставы.

Университета «Иннополис» — URL: <https://iustore.innopolis.ru>; Университета ИТМО — URL: <https://store.itmo.ru>.

²⁶ Приказ Минэкономразвития РФ от 01.08.2018 № 411 «Об утверждении типовых уставов, на основании которых могут действовать общества с ограниченной ответственностью» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2023624267 Российская Федерация. Перечень нормативных правовых актов, необходимых для создания малых инновационных предприятий: № 2023624134: заявл. 22.11.2023; опублик. 29.11.2023 / А. Ю. Петраков ; заявитель федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_56011491_38459756.PDF (дата обращения: 05.01.2024).

Проблема № 4. Короткий срок направления уведомления о создании МИП и неурегулированность способа его направления

Согласно абз. 1 п. 3.1 ст. 5 Закона о науке и ч. 1 ст. 103 Закона об образовании уведомления о создании МИП должны быть направлены научными организациями и университетами в течение 7 дней со дня внесения в ЕГРЮЛ записи о государственной регистрации МИП. Очевидно, что указанный срок является коротким, так как в научных организациях и университетах согласование содержания уведомления и факта его отправки может занять несколько рабочих дней, а календарный 7-дневный срок захватывает два выходных (субботу и воскресенье), таким образом, на выполнение нормативных требований остается только 5 рабочих дней.

Решение проблемы № 4. Внести изменения в абз. 1 п. 3.1 ст. 5 Закона о науке и ч. 1 ст. 103 Закона об образовании, увеличив срок направления научными организациями и университетами уведомления в Минобрнауки России о создании МИП с 7 календарных дней до 10 рабочих дней, одновременно предусмотрев конкретный способ направления указанного уведомления: в бумажном виде почтовым отправлением или в электронной форме²⁸.

Проблема № 5. Отсутствие в федеральном законодательстве понятия «малое инновационное предприятие»

В текущих редакциях п. 3.1 ст. 5 Закона о науке и ст. 103 Закона об образовании, равно как и в

других федеральных законах, за исключением одного непрофильного²⁹, прямо не упоминается понятие «малое инновационное предприятие». Однако на подзаконном уровне оно встречается часто, в том числе в актах Правительства РФ и Минобрнауки России, в качестве примера можно привести Концепцию технологического развития на период до 2030 года³⁰. Это свидетельствует о плотном вхождении в оборот данного понятия.

Решение проблемы № 5. Целесообразно на уровне федерального законодательства, в Закон о науке и Закон об образовании в ст. 2 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе» ввести понятие «малое инновационное предприятие».

Проблема № 6. Необходимость нормативного закрепления доли участия в МИП научных организаций и университетов

Пункт 3.1 ст. 5 Закона о науке и статья 103 Закона об образовании допускают создание научными организациями и университетами МИП совместно с другими лицами, однако не содержит требований к структуре уставного капитала таких МИП, а именно к размеру доли участия в них научных организаций и университетов. Восполняя данный правовой пробел, Минобрнауки России опубликовало письмо³¹, согласно рекомендациям которого в случае привлечения соучредителей при создании хозяйственных обществ доля научного или образовательного учреждения в уставном капитале создаваемого общества должна составлять более 25 % для акционерных обществ и более 1/3 для ООО. Размер доли участия в уставном капитале МИП имеет ключевое значение,

²⁸ Учет и мониторинг малых инновационных предприятий научно-образовательной сферы // URL: <https://mir.extech.ru/> (дата обращения: 05.01.2024).

²⁹ Пп. «ж», «з» п. 3 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 20.04.2015 № 87-ФЗ «Об отчете Правительства Российской Федерации и информации Центрального банка Российской Федерации о реализации плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году» // СЗ РФ. 2015. № 17 (ч. I). Ст. 2462.

³⁰ Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

³¹ Письмо Минобрнауки России от 07.08.2009 № ВМ-790/04 «О реализации Федерального закона от 2 августа 2009 г. № 217-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

так как влияет на объем корпоративных прав его участников. Учитывая, что письма федеральных органов исполнительной власти не являются НПА, крайне важно, чтобы требования к структуре уставного капитала МИП были закреплены на уровне федерального законодательства.

Решение проблемы № 6. Внести изменения в п. 3.1 ст. 5 Закона о науке и ст. 103 Закона об образовании, закрепив требования к структуре уставного капитала МИП, а именно минимальную долю участия в них научных организаций и университетов.

Целевой аудиторией предлагаемых изменений в законодательстве являются:

- студенты, интересующиеся молодежным предпринимательством;
- научно-педагогические работники, заинтересованные в практическом применении (внедрении) РИД;
- институты инновационного развития, университетские стартап-студии, промышленные партнеры, готовые учредить с научными организациями и университетами совместные предприятия для создания инноваций и их последующей коммерциализации.

Прогнозируемыми результатами от реализации предложений по внесению изменений в Закон о науке и Закон об образовании являются:

- реанимация института МИП;
- упрощение создания МИП;
- содействие развитию молодежного предпринимательства в университетах;
- привлечение/удержание молодых ученых в научных организациях и университетах посредством увеличения их заработной платы за счет дополнительного источника дохода — работы в МИП;
- достижение технологического суверенитета путем генерирования МИП востребованных экономикой РИД;
- увеличение количества патентов, регистрируемых научными организациями и университетами;
- поддержка реализации федерального проекта «Платформа университетского технологического предпринимательства» и Всероссийской программы по развитию молодежного предпринимательства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гарнов А. П., Краснобаева О. В. Малые инновационные предприятия как форма реализации вузами инновационной деятельности // Человеческий капитал и профессиональное образование. — 2012. — № 2 (2). — С. 21–27.
2. Ершова И. В., Петраков А. Ю. Программа «Стартап как ВКР» — драйвер развития молодежного предпринимательства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 8 (108). — С. 17–28.
3. Казин Ф. А., Кондратьев А. В. Развитие концепции предпринимательского университета в вузах России. Новый инструментальный оценки // Университетское управление: практика и анализ. — 2022. — Т. 26. — № 1. — С. 18–41.
4. Кирилловых А. А. Формы обеспечения экономической деятельности в сфере образования: предпринимательско-правовой аспект // Право и экономика. — 2016. — № 6. — С. 18–27.
5. Кларк Б. Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации : учеб. пособие / под ред. Д. Александрова ; пер. с англ. А. Смирнова. — 2-е изд. — М. : Высшая школа экономики, 2019. — 240 с.
6. Сальвицкая Е. Г. Роль самоокупаемости в финансовом обеспечении образовательного учреждения // Материалы Афанасьевских чтений. — 2019. — № 4 (29). — С. 35–38.

по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности”» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Серова О. А. Развитие инновационного предпринимательства и проблемы наследования долей в хозяйственных обществах и партнерствах // Наследственное право. — 2018. — № 2. — С. 15–18.

Материал поступил в редакцию 29 января 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Garnov A. P., Krasnobaeva O. V. Malye innovatsionnye predpriyatiya kak forma realizatsii vuzami innovatsionnoy deyatel'nosti // Chelovecheskiy kapital i professionalnoe obrazovanie. — 2012. — № 2 (2). — С. 21–27.
2. Ershova I. V., Petrakov A. Yu. Programma «Startup kak VKR» — drayver razvitiya molodezhnogo predprinimatel'stva // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2023. — № 8 (108). — С. 17–28.
3. Kazin F. A., Kondratev A. V. Razvitie kontseptsii predprinimatelskogo universiteta v vuzakh Rossii. Novyy instrumentariy otsenki // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. — 2022. — Т. 26. — № 1. — С. 18–41.
4. Kirillovykh A. A. Formy obespecheniya ekonomicheskoy deyatel'nosti v sfere obrazovaniya: predprinimatelsko-pravovoy aspekt // Pravo i ekonomika. — 2016. — № 6. — С. 18–27.
5. Klark B. R. Sozdanie predprinimatelskikh universitetov: organizatsionnye napravleniya transformatsii: ucheb. posobie / pod red. D. Aleksandrova; per. s angl. A. Smirnova. — 2-e izd. — M.: Vysshaya shkola ekonomiki, 2019. — 240 s.
6. Salvitskaya E. G. Rol samookupaemosti v finansovom obespechenii obrazovatel'nogo uchrezhdeniya // Materialy Afanasevskikh chteniy. — 2019. — № 4 (29). — С. 35–38.
7. Serova O. A. Razvitie innovatsionnogo predprinimatel'stva i problemy nasledovaniya doley v khozyaystvennykh obshchestvakh i partnerstvakh // Nasledstvennoe pravo. — 2018. — № 2. — С. 15–18.

Аксиология уголовного права как метод рациональной криминализации

Аннотация. Криминализация деяний, которые законодатель полагает преступными, является стержневой процедурой, формирующей уголовное законодательство и фундаментом уголовно-правовой политики государства. Общепринятым основанием криминализации является признание деяния общественно опасным. Таким образом, сегодня криминализация обладает свойством порочного круга в определении (лат. *circulus in definiendo*) — ситуации, при которой определение явления включает в себя свойства самого явления: основанием криминализации, т.е. признания деяния преступлением, является признание деяния преступным. Паралогизм в основании правовой конструкции определяет ее несостоятельность. Цель статьи заключается в выявлении роли ценностного подхода в криминализации деяний. Автор предлагает связать основание криминализации с наиболее важными (универсальными) ценностями, жизненными благами и интересами, которые нуждаются в особенной защите государством. Рационализация криминализации требует совершенствования представлений об объекте преступления, который во многом тождествен защищаемому (и нарушенному) интересу и благу. Процесс наделения деяний признаками преступности и противоправности должен базироваться на признании фундаментальности универсальных человеческих ценностей, а уголовному праву следует направить на их защиту всю тяжесть своих охранительных мер.

Ключевые слова: законодательство; криминал; криминализация; наказание; права человека; право; преступление; преступность; уголовное право; уголовный закон.

Для цитирования: Антонченко В. В. Аксиология уголовного права как метод рациональной криминализации // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 12. — С. 91–106. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.091-106.

Axiology of Criminal Law as a Method of Rational Criminalization

Vadim V. Antonchenko, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Far Eastern Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia for Educational and Scientific work, Vladivostok, Russian Federation
antovadim@yandex.ru

Abstract. The criminalization of acts that the legislator considers criminal is the core procedure that forms criminal legislation and the foundation of the state's criminal law policy. The generally accepted basis for criminalization is the recognition of an act as socially dangerous. Thus, today the process of criminalization has an attribute of a

© Антонченко В. В., 2024

* Антонченко Вадим Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Дальневосточной пожарно-спасательной академии МЧС России по учебно-научной работе
п. Аякс, д. 27, о. Русский, г. Владивосток, Российская Федерация, 690922
antovadim@yandex.ru

vicious circle in definition (Latin: *circulus in definiendo*). This is a situation in which the definition of a phenomenon includes the properties of the phenomenon itself: the basis for criminalization, that is, the recognition of an act as a crime, is the recognition of the act as criminal. The paralogism at the basis of the legal structure determines its inconsistency. The purpose of the paper is to identify the role of the value approach in the process of criminalization of acts. The author proposes to link the basis of criminalization with the most important (universal) values, life benefits and interests that require special protection by the state. Rationalization of criminalization requires improvement of ideas about the object of crime, which is in many ways identical to the protected (and violated) interest and good. The process of endowing acts with the characteristics of criminality and illegality must be based on the recognition of the fundamental place of universal human values, and criminal law should direct the full weight of its protective measures towards their protection.

Keywords: legislation; crime; criminalization; punishment; human rights; law; crime; criminality; criminal law; criminal statute.

Cite as: Antonchenko VV. Axiology of Criminal Law as a Method of Rational Criminalization. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(12):91-106. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.091-106

Введение

Деяния, признаваемые преступными, по мнению законодателя, приносят либо могут принести вред каким-либо интересам, ценностям или благам, т.е. обладают признаком общественной опасности. Криминализация защищает данный интерес (ценность, благо) от преступного посягательства и служит целям уголовной политики. Однако она может служить также и целям политики вообще и в этом случае коренным образом влиять на жизнь всего общества. Указанное требует поиска рациональной модели криминализации, а если, как полагают многие ученые, таковая не является возможной¹, то по крайней мере формулирования приемлемой и безопасной для социума парадигмы определения преступного.

Система социальных ценностей общества, влияющих на оценку актов индивидуального поведения и проблемы уголовно-правового запрета, исследована автором через анализ социальных детерминант, определяющих основания криминализации, диалектический, функциональный и системно-структурный методы. Универсальность ценностей, коррелирующая с процессами, доминирующими в социальной динамике и детерминирующими то или иное

состояние общественного благополучия и безопасности, выявлена аксиологическим методом.

Девиантное поведение индивидов, наносящее ущерб самой личности или окружающим людям, видимо, неотъемлемый элемент существования социума. В догосударственный период развития человеческой цивилизации, когда правил, установленных и защищаемых государством, не существовало, в человеческом сообществе (стаде, племени, общине, роде и т.д.) имелись представления о должном (одобряемом) и недолжном (неодобряемом) поведении члена данной общности. С появлением права как регулятора общественных отношений и системы общеобязательных правил поведения стало возможным говорить о преступлении как об индивидуальном акте и о преступности как социальном явлении.

Несмотря на все известные меры по борьбе с преступностью, она сопровождала существование человечества с незапамятных времен и, наверное, продолжит сопутствовать бытию социума в обозримом будущем. Однако уровень преступности и степень ее воздействия на общественные отношения значительно различаются в зависимости от места (страны, государства), времени и социокультурной ситуации, включающей различные аспекты общественной жизни

¹ Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Новая криминализация : Философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург : Sapientia, 2020.

(экономику, политику, религию, традиции, ценности и нормы поведения).

В средневековый период отечественного права для обозначения нарушений, влекущих за собой наказание, применяются термины: «обида» (Русская Правда), «лихое дело» (Судебник 1550 г.), «злое дело» (Соборное уложение 1649 г.). С развитием права и приобретением антиобщественным поведением родовых признаков под преступлением стали понимать общественно опасное виновное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания.

По краткому и образному выражению Пауля И. А. Фейербаха, криминолога, разработавшего первое учение о юридическом вменении, «*nullum crimen sine lege*» («нет преступления без закона»)². Из этого формального и краткого определения также следует, что преступления появились только тогда, когда появился соответствующий закон (норма), признающий деяние преступным. Поскольку данный процесс (криминализация деяния) осуществляется государством (властным органом, имеющим соответствующие полномочия), постольку он не может быть свободен от политической конъюнктуры и интересов (как рациональных, так и иррациональных) властных элит. Политическая конъюнктурность отягощает процесс осмысления проблем криминализации необходимостью учета самых разных объективных и субъективных факторов, основными из которых являются властный интерес и проявление политической воли законодателя.

Уголовный закон — очень мощное оружие в руках государства; его использование сопряжено не только с рисками неоправданной либо излишней дискриминации индивидов и их групп, но и с возможностью манипулирования обществом, отягощением социальной жизни различными, уже легальными угрозами благополучию и безопасности широкого круга индивидов. Уголовное законодательство как инструмент борьбы с криминалом способно, при соответствующем его качестве, улучшить или,

наоборот, осложнить криминальную обстановку в стране. Стремление к социальной гармонии необходимо, даже если сама гармония недостижима, — в этом суть цивилизационного развития человечества, пусть далеко не свободного от пороков, но прилагающего усилия для своего прогресса.

Объект преступления как производная от ценности и блага

Учение о составе преступления и его элементах возникло и развилось в результате появления и совершенствования теории уголовного права. Объект преступления можно полагать наиболее исследованным в доктрине уголовного права элементом состава преступления. С конца XIX в. до наших дней ему посвящено большое число научных изысканий виднейших ученых: Л. С. Белогриц-Котляревского, Н. А. Беляева, Л. Д. Гаухмана, М. А. Гельфера, А. Ф. Кистяковского, В. Н. Кудрявцева, Б. С. Никифорова, Г. П. Новоселова, А. А. Пионтковского, С. В. Познышева, Н. С. Таганцева, А. А. Тер-Акопова, А. Н. Трайнина, М. Д. Шаргородского и других, создавших теорию, пусть и несвободную от противоречий, но обладающую целостностью и стройностью обоснованных положений и выводов³.

Несмотря на глубокое и всестороннее познание объекта преступления, его дальнейшее осмысление средствами юридической науки, однако, необходимо и актуально. Это связано с тем, что в России, как и в большинстве государств мира, систематизация преступлений, находящая выражение, в частности, в структуре Особенной части уголовного закона, производится именно по объекту преступления. Более того, данная систематизация осуществляется законодателем в соответствии с принятыми в обществе и государстве понятиями об охраняемых уголовным правом ценностях и их иерархии (личность, собственность, государственные интересы, мир и безопасность человечества

² Feuerbach P. J. A. Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen peinlichen Rechts. Giessen, 1847.

³ Краснопеев В. А. Объект преступления в российском уголовном праве (теоретико-правовой анализ) : дис. ... канд. юрид. наук. Кисловодск, 2001.

и т.д.). В этой части учение об объекте преступления связано с аксиологией права, т.е. имеет философские корни⁴.

Чтобы стать охраняемой государством, та или иная ценность (благо, интерес) должна быть признаваема в качестве таковой публично-властными органами. Впоследствии, при причинении этой ценности вреда, нарушении блага или интереса, появляется объект преступления (та же ценность, но уже претерпевшая вред) — один из основных элементов его состава, без которого не может быть речи о преступлении как таковом. О тождестве объекта отношений (ценности, блага) и объекта преступления говорил еще Н. А. Неклюдов⁵.

В отечественной уголовно-правовой науке под объектом преступления понимались и понимаются различные сущности. В рамках классической и социологической школ уголовного права, представителем которых можно назвать Н. С. Таганцева, объект преступления — это жизненные интересы, отраженные в праве как правовое благо, «норма права в ее реальном бытии»⁶. Данная позиция обнажает главные черты объекта преступления: индивидуальную ценность (субъективное право), социальную значимость и юридическую охрану.

В советское время возобладала точка зрения на объект преступления как на интересы государства, общества, а затем уже граждан, вступающих в общественные отношения, кото-

рые существуют для удовлетворения этих интересов (Я. М. Брайнин и др.)⁷. Позднее объект преступления рассматривался как правовая ценность (А. Э. Жалинский)⁸, интересы личности, общества и государства, а также неотделимые от человека ценности и блага (В. В. Сверчков)⁹. А. В. Пашковская в попытке интеграции различных точек зрения говорила об объекте преступления как об охраняемых уголовным законом социально значимых ценностях, интересах, благах, в том числе общественных отношениях, на которые посягает лицо, совершающее преступление, и которым в результате совершения преступного деяния причиняется или может быть причинен существенный вред¹⁰.

Научное осмысление феномена объекта преступления в России шло по пути признания и защиты субъективного права, индивидуальной ценности и, наконец, общественных отношений, которые сегодня, в соответствии с положениями теории уголовного права, выступают объектом преступного посягательства¹¹. Такой подход, излишне теоретизируя проблему, осложняет понимание общественной опасности деяния («Чем больше я читаю и думаю об общественной опасности, тем яснее я понимаю, что знаю о ней все меньше...»¹²) и уводит из фокуса внимания те непосредственные интересы (ценности, блага), которые требуют охраны уголовно-правовыми средствами. Не вызываемая необходимостью сложность теоретических конструкций отража-

⁴ Новоселов Г. П. Актуальные вопросы учения об объекте преступления: методологические аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 78, 84.

⁵ Неклюдов Н. А. Общая часть уголовного права : конспект. СПб., 1875. С. 40.

⁶ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Тула, 2001. Т. 1.

⁷ Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 165.

⁸ См.: Уголовное право : учебник : в 3 т. / под общ. ред. А. Э. Жалинского. М. : Городец, 2011. Т. 1 : Общая часть. С. 378 ; Наумов А. В. Российское уголовное право : курс лекций : в 3 т. М., 2008. Т. 1 : Общая часть. С. 303.

⁹ Сверчков В. В. Уголовное право. Общая и Особенная части : учеб. пособие для бакалавров. М., 2012. С. 92.

¹⁰ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. М. : Статут, 2014. С. 228.

¹¹ Крылова Н. Е. О понятии объекта преступления // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2013. № 6. С. 20–33.

¹² Лопашенко Н. А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления. Авторский курс : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 309.

ется на качестве правотворческой техники. На этапе криминализации деяний это негативно влияет на рационализацию данного процесса, порождая во множестве квази- и псевдопреступления¹³.

Разные подходы к определению существа объекта преступления не влияют на понимание того, что деяние признается преступным в том случае, если оно представляет опасность для общества, т.е. причиняет вред (или создает реальную опасность причинения вреда) охраняемым уголовным правом интересам, ценностям и благам. Без этого условия говорить о преступлении нельзя; отсутствие вреда, как и его малозначительность, указывает на отсутствие преступления.

Объект преступления — это объект уголовно-правовой охраны (т.е. ценности, блага или интересы), на который уже совершено преступное посягательство. Теория уголовного права различает общий, родовой, видовой и непосредственный объекты преступления, разделенные по признакам посягательства на родственные группы общественных отношений, в их движении от общего к частному.

Значимое место в учении о составе преступления, его объекте и объективной стороне занимает представление о существовании преступлений с материальным, формальным и усеченным составом. Преступлением с материальным составом принято считать такое деяние, в результате которого наступают общественно опасные последствия, указанные в диспозиции уголовно-правовой нормы. Для квалификации преступления с формальным составом наступление вредных последствий необязательно, преступление в данном случае считается оконченным с момента совершения самого деяния. Усеченными именуются составы, в которых не только отсутствуют последствия, но и виновное лицо не совершает полностью даже самого деяния; такое преступление

считается оконченным с момента совершения части деяния (деяний), установленного статьей Особенной части УК. Особенности разных стадий совершения преступления (приготовление, покушение на преступление, неоконченное и оконченное преступление) определяют характер и степень причиненного объекту вреда и влияют на уголовно-правовую оценку действий лица.

Не вдаваясь подробно в доктринальные и правоприменительные различия оснований выделения этих видов составов преступления, а также в особенности позиций различных ученых, как поддерживающих такое деление (С. В. Познышев, А. Н. Трайнин, А. А. Пионтковский, В. С. Комиссаров, Я. М. Брайнин и др.), так и отрицающих его (Н. А. Неклюдов, Н. Ф. Кузнецова, Н. Е. Крылова и др.)¹⁴, следует указать на то, что если определение причиненного деянием вреда требует конструирования специальных научных абстракций (т.е. вред отсутствует или неочевиден), то ценность данного объекта должна быть поставлена под сомнение либо как минимум подвергнута законодателем пристальному анализу.

Представляется, что формальный состав преступления характеризуется не только определенной особенностью объективной стороны, но и качеством объекта преступления, который в данном случае носит формальный характер. Формальным объектом здесь выступает норма права. Именно нарушение нормы права является преступным и влечет уголовную ответственность. Однако невозможно причинить вред норме права, поскольку это правило, сформулированное человеком, результат интеллектуального действия (акта), которое имеет целью дать искусственное основание определенным реальным последствиям. Норму права можно соблюдать или нарушать, изменять или вовсе отменять, но невозможно причинить ей вред. Более того, совершением юридических актов

¹³ Лопашенко Н. А. О защите экономических свобод уголовным законом и от уголовного закона // Проблемы эффективности осуществления правоохранительной функции в обеспечении социально-экономической стабильности в обществе : сборник материалов конференции. Минск : БГУ, 2018. С. 87–88.

¹⁴ Крылова Н. Е. Материальные, формальные и усеченные составы преступлений: дискуссия с продолжением // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2017. № 6. С. 15–28.

(в данном случае деяний, описанных диспозицией уголовно-правовой нормы) данная норма вызывается к жизни и начинает применяться. Думается, что необходимость защиты уголовно-правовыми средствами неких правил, нарушение которых само по себе не причиняет вред, требует серьезного законодательного переосмысления. При этом вызывает недоумение позиция юристов, относящих к преступлениям с формальным составом, например, доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), побои (ст. 116 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), разбой (ст. 162 УК РФ), бандитизм (ст. 209 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ) и др. В указанных составах причинение вреда преступным деянием очевидно.

Ценность объекта уголовно-правовой охраны (он же объект преступления) должна определять характер и степень воздействия государственных мер принуждения на преступника. Часть 1 ст. 2 УК РФ, определяющая его задачи, по мнению многих ученых, не только содержит перечень охраняемых законом объектов (права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественная безопасность, окружающая среда, конституционный строй Российской Федерации, а также мир и безопасность человечества), но и определяет их иерархию.

Человечество (его передовая часть) в своем цивилизационном развитии пришло к осознанию того, что человек и его права являются высшей ценностью, независимо от принадлежности к определенному государству, общественной системе, социальному слою, классу и т.д. Человек охраняется правом не только потому, что он существо социальное; закон должен охранять его (и его права) независимо от того, какие общественные функции он выполняет. В случае совершения преступного деяния против личности объектом посягательства могут быть некие общественные отношения, носителем которых выступает индивид, но лишь в их неотъемле-

мой связи с самой личностью, самоценностью ее жизни, здоровья, половой неприкосновенности, чести, достоинства и т.д.

Ценностный подход как метод криминализации деяний

Криминализация общественно опасных деяний является центральной проблемой уголовного законодательства и лежит в основе уголовно-правовой политики государства. Вопросами криминализации занимались А. Д. Антонов, Н. А. Беляев, П. С. Дагель, Г. А. Злобин, А. И. Коробеев, В. Н. Кудрявцев, Н. В. Кузнецова, Т. А. Плаксина, А. М. Яковлев и другие ученые. Наиболее значимой современной работой по проблеме криминализации автор считает монографию Н. Г. Иванова¹⁵.

Вечные вопросы, которые, видимо, не получат окончательного разрешения в обозримом будущем — это основания криминализации (что считать преступным) и ее принципы (критерии и правила установления уголовной ответственности). Первый вопрос требует философского осмысления основ уголовного права, второй — касается искусства применения права, т.е. юридической техники уголовного закона.

Определение криминализации, ставшее общепризнанным, дал А. И. Коробеев. По его мнению, криминализация — это «процесс выявления общественно опасных форм индивидуального поведения, признания допустимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и фиксация их в законе в качестве преступных и уголовно наказуемых»¹⁶. Это определение содержит необходимые и достаточные признаки криминализации, которая носит субъективный, оценочно-волевой характер. Данная субъективность проявляется не только в необходимости учета уровня общественного сознания и потребности общества в криминализации того или иного деяния, но и в

¹⁵ Иванов Н. Г. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации. М. : Проспект, 2018.

¹⁶ Российское уголовное право : курс лекций : в 8 т. Владивосток : Институт управления, 2001. Т. 1 : Преступление. С. 82.

оценке степени его общественной опасности, а также возможности (невозможности) применения для борьбы с ним менее репрессивных мер, т.е. показателей, традиционно (но, как представляется, ошибочно) полагаемых объективными: ни теорией уголовного права, ни практикой уголовно-правовой борьбы с преступностью не определены, например, объективные критерии для измерения степени общественной опасности деяния.

Серьезным недостатком уголовной политики является подчиненность права политической конъюнктуре. Полагая криминализацию важным инструментом социального контроля, направленного на превенцию отклоняющегося поведения, законодатель (вслед за теоретиками уголовного права) связывал нормы уголовного законодательства как с объективными потребностями общества, так и с интересами доминирующих социальных групп. Еще В. Д. Спасович говорил о том, что законодатель может исключить запрет, который был полезен для общежития, или создать запрет, который не несет в себе ничего криминального, поскольку в его основе не заложено столь серьезное нарушение общественного порядка, которое должно быть фундаментом любого законодательного акта на ниве уголовных правоотношений¹⁷.

Под основаниями криминализации понимались и процессы, происходящие в материальной и духовной жизни общества, развитие которых порождает объективную необходимость уголовно-правовой охраны тех или иных ценностей (Г. А. Злобин, Л. М. Прокументов, А. В. Шеслер¹⁸),

и обстоятельства, порождающие объективную необходимость уголовно-правовой охраны определенных ценностей (А. Д. Антонов¹⁹). В большинстве ученых под основанием криминализации понимают деяние и его общественную опасность (А. И. Коробеев, Н. А. Лопашенко, П. С. Тоболкин и др.²⁰).

Криминализация — это законодательный процесс, а деяние — это индивидуальный акт. Внесение в уголовный закон криминализующих новелл происходит задолго до совершения описываемого деяния. Уже одно это ставит под сомнение верность такого основания: деяние не может быть основанием криминализации, поскольку оно само криминализуется соответствующей нормой права: последствие не может лежать в основе, фундамент не закладывается под уже возведенное здание.

Представляется, что метод признания деяний преступными, кладущий в основание этого процесса само деяние и его общественную опасность, не способен избавить данный процесс от пороков. Логическая ошибка «idem per idem» («то же посредством того же», или «круговое рассуждение»), при которой в определение вводится само определяемое понятие, наделяет всю возводимую на нем правовую конструкцию очевидными изъянами.

Круг общественно опасных деяний велик и постоянно расширяется в связи с изменением социальной жизни и обретением новых технологий. Можно найти общественную опасность в работе над геномом человека²¹, в использовании искусственного интеллекта²², роботов (в том числе беспилотных транспортных

¹⁷ Спасович В. Д. Учебник уголовного права. СПб., 1863. Т. 1. С. 84.

¹⁸ Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Криминология. Общая часть. Красноярск, 1997. С. 239, 246.

¹⁹ Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 17–20.

²⁰ См.: Тоболкин П. С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983. С. 58 ; Лесников Г. Ю., Лопашенко Н. А. Энциклопедия уголовного права. СПб., 2005. Т. 1. С. 75.

²¹ Генетические исследования: законодательство и уголовная политика : колл. монография / под ред. И. Я. Козаченко, Д. Н. Сергеева. Екатеринбург : Лаборатория Sapientia, 2019. С. 251–252.

²² Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. № 3. С. 461–476. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.304>.

средств), в действиях человека под водой, в космосе, на Луне и т.д. Подобный подход не только ведет к инфляции уголовного закона²³, но и чреват возможностью властных злоупотреблений.

В основе рациональной криминализации деяний как первого специально-юридического этапа формирования эффективной уголовной политики должно лежать определение наиболее важных ценностей и их иерархии. Ключевым здесь является понятие «наиболее важные ценности», средствами уголовного права следует охранять именно их. Защищавший доктрину правового блага С. В. Познышев считал преступлением лишь такое внешнее поведение человека, которое причиняет прямой вред другим людям тем, что посягает на какое-либо их благо. К таким благам он относил жизнь, здоровье, честь, свободу, имущество²⁴.

Ценностный метод рациональной криминализации логически следует из ценностного подхода в уголовном праве и праве вообще. Он является особым, возможно наиболее важным, методом научного исследования, характерным для юриспруденции и гуманитаристики в целом²⁵. Определение важнейших ценностей, подлежащих охране наиболее сильным правовым инструментом, позволит решить проблему рациональной криминализации, если таковая в принципе возможна²⁶. Закрепление их в законе и соблюдение запрета защищать силами уголовного права иные ценности, не относящиеся к наиболее важным, позволят освободить уголовную политику и всю уголовно-правовую сферу от воздействия идеологизированных и полити-

зированных подходов и методов, преследующих частные, групповые или клановые интересы.

Ценностная природа права приобретает особую роль в периоды проявления серьезных дефектов общественного и индивидуального правосознания, диалектически связанных с потрясениями и переломными моментами в социальной, экономической и политической сферах жизни общества²⁷. Определение преступности деяний должно опираться на определение ценностей, обладающих свойством существенности, т.е. имеющих наибольшее значение для индивида и общества. Установление их иерархии служит как ориентиром для распределения усилий в практической работе всех правоохранительных органов, так и основой для назначения вида и меры наказания судом.

Отечественные ученые в большинстве (А. Э. Жалинский, Я. И. Гилинский, Н. А. Лопашенко, А. И. Коробеев, В. А. Номоконов и др.) отмечают, что в России длительное время (фактически с момента распада СССР) наблюдается системный кризис в сфере уголовного права и уголовной политики. Это выражается прежде всего в крайней нестабильности уголовного законодательства, а также в нерациональной криминализации деяний: с момента введения в действие УК РФ в 1997 г. было принято (на 25 декабря 2023 г.) 324 (!) изменяющих его нормы федеральных закона²⁸. Указанные свойства уголовного закона уже сами по себе позволяют предположить отсутствие у государства уголовной политики как целенаправленной деятельности. В этих условиях карательная прак-

²³ Peršak N. Criminalising Harmful Conduct: The Harm Principle, its Limits and Continental Counterparts. New York, 2007. P. 88.

²⁴ Познышев С. В. Учебник уголовного права. Общая часть. М., 1923. С. 49–53.

²⁵ Антонченко В. В. Проблема ценностного подхода в праве и аксиология правопонимания // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. Т. 10. № 4. С. 16–22. DOI: 10.18522/2313-6138-2023-10-4-2.

²⁶ Лопашенко Н. А. О защите экономических свобод уголовным законом...

²⁷ Ильина Ю. А. Аксиология права как социального явления // Вестник Вятского государственного университета. 2019. № 3 (133). С. 30–35. DOI: 10.25730/VSU.7606.19.032.

²⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

тика государства не только не достигает цели предупреждения преступности, но, наоборот, может провоцировать ее рост²⁹.

Установление вида, меры и степени наказания за то или иное деяние должно находиться в прямой зависимости не от некой «общественной опасности» деяния, а от важности для человека и общества нарушенного блага, т.е. от ценности объекта преступления. При таком подходе, не только воплощенном в действующем уголовном законе, но и открыто и широко предъявленном обществу через правоприменительную практику, уголовное право, как и право вообще, будет выполнять прямые свои функции: как мотивировать у личности право-послушное поведение, так и вызывать желание воздержаться от преступного деяния.

Ценностный подход как принцип определения преступного деяния, в том числе с учетом размера причиненного вреда, обосновывает Ю. Е. Пудовочкин. Однако ученый не говорит о криминализации как законодательной процедуре, наделяющей деяние свойством противоправности; по его мнению, преступлением можно считать деяние вне зависимости от того, установлена ли за него ответственность в законе³⁰. С этим вряд ли можно согласиться.

Осуществляя криминализацию общественно опасного деяния, законодатель, до того как установить все необходимые и достаточные элементы и признаки для его квалификации, должен выявить ценностные характеристики того объекта, который требует уголовно-правовой охраны. Ценности, интересы и блага должны стать основой основ криминализации, поскольку именно от них и зависит стабильность очень переменчивой «общественной опасности» деяний. Исчерпывающий перечень деяний, занимающих свое место в уголовном законе, должен фундаментально опираться на понимание того, какие ценности (блага, интересы) эти деяния

нарушают настолько, что «удостоились» включения в этот закон.

Криминализация деяний сообщает им признак противоправности, который, как указывает Н. Г. Иванов, «изменчив в зависимости от времени существования государственного образования с его оригинальной ментальностью, воплощенной в культурных предпочтениях»³¹. Это требует поиска универсальных ценностей, которые (опять же с позиции сегодняшнего дня — а как иначе?) являются непреходящими во времени и пространстве.

Универсальные ценности

Охраняемые законом ценности в процессе развития государства видоизменялись. Этот процесс позволяет увидеть не только ценности и общественные отношения, которые утрачивали значение, но и выделить непреходящие блага, которые в силу этого можно полагать универсальными. Так, в дореволюционной России к значимым и потому охраняемым уголовным правом в первую очередь объектам относились религиозные чувства, порядок управления, правила государственной службы и сословной организации общества. Закон запрещал создание не только «тайных обществ и запрещенных сходбищ», но и предусматривал ответственность за образование любого общества, созданного без разрешения, и даже за недонесение о таковом. Наказания за государственные преступления предусматривались более серьезные, чем за деяния против частных лиц (партикулярные)³².

В советский период главным охраняемым благом были социалистические общественные отношения, направленные, в соответствии с идеологическими установками КПСС, на построение в СССР бесклассового коммунистического общества. Так, Особенная часть УК РСФСР

²⁹ Антонченко В. В. Неэффективность как имманентное свойство действующего уголовного наказания // Legal Concept = Правовая парадигма. 2023. Т. 22. № 2. С. 139–146. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.18>.

³⁰ Пудовочкин Ю. Е. Учение о преступлении. М. : Юрлитинформ, 2010. С. 30.

³¹ Иванов Н. Г. Указ. соч. С. 5.

³² Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая : в 2 т. М. : Наука, 1994. Т. 1.

1960 г. начиналась главой 1 «Государственные преступления» и главой 2 «Преступления против социалистической собственности». Советский законодатель, таким образом, ставил ценность общественных отношений в указанных сферах выше, чем ценность жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, деяния против которых были криминализованы в гл. 3³³.

Действующее законодательство также говорит о ценностях и устанавливает их иерархию. Так, конституционно определено, что высшей ценностью являются человек, его права и свободы (ст. 2 Конституции РФ). Теоретики уголовного права не упускают возможности указать на то, что расположением гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья» и ст. 105 «Убийство» в структуре Особенной части УК РФ законодатель определил приоритетность охраны уголовным законом жизни и здоровья человека. Однако низкий правовосстановительный потенциал уголовного закона и его недостаточная направленность на защиту жизни и здоровья человека свидетельствуют о том, что, несмотря на эти и иные подобные фрагменты действующего законодательства, охрана человека и его прав (к которым в первую очередь относится право на жизнь и защиту здоровья) является декларацией.

Декларативное провозглашение человека высшей ценностью сегодня отнюдь не подкреплено соответствующими правовыми нормами. В настоящее время смерть и причинение вреда здоровью человека как квалифицирующие признаки присутствуют во множестве составов как неосторожных, так и умышленных преступлений. Это нарушает важнейший принцип уголовного права о том, что более тяжкое преступление не может являться квалифицирующим признаком менее тяжкого. Так, например, часть 4 ст. 206 УК РФ охраняет не жизнь человека, а некую общественную безопасность. Положив в основание криминализации не охраняемую ценность, а деяние, законодатель наделил здесь (как и во многих иных нормах уголовного зако-

на) жизнь человека свойствами дополнительного объекта. Это положение не соответствует конституционному установлению о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью и, соответственно, должны пользоваться особой защитой государства.

Наиболее важные ценности: жизнь человека, его свобода, здоровье и безопасность (включая половую неприкосновенность), а также безопасность собственности, неизменны на протяжении многих поколений, всем известны, понятны, просты и не зависят от страны и культуры. Это позволяет считать их универсальными.

Н. Д. Сергеевский, полагая, что «никаких признаков преступного деяния, которые для всех времен и народов определяли бы границу между наказуемой неправдой и ненаказуемой, установить мы не можем»³⁴, всё же предложил «криминальный шаблон»³⁵, в котором, среди прочих признаков преступного, указываются причиняемый вред и важность нарушенного блага. Признание данных категорий субъективными и абстрактными обосновано, но только в отношении деяний, присутствие которых в Особенной части уголовного кодекса требует пристального и критичного внимания. Очевидные же блага (универсальные ценности) и причиняемый им вред (причинение вреда жизни убийством, собственности хищением и т.д.) настолько реальны, что не могут быть абстракциями.

Универсальные ценности объективны и могут быть наблюдаемы и измеряемы: жизнь наличествует или отсутствует; здоровье — известно и измеряемы степени причинения ему вреда; собственность имеет стоимость, и т.д. В стоимостном выражении ценности и блага могут быть оценены в зависимости от их иерархии; суды давно определяют размер ущерба при причинении вреда не только собственности и имуществу, но и жизни и здоровью человека (другой вопрос — как это происходит). Причинение вреда универсальным ценностям в

³³ Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/2> (дата обращения: 12.01.2024).

³⁴ Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право: пособие к лекциям. Часть общая. СПб., 1915. С. 48.

³⁵ Сергеевский Н. Д. Указ. соч. С. 49.

результате убийства, изнасилования, грабежа или мошенничества всегда будет очевидным, независимо от того, применялись ли при этом искусственный интеллект, геном человека, роботы, космические технологии и т.д.

Другие важные ценности, такие как, например, общественная и государственная безопасность, не самоценны; они являются лишь условием обеспечения наиболее важных ценностей, т.е. производны от последних. Они (как и некоторые иные) также должны защищаться средствами уголовного права, однако их защита должна быть настолько филигранно обеспечена юридической техникой и рациональной уголовной политикой, подконтрольной обществу, что риски злоупотреблений, связанных прежде всего с расширением сферы действия уголовного права (даже под предлогом заботы об «общественной безопасности»)³⁶, должны быть сведены к минимуму.

Такой подход должен обеспечивать исключение из законотворчества и правоприменения разного рода флуктуаций, обслуживающих сиюминутные потребности государства и властных элит, расходящихся с представлением об универсальных ценностях. Рационализация уголовного права и воплощение ценностного подхода на практике могут быть обеспечены массовой декриминализацией незначительных, излишне криминализированных деяний, которые требуют преобразования в административные проступки или гражданско-правовые деликты³⁷. Отдав другим отраслям права заботу о нарушениях, которые вряд ли требуют противодействия со стороны репрессивной государственной машины, уголовное право от этого только выиграет. Это позволит фактически реализовать принцип экономии уголовной репрессии (забываемый уже не только в юридической практике, но и на стадии законотворчества), что,

как показывает мировой опыт, способно повлиять на эффективность правоохранения³⁸.

Универсальность прав человека объясняется тем, что провозглашающие их идеологии опираются на фундаментальные человеческие потребности, связанные в конечном счете с возможностью выживания. Этот подход отвечает требованиям деонтической полноты, непротиворечивости и сбалансированности, необходимых для построения реально функционирующих правовых систем, обладающих внутренней логикой, соответствующих природе права, его онтологии и детерминирующих прогрессивное развитие общества. Концепт прав человека как высшего закона человечества защищает любого индивида не только от неправового закона, злоупотребления правом и религиозных догм, но и от предрассудков демократического большинства. В контексте противодействия бесчеловечным, но «демократическим и законным» деструктивным процессам и актам, освященным авторитетом высших политических инстанций, права человека, обладающие универсальной ценностью, должны доминировать над общественными традициями, политической, религиозной и иной целесообразностью, личными интересами властных элит и т.п. Защита универсальных ценностей, прежде всего прав человека, — это направление развития государства из состояния варварства к цивилизованному положению.

Выводы

Основание криминализации должно быть связано с ценностью и благом (объектом преступления), признанием государством ценности того жизненного блага и интереса, которые требуют особенной защиты. Право человека не подвер-

³⁶ См.: Щедрин Н. В., Кылина О. М. Меры безопасности для охраны власти и защиты от нее: общеправовой и криминологический аспекты. Красноярск : ЮИ КрасГУ, 2006 ; Щедрин Н. В. Пределы предупредительной деятельности // Lex russica. 2018. № 9. С. 39–53. URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.142.9.039-053>.

³⁷ Гилинский Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль. СПб. : Алетейя, 2023. С. 73.

³⁸ Лунеев В. В. Преступность XX века : Мировые, региональные и российские тенденции : Мировой криминологический анализ. М., 1997.

гаться пыткам не равно праву выбирать форму досуга или хобби; дорогостоящая репрессивная машина государства должна защищать наиболее существенные и жизненно важные права.

Если под основанием криминализации понимать общественную опасность поведенческого акта в отрыве от охраняемых законом ценностей, то объекты преступления (их количество и качество) получают очень широкую трактовку. Множество деяний, не представляющих опасность для универсальных ценностей, определяются законодателем как преступные; это, к сожалению, приходится наблюдать и в наши дни. Невозможно не согласиться с тем, что чрезмерная криминализация деяний — прямой путь к неэффективности уголовно-правового регулирования³⁹.

Игнорирование принципа «Nullum crimen sine lege» приводит общество к беззаконию, следование же ему в условиях жестких автократий и диктатур — к «разгулу законности», при котором государство, занимая место преступника, обрушивается на социум всей мощью своей карательной машины. Даже в высокоорганизованном государстве народ под влиянием авторитета власти, пропаганды и личных выгод вполне способен допустить не только нарушение чьих-то политических, имущественных и иных прав, но и «окончательное решение» того или иного вопроса методом массового уничтожения миллионов людей⁴⁰. Задача юристов — провести общество по лезвию бритвы между пропастью правового нигилизма и бездной «законности», как ее понимали китайские легисты IV–III вв. до н. э., создавшие один из самых одиозных деспотических режимов в истории человечества⁴¹.

Впрочем, сегодня мы сталкиваемся с мнением о том, что ради общегосударственных интересов и принцип «Nullum crimen sine lege» может реализовываться судами не во всех случаях⁴². Само существование подобной позиции в отношении принципа ограничения властного произвола является нонсенсом и свидетельствует о тяжелых деформациях правосознания, затрагивающих уже и правоведов, ставящих под сомнение основополагающий принцип законности. Подобный подход, к сожалению, очень хорошо известен истории государства и права: в тех случаях, когда власть прибегала к нему, чтобы «пожертвовать правом и спасти общество»⁴³, именно общество и несло тяжелейшие потери, связанные в том числе и с многочисленными человеческими жертвами вследствие политико-правовой практики разнообразных деспотий, тираний и диктатур.

Обращение к ценностной природе уголовного права — это необходимая мера для цивилизационного развития. Неслучайно к проблеме ценностей обращались в своих проникнутых гуманистическим содержанием работах еще древние мыслители: Гераклит, Сократ, Платон и Аристотель, видевшие связь ценностей с добродетелью и нравственностью, обязательными для человеческих поступков⁴⁴. Философы европейского Просвещения XVIII в. придали древнему пониманию ценностей рациональные свойства, а мыслители XIX в. — юридическое содержание.

Особенно актуальна аксиология права (в том числе и аксиология уголовного права) в период переломных моментов в политической, экономической и социальной сферах жизни общества. Исторически доказано, что карательные меры

³⁹ Гилинский Я. И. Криминология и девиантология постмодерна. СПб. : Алетейя, 2024. С. 10.

⁴⁰ Михман Д. Катастрофа европейского еврейства : в 3 т. Тель-Авив : Откр. ун-т Израиля, 2001.

⁴¹ Ударцев С. Ф. История политических и правовых учений. Древний Восток : академический курс. СПб. : Изд. СПб. гос. ун-та, 2007.

⁴² Тихонравов Е. Ю. Принцип Nullum crimen sine lege в истории отечественного уголовного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 38. С. 548–557. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-548-557.

⁴³ Jhering R. Law as a Means to an End. Boston : The Boston Book Company, 1913. P. 317.

⁴⁴ См.: Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М. ; СПб., 2005 ; Греческая философия : в 2 т. / под ред. М. Канто-Спербер. М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2006–2008.

не являются эффективными, иначе преступность как явление давно перестала бы существовать. Однако ни смертная казнь, ни каторга, ни калечащие наказания не оказали видимого эффекта на количество и качество совершаемых в мире преступлений. Наоборот, страны, отличающиеся жесткой репрессивной уголовной политикой, имеют высокие показатели преступности, прежде всего насильственной, направленной против личности человека. Можно говорить о том, что преступление и наказание связаны диалектически: взаимно влияют друг на друга и во многом взаимообусловлены.

Отказ от понятия общественной опасности, если эта опасность неочевидна и требует для своего существования сложных юридических конструкций, — насущная задача юридической науки. Декриминализация любых деяний с неочевидным вредом для ценностей, благ и интересов человека является первостепенной обязанностью законодателя. Уголовное право должно пересмотреть свою роль в борьбе с преступностью и, признав за собой, кроме прочих, также и ценностно-ориентационные функции, направить всю тяжесть своей репрессии на защиту универсальных ценностей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. — М. : СПб., 2005. — 448 с.
2. Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2001. — 182 с.
3. Антонченко В. В. Неэффективность как имманентное свойство действующего уголовного наказания // Legal Concept = Правовая парадигма. — 2023. — Т. 22. — № 2. — С. 139–146. — DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.18>.
4. Антонченко В. В. Проблема ценностного подхода в праве и аксиология правопонимания // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2023. — Т. 10. — № 4. — С. 16–22. — DOI: 10.18522/2313-6138-2023-10-4-2.
5. Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. — М., 1963. — 275 с.
6. Генетические исследования: законодательство и уголовная политика : коллективная монография / под ред. И. Я. Козаченко, Д. Н. Сергеева. — Екатеринбург : Лаборатория Sapientia, 2019. — 263 с.
7. Гилинский Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль. — СПб. : Алетейя, 2023. — 281 с.
8. Гилинский Я. И. Криминология и девиантология постмодерна. — СПб. : Алетейя, 2024. — 242 с.
9. Греческая философия : в 2 т. / под ред. М. Канто-Спербер. — М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2006–2008.
10. Иванов Н. Г. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации. — М. : Проспект, 2018. — 80 с.
11. Ильина Ю. А. Аксиология права как социального явления // Вестник Вятского государственного университета. — 2019. — № 3 (133). — С. 30–35. — DOI: 10.25730/VSU.7606.19.032.
12. Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Новая криминализация : Философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. — Екатеринбург : Sapientia, 2020. — 256 с.
13. Краснопеев В. А. Объект преступления в российском уголовном праве (теоретико-правовой анализ) : дис. ... канд. юрид. наук. — Кисловодск, 2001. — 186 с.
14. Крылова Н. Е. Материальные, формальные и усеченные составы преступлений: дискуссия с продолжением // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2017. — № 6. — С. 15–28.
15. Крылова Н. Е. О понятии объекта преступления // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2013. — № 6. — С. 20–33.
16. Лесников Г. Ю., Лопашенко Н. А. Энциклопедия уголовного права. Т. 1. — СПб., 2005. — 699 с.

17. *Лопашенко Н. А.* О защите экономических свобод уголовным законом и от уголовного закона // Проблемы эффективности осуществления правоохранительной функции в обеспечении социально-экономической стабильности в обществе : сборник материалов конференции. — Минск : БГУ, 2018. — С. 87–88.
18. *Лопашенко Н. А.* Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления. Авторский курс : монография. — М. : Юрлитинформ, 2019. — 396 с.
19. *Лунеев В. В.* Преступность XX века : Мировые, региональные и российские тенденции : Мировой криминологический анализ. — М., 1997. — 497 с.
20. *Михман Д.* Катастрофа европейского еврейства : в 3 т. — Тель-Авив : Откр. ун-т Израиля, 2001.
21. *Мосечкин И. Н.* Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2019. — № 3. — С. 461–476. — URL: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.304>.
22. *Наумов А. В.* Российское уголовное право : курс лекций : в 3 т. Т. 1 : Общая часть. — М., 2008. — 742 с.
23. *Неклюдов Н. А.* Общая часть уголовного права : конспект. — СПб., 1875. — 192 с.
24. *Новоселов Г. П.* Актуальные вопросы учения об объекте преступления: методологические аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2001. — 259 с.
25. *Познышев С. В.* Учебник уголовного права. Общая часть. — М., 1923. — 296 с.
26. *Прокументов Л. М., Шеслер А. В.* Криминология. Общая часть. — Красноярск, 1997. — 255 с.
27. *Пудовочкин Ю. Е.* Учение о преступлении. — М. : Юрлитинформ, 2010. — 276 с.
28. Российское уголовное право : курс лекций : в 8 т. Т. 1 : Преступление. — Владивосток : Институт управления, 2001. — 346 с.
29. *Сверчков В. В.* Уголовное право. Общая и Особенная части : учеб. пособие для бакалавров. — М., 2012. — 608 с.
30. *Сергиевский Н. Д.* Русское уголовное право: пособие к лекциям. Часть общая. — СПб., 1915. — 397 с.
31. *Спасович В. Д.* Учебник уголовного права. Т. 1. — СПб., 1863. — 178 с.
32. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть общая : в 2 т. Т. 1. — М. : Наука, 1994. — 380 с.
33. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Т. 1. — Тула, 2001. — 800 с.
34. *Тихонравов Е. Ю.* Принцип Nullum crimen sine lege в истории отечественного уголовного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2017. — Вып. 38. — С. 548–557. — DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-548-557.
35. *Тоболкин П. С.* Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. — Свердловск, 1983. — 177 с.
36. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. — М. : Статут, 2014. — 879 с.
37. Уголовное право : учебник : в 3 т. / под общ. ред. А. Э. Жалинского. Т. 1 : Общая часть. — М. : Городец, 2011. — 863 с.
38. *Ударцев С. Ф.* История политических и правовых учений. Древний Восток: академический курс. — СПб. : Изд. СПб. гос. ун-та, 2007. — 661 с.
39. *Щедрин Н. В.* Пределы предупредительной деятельности // Lex russica. — 2018. — № 9. — С. 39–53. — URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.142.9.039-053>.
40. *Щедрин Н. В., Кылина О. М.* Меры безопасности для охраны власти и защиты от нее: общеправовой и криминологический аспекты. — Красноярск : ЮИ КрасГУ, 2006. — 120 с.
41. *Feuerbach P. J. A.* Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen peinlichen Rechts. — Giessen, 1847. — 878 S.
42. *Jhering R.* Law as a Means to an End. — Boston : The Boston Book Company, 1913. — 483 p.
43. *Peršak N.* Criminalising Harmful Conduct: The Harm Principle, its Limits and Continental Counterparts. — New York, 2007.

Материал поступил в редакцию 13 января 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Ado P. Dukhovnye uprazhneniya i antichnaya filosofiya. — M.: SPb., 2005. — 448 s.
2. Antonov A. D. Teoreticheskie osnovy kriminalizatsii i dekriminalizatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2001. — 182 s.
3. Antonchenko V. V. Neeffektivnost kak immanentnoe svoystvo deystvuyushchego ugovnogo nakazaniya // Legal Concept = Pravovaya paradigma. — 2023. — T. 22. — № 2. — S. 139–146. — DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.18>.
4. Antonchenko V. V. Problema tsennostnogo podkhoda v prave i aksiologiya pravoponimaniya // Vestnik yuridicheskogo fakulteta Yuzhnogo federalnogo universiteta. — 2023. — T. 10. — № 4. — S. 16–22. — DOI: 10.18522/2313-6138-2023-10-4-2.
5. Braynin Ya. M. Ugolovnaya otvetstvennost i ee osnovanie v sovetskom ugovnom prave. — M., 1963. — 275 s.
6. Geneticheskie issledovaniya: zakonodatelstvo i ugolovnaya politika: kollektivnaya monografiya / pod red. I. Ya. Kozachenko, D. N. Sergeeva. — Ekaterinburg: Laboratoriya Sapientia, 2019. — 263 s.
7. Gilinskiy Ya. I. Deviantnost, prestupnost, sotsialnyy kontrol. — SPb.: Aletyya, 2023. — 281 s.
8. Gilinskiy Ya. I. Kriminologiya i deviantologiya postmoderna. — SPb.: Aletyya, 2024. — 242 s.
9. Grecheskaya filosofiya: v 2 t. / pod red. M. Kanto-Sperber. — M.: Greko-latinskiy kabinet Yu. A. Shichalina, 2006–2008.
10. Ivanov N. G. Obshchestvennaya opasnost deyaniya kak ontologicheskaya osnova kriminalizatsii. — M.: Prospekt, 2018. — 80 s.
11. Ilina Yu. A. Aksiologiya prava kak sotsialnogo yavleniya // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2019. — № 3 (133). — S. 30–35. — DOI: 10.25730/VSU.7606.19.032.
12. Kozachenko I. Ya., Sergeev D. N. Novaya kriminalizatsiya: Filosofsko-yuridicheskii putevoditel po miru prestupnogo i neprestupnogo. — Ekaterinburg: Sapientia, 2020. — 256 s.
13. Krasnopeev V. A. Obekt prestupleniya v rossiyskom ugovnom prave (teoretiko-pravovoy analiz): dis. ... kand. yurid. nauk. — Kislovodsk, 2001. — 186 s.
14. Krylova N. E. Materialnye, formalnye i usechennye sostavy prestupleniy: diskussiya s prodolzheniem // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. — 2017. — № 6. — S. 15–28.
15. Krylova N. E. O ponyatii obekta prestupleniya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. — 2013. — № 6. — S. 20–33.
16. Lesnikov G. Yu., Lopashenko N. A. Entsiklopediya ugovnogo prava. T. 1. — SPb., 2005. — 699 s.
17. Lopashenko N. A. O zashchite ekonomicheskikh svobod ugovnym zakonom i ot ugovnogo zakona // Problemy effektivnosti osushchestvleniya pravookhranitel'noy funktsii v obespechenii sotsialno-ekonomicheskoy stabilnosti v obshchestve: sbornik materialov konferentsii. — Minsk: BGU, 2018. — S. 87–88.
18. Lopashenko N. A. Razmyshleniya ob ugovnom prave. Printsipy ugovnogo zakonodatelstva. Ugolovnyy zakon. Prestuplenie, prostupok i sostav prestupleniya. Avtorskiy kurs: monografiya. — M.: Yurlitinform, 2019. — 396 s.
19. Lunev V. V. Prestupnost XX veka: Mirovye, regionalnye i rossiyskie tendentsii: Mirovoy kriminologicheskii analiz. — M., 1997. — 497 s.
20. Mikhman D. Katastrofa evropeyskogo evreystva: v 3 t. — Tel-Aviv: Otkr. un-t Izrailya, 2001.
21. Mosechkin I. N. Iskusstvennyy intellekt i ugolovnaya otvetstvennost: problemy stanovleniya novogo vida subekta prestupleniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. — 2019. — № 3. — S. 461–476. — URL: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.304>.
22. Naumov A. V. Rossiyskoe ugolovnoe pravo: kurs lektsiy: v 3 t. T. 1: Obshchaya chast. — M., 2008. — 742 s.
23. Neklyudov N. A. Obshchaya chast ugovnogo prava: konspekt. — SPb., 1875. — 192 s.
24. Novoselov G. P. Aktualnye voprosy ucheniya ob obekte prestupleniya: metodologicheskie aspekty: dis. ... d-ra yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2001. — 259 s.

25. Poznyshev S. V. Uchebnik ugovnogo prava. Obshchaya chast. — M., 1923. — 296 s.
26. Prozumentov L. M., Shesler A. V. Kriminologiya. Obshchaya chast. — Krasnoyarsk, 1997. — 255 s.
27. Pudovochkin Yu. E. Uchenie o prestuplenii. — M.: Yurlitinform, 2010. — 276 s.
28. Rossiyskoe ugovnoe pravo: kurs lektsiy: v 8 t. T. 1: Prestuplenie. — Vladivostok: Institut upravleniya, 2001. — 346 s.
29. Sverchkov V. V. Ugolovnoe pravo. Obshchaya i Osobennaya chasti: ucheb. posobie dlya bakalavrov. — M., 2012. — 608 s.
30. Sergievskiy N. D. Russkoe ugovnoe pravo: posobie k lektsiyam. Chast obshchaya. — SPb., 1915. — 397 s.
31. Spasovich V. D. Uchebnik ugovnogo prava. T. 1. — SPb., 1863. — 178 s.
32. Tagantsev N. S. Russkoe ugovnoe pravo. Lektsii. Chast obshchaya: v 2 t. T. 1. — M.: Nauka, 1994. — 380 s.
33. Tagantsev N. S. Russkoe ugovnoe pravo. T. 1. — Tula, 2001. — 800 s.
34. Tikhonravov E. Yu. Printsip Nullum crimen sine lege v istorii otechestvennogo ugovnogo prava // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2017. — Vyp. 38. — S. 548–557. — DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-548-557.
35. Tobolkin P. S. Sotsialnaya obuslovlennost ugovno-pravovykh norm. — Sverdlovsk, 1983. — 177 s.
36. Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii. Obshchaya chast. — M.: Statut, 2014. — 879 s.
37. Ugolovnoe pravo: uchebnik: v 3 t. / pod obshch. red. A. E. Zhalinskogo. T. 1: Obshchaya chast. — M.: Gorodets, 2011. — 863 s.
38. Udartsev S. F. Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy. Drevniy Vostok: akademicheskii kurs. — SPb.: Izd. SPb. gos. un-ta, 2007. — 661 s.
39. Shchedrin N. V. Predely predupreditelnoy deyatel'nosti // Lex russica. — 2018. — № 9. — S. 39–53. — URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.142.9.039-053>.
40. Shchedrin N. V., Kyлина O. M. Mery bezopasnosti dlya okhrany vlasti i zashchity ot nee: obshchepravovoy i kriminologicheskii aspekty. — Krasnoyarsk: Yul KrasGU, 2006. — 120 s.
41. Feuerbach P. J. A. Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen peinlichen Rechts. — Giessen, 1847. — 878 S.
42. Jhering R. Law as a Means to an End. — Boston: The Boston Book Company, 1913. — 483 p.
43. Peršak N. Criminalising Harmful Conduct: The Harm Principle, its Limits and Continental Counterparts. — New York, 2007.

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.107-119

В. А. Гончарова*

Проблемы обеспечения межотраслевого терминологического единообразия при определении правового режима конфискации

Аннотация. Стремительное усложнение регулируемых правом общественных отношений и вызванное этим сближение частных и публичных правовых отраслей стали предпосылками для формирования в рамках отечественного законодательства комплексных правовых образований. К последним следует отнести конфискацию, в равной степени являющуюся предметом регулирования как гражданского права — в качестве основания прекращения права собственности, так и уголовного — в качестве иной меры уголовно-правового характера, решающей задачи уголовной политики Российской Федерации. В то же время детальный анализ главы 15.1 УК РФ, устанавливающей правовой режим конфискации, с точки зрения ее соответствия цивилистической терминологии и в целом гражданскому законодательству с очевидностью свидетельствует об абсолютном недостижении законодателем необходимого уровня межотраслевого единства в правовой регламентации данной принудительной меры. Указанное обстоятельство является причиной существенных проблем в обеспечении баланса частных и публичных интересов при назначении и исполнении конфискации как иной меры уголовно-правового характера.

Ключевые слова: конфискация; система права; частные и публичные интересы; межотраслевые связи гражданского права; защита права собственности; право собственности; прекращение права собственности; судебная практика; защита гражданских прав; государственное принуждение.

Для цитирования: Гончарова В. А. Проблемы обеспечения межотраслевого терминологического единообразия при определении правового режима конфискации // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 12. — С. 107–119. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.107-119.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>.

© Гончарова В. А., 2024

* Гончарова Валерия Андреевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Томского государственного университета
Ленина пр., д. 36, г. Томск, Российская Федерация, 634050
valeria.goncharova.93@bk.ru

Problems of Ensuring Inter-Industry Terminological Uniformity in Determining the Legal Regime of Confiscation

Valeria A. Goncharova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law,
Senior Researcher, Laboratory of Social and Legal Research, Tomsk State University, Tomsk,
Russian Federation
valeria.goncharova.93@bk.ru

Abstract. The rapid complication of social relations regulated by law and the resulting convergence of private and public legal branches have become prerequisites for the formation of complex legal entities within the framework of domestic legislation. The latter should include confiscation, which is equally subject to regulation by both civil law as a basis for terminating property rights, and criminal law as another measure of a criminal legal nature that resolves the tasks of the criminal policy of the Russian Federation. At the same time, a detailed analysis of the provisions of Chapter 15.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, regulating the legal regime of confiscation, from the point of view of their compliance with civilistic terminology and civil legislation in general, clearly demonstrates the absolute failure of the legislator to achieve the necessary level of inter-branch unity in the legal regulation of this coercive measure. This circumstance is the cause of significant problems in ensuring the balance of private and public interests when assigning and executing confiscation as another measure of a criminal law nature.

Keywords: confiscation; legal system; private and public interests; inter-branch relations of civil law; protection of property rights; property rights; termination of property rights; judicial practice; protection of civil rights; state coercion.

Cite as: Goncharova VA. Problems of Ensuring Inter-Industry Terminological Uniformity in Determining the Legal Regime of Confiscation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(12):107-119. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.107-119

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>.

Согласно п. 1 ст. 243 ГК РФ в случаях, предусмотренных законом, имущество может быть безвозмездно изъято у собственника по решению суда в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения (конфискация). Анализ представленной нормы с очевидностью свидетельствует о ее бланкетном характере: обеспечивая системность законодательства, посвященного основаниям прекращения права собственности, статья 243 ГК РФ отсылает для определения

правового режима конфискации исключительно к актам публичного законодательства¹. На последнее обстоятельство неоднократно обращал внимание и Конституционный Суд РФ, указывая на закрепленную в ГК РФ возможность вторжения в право частной собственности в целях защиты публичных интересов, в том числе за счет установления положений о конфискации имущества, конкретизированных в нормах уголовного и административного законодательства².

¹ См.: Гришаев С. П., Богачева Т. В., Свит Ю. П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая // СПС «КонсультантПлюс», 2019 (автор комментария — Ю. П. Свит) ; Гражданский кодекс Российской Федерации. Подробный постатейный комментарий с путеводителем по законодательству и судебной практике. Часть I / А. Ю. Беспалов, Ю. Ф. Беспалов, М. С. Варюшин [и др.] ; отв. ред. Ю. Ф. Беспалов. М. : Проспект, 2017 (автор комментария — Ю. Ф. Беспалов) ; Корнилова Н. В. Об отдельных способах принудительного прекращения права собственности // Российский следователь. 2016. № 13. С. 39–43.

² Об этом см., например: постановление Конституционного Суда РФ от 07.03.2017 № 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального

В силу изложенного не может идти и речи о предусмотренной в ст. 243 ГК РФ особой разновидности гражданско-правовой конфискации. Как справедливо отмечается С. Е. Сеницыным и Е. В. Позднышевой, гражданское законодательство не ориентировано на репрессивное воздействие на правонарушителя, а потому «гражданско-правовые санкции направлены преимущественно на восстановление положения, предшествовавшего правонарушению... Абсурдна сама идея автономного существования механизма конфискации в гражданском законодательстве в отрыве от законодательства уголовного и административного»³. Положения ст. 169 ГК РФ, посвященные последствиям сделок, совершенных с целью, противной основам правопорядка или нравственности, также более не содержат указания на собственную, гражданско-правовую конфискации: в условиях действующего регулирования «“иные последствия, установленные законом” представляют собой примеры бланкетных правовых норм, отсылающих к санкциям преимущественно уголовного, административного и иного публичного законодательства»⁴.

Установленная в нормах гражданского законодательства бланкетность, предполагающая отсылку в том числе к нормам уголовного законодательства, подробно определяющим правила применения конфискации как иной меры уголовно-правового характера, — одно из проявлений межотраслевых связей гражданского права. Под последними в научной

литературе понимаются проявления общей системности российского права и основной роли гражданского права как регулятора экономических отношений, «внешний аспект цивилистической системности»⁵, «система связей гражданского права с иными правовыми образованиями, проявляющихся в отношениях взаимной зависимости, обусловленности и общности»⁶. Учет наличия, объективного развития и расширения межотраслевых правовых связей, в том числе связей между гражданским и уголовным правом, является необходимым условием устойчивого, эффективного и корректного правоприменения и правотворчества. По справедливому утверждению В. М. Лебедева, «целесообразно подчеркивать, а лучше показывать взаимную связь, взаимную зависимость их (отраслей. — В. Г.) отдельных норм, институтов, подынститутов, практическую значимость их (отраслей. — В. Г.) совместного применения»⁷. Близкой к изложенной позиции придерживается и Ю. А. Свиринов, указывавший на постепенное взаимопроникновение и взаимообогащение частного и публичного права, которое не может быть проигнорировано, во многом является следствием усложнения регулируемых правом общественных отношений и как делает вполне логичным и предсказуемым общее, прежде всего предметное и терминологическое, сближение отраслей, так и способствует формированию всё большего числа комплексных правовых образований⁸. Автор констатирует наличие в праве тенденции к конвергенции, отмечая, что

кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А. Е. Певзнера» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 3.

³ Сеницын С. А., Позднышева Е. В. Гражданско-правовые санкции за совершение коррупционных правонарушений // Законодательство и экономика. 2015. № 5. С. 7–10.

⁴ Гончарова В. А. Защита прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки в гражданском праве России : монография. М. : Юстицинформ, 2021. С. 191.

⁵ Чельшев М. Ю. Основные учения о межотраслевых связях гражданского права : монография // Межотраслевые связи гражданского права (к 50-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора М. Ю. Чельшева) : Liber Amicorum / отв. ред. Д. Х. Валеев. М. : Статут, 2021. С. 438.

⁶ Чельшев М. Ю. Основные учения о межотраслевых связях гражданского права. С. 473.

⁷ Лебедев В. М. Системный анализ в праве // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 4 (18). С. 112.

⁸ Свиринов Ю. А. Система права как правовая реальность на современном этапе // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1 (162). С. 26–33.

«в условиях глобализации правовой формы, комплексности предмета правового регулирования грань между элементами системы права будет постепенно стираться»⁹.

По существу, уголовно-правовая конфискация, решающая сугубо задачи уголовной политики Российской Федерации в борьбе с преступностью, является и основанием прекращения права собственности, а потому представляет собой целостный формально установленный правовой комплекс — «инструмент межотраслевого регулирования... правовую форму удовлетворения публичных и частных интересов в экономической сфере»¹⁰. Гражданское право как отрасль, преимущественно ориентированная на регулирование имущественных отношений, закладывает при этом общий категориальный и терминологический аппарат, который в условиях отмеченных межотраслевых связей должен являться универсальным для всех отраслей российского законодательства, затрагивающих вопросы оборота имущества, оснований прекращения права собственности. Последнее объясняется тем, что сами понятия права собственности, владения, вещи, имущества нормативно включаются в предметную сферу именно гражданско-правового регулирования.

Уголовное законодательство определяет конфискацию в качестве иной меры уголовно-правового характера, тем самым подчеркивая отсутствие у нее карательной направленности: по справедливому утверждению Д. Ю. Борченко, конфискации в уголовном праве присущи исключительные и особые функции, в числе

которых лишение лица имущества, полученного в результате преступления, восстановление и упорядочивание «нормативной основы отношений собственности и нормальной экономической деятельности, устранение имущественной основы некоторых преступлений, изъятие орудий их совершение, обеспечение возмещения причиненного преступлением ущерба»¹¹. Сходной позиции придерживается Е. В. Медведев, указывая на выполнение конфискацией задачи по возмещению причиненного преступлением вреда и восстановлению нарушенных общественных отношений¹². По обоснованному убеждению автора, применение конфискации «обусловлено уже самим фактом совершения преступления, вовлечением имущества в преступный оборот, а также прикосновенностью к такому имуществу или причинением имущественного ущерба. Данная мера существует, по сути, лишь для восстановления законного режима владения, пользования и распоряжения имуществом, обеспечения возмещения материального ущерба пострадавшим от преступления, а также для уничтожения материальной базы совершения преступлений»¹³.

Согласно ч. 1 ст. 104.1 УК РФ конфискация представляет собой принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора полученного в результате совершения некоторых преступлений имущества, результатов его преобразования или превращения, имущества, используемого или предназначенного для финансирования терроризма, экстре-

⁹ Свирин Ю. А. Когерентность системы права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 6 (55). С. 52.

¹⁰ Чельшев М. Ю. Межотраслевое правовое регулирование как средство обеспечения публичных интересов в экономической сфере // Межотраслевые связи гражданского права (к 50-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора М. Ю. Чельшева). С. 274.

¹¹ Борченко Д. Ю. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера: понятие, природа, социальное предназначение и порядок применения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 7.

¹² Медведев Е. В. Классификация мер уголовно-правового характера как средств реализации функций уголовного права // Российский следователь. 2021. № 7.

¹³ Медведев Е. В. Классификация мер уголовно-правового характера... Об этом также см.: Он же. Функциональные и содержательные различия наказания и иных мер уголовно-правового характера // Адвокатская практика. 2021. № 4.

мистской деятельности и пр., орудий, оборудования и иных принадлежащих обвиняемому средств совершения преступления. Признавая конфискацию исключением из принципа неприкосновенности собственности, Пленум Верховного Суда РФ в п. 1 постановления от 14.06.2018 № 17¹⁴ указывает на необходимость строгого соответствия Конституции РФ деятельности судов по ее применению.

Несмотря на системную квалификацию уголовно-правовой конфискации как одного из оснований прекращения права собственности, используемая в гл. 15.1 УК РФ терминология не соответствует гражданско-правовой; уголовное законодательство не учитывает все многообразие ситуаций, связанных с владением и пользованием имуществом, в целом особенности последнего. Изложенное порождает значительные проблемы в правоприменении, имеющие конечным следствием нарушение баланса в обеспечении частных и публичных интересов, существенные «перекосы» в сторону последних на практике.

В качестве примера подобных проблем следует привести допускаемую высшей судебной инстанцией возможность конфискации вещей, находящихся в общей собственности и являющихся, в частности, орудием преступления, при его совершении лишь одним из сособственников. В целом указанная позиция развивалась на уровне отечественной судебной практики на протяжении нескольких последних лет, в окончательном виде найдя оформление в п. 3(1) постановления Пленума Верховного Суда РФ от

14.06.2018 № 17, согласно которому для целей гл. 15.1 УК РФ принадлежащим обвиняемому следует считать имущество, находящееся в его собственности, а также в общей собственности обвиняемого и других лиц, в том числе в совместной собственности супругов. Наибольшее распространение тенденция подобной безграничной и безусловной конфискации получила при конфискации транспортных средств, принадлежащих обвиняемому на праве общей совместной собственности и использованных им при совершении преступления, предусмотренного статьями 264.1, 264.2 или 264.3 УК РФ (п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ). Многочисленные акты судебной практики¹⁵ свидетельствуют о полном нивелировании правоприменителями интересов супруга как второго сособственника подлежащей конфискации вещи; предлагаемые же ими средства защиты его права собственности в виде иска об освобождении имущества от наложения ареста, или об исключении его из описи (ст. 119 Федерального закона «Об исполнительном производстве»¹⁶), или о разделе совместно нажитого имущества (ст. 39 СК РФ) нереализуемы ни теоретически, ни практически. В силу универсального характера приведенных разъяснений высшей судебной инстанции закономерно возникновение аналогичных ситуаций явного дисбаланса в обеспечении интересов и при конфискации имущества, находящегося в долевой собственности¹⁷.

Очевидно несправедливый, не учитывающий интересы лиц, в равной с обвиняемым степени являющихся собственниками подлежащей кон-

¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 № 17 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 8.

¹⁵ Об этом см., например: определения Алтайского краевого суда от 12.11.2021 по делу № 22-4838/2021 ; Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 30.06.2020 № 77-566/2020 ; постановления Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 29.08.2023 № 77-3644/2023 ; Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.07.2023 № 77-3206/2023 ; определение Верховного Суда РФ от 09.11.2023 № 12-УДП23-8-К6.

¹⁶ Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

¹⁷ Рассмотрение вопросов защиты прав сособственника (сособственников) при конфискации вещи, принадлежащей ему (им) и обвиняемому на праве общей собственности, выходит за рамки темы настоящей статьи и нуждается в самостоятельном научном исследовании.

фискации вещи¹⁸, приведенный подход сформировался, как представляется, в результате отсутствия необходимой терминологической синхронизации и общей согласованности уголовного и гражданского законодательства. Действительно, глава 15.1 УК РФ содержит нормы, которые, хотя и не без труда, могут быть истолкованы как направленные на обеспечение прав не совершавших преступление собственников подлежащего конфискации имущества. В то же время значительная степень разобщения в используемом законодателем понятийном аппарате приводит к фактической невозможности применить для защиты указанных лиц механизмы, предусмотренные в гражданском законодательстве, и в частности в статье 255 ГК РФ¹⁹, носящей в целом универсальный характер.

Детальный анализ гл. 15.1 УК РФ выявляет ряд и иных подобных межотраслевых несоответствий.

Во-первых, обращает на себя внимание то, что правила о конфискации, несмотря на использование законодателем термина «*имущество*», в большей степени ориентированы на изъятие вещей. Об этом свидетельствует указание на возможное преобразование и превращение конфискуемых предметов (п. «б» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ), приобщение их к иному имуществу (ч. 2 ст. 104.1 УК РФ), принадлежность орудий преступления обвиняемому (п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ) — использование терминов, наиболее уместных для характеристики именно этой разновидности имущества. В аналогичном — «вещном» — ключе сформулирована и статья 104 Федерального закона «Об исполнительном производстве», посвященная порядку

исполнения исполнительного документа о конфискации имущества и допускающая особые правила лишь в отношении бездокументарных ценных бумаг. В то же время, как справедливо указывает А. Н. Лысенко, категория «имущество» по своему составу не однородна и имеет собирательный характер, как совокупность имущественных благ не предполагает наличия единого правового режима²⁰. Структурно же имущество включает в себя вещи, права, занимающие главное место, и иное имущество, разрозненное и разнообразное с точки зрения входящих в него объектов гражданских прав²¹.

Допустимы ситуации, при которых орудием совершения преступления становится некая вредоносная программа для ЭВМ (ст. 1261 ГК РФ) — результат интеллектуальной деятельности, вещных прав на который в силу прямого указания закона не возникает вовсе (ст. 1227 ГК РФ); формируется особый комплекс интеллектуальных прав, включающий исключительное право, являющееся по существу имущественным и оборотоспособным (ст. 1229 ГК РФ). Имеющееся регулирование конфискации, однако, не дает ответа на вопрос, как в случае таких сложных с точки зрения правового режима объектов определять их принадлежность обвиняемому.

Неопределенной с точки зрения юридической содержания видится и используемая законодателем терминология, приведенная ранее, и в особенности термины «превращение» и «преобразование», не имеющие общепринятых или законодательно установленных определений. Не исключены ситуации, при которых, например, полученные обвиняемым в результате совершения преступления денежные средства

¹⁸ См.: Тетюев С. В. Защита прав супруга при наложении ареста на совместно нажитое имущество по уголовному делу // Судья. 2018. № 7. С. 61–64; Торговченков В. И. Актуальные вопросы назначения конфискации автотранспорта как меры уголовно-правового характера // Законность. 2023. № 2.

¹⁹ Статья 255 ГК РФ ориентирована на защиту права собственности лиц, являющихся участниками общей собственности, при обращении взыскания на долю одного из собственников по его личным долгам. Представленный в статье механизм закрепляет для указанных лиц возможность выкупа доли такого собственника до ее реализации с публичных торгов, иными словами, возможность ее «вывода» из-под взыскания.

²⁰ Лысенко А. Н. Понятие и виды имущества в гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007.

²¹ Лысенко А. Н. Указ. соч.

становятся предметом обмена на равноценные имущественные права (бездокументарные ценные бумаги, исключительные права и т.д.), прямо относящиеся в силу ст. 128 ГК РФ к имуществу. Полученное право в данной ситуации не является для него с правовой точки зрения доходом, в силу терминологической неопределенности с трудом может быть рассмотрено и как проявление преобразования или превращения денежных средств, что в конечном итоге способно существенно затруднить конфискацию этого права как таковую.

Неясно, кроме того, что представляют собой *ценности* как предметы конфискации из-за отсутствия подобного общего понятия в действующем законодательстве²². Последнее определяет статус лишь культурных²³ и валютных ценностей²⁴, имеющих, однако, специальное правовое регулирование, в том числе и в части оборота.

Во-вторых, согласно п. «г», «д» ч. 2 ст. 104.1 УК РФ предметом конфискации могут быть орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, которые *принадлежат* обвиняемому. По обоснованному утверждению О. А. Кузнецовой и В. В. Степанова, «гражданскому законодательству субъективное “право принадлежности” неизвестно — имущество может принадлежать лицу на праве собственности, на ином вещном праве... “Принадлежность имущества” должна быть исключена из правовой терминосистемы как не имеющая частного правового содержания, а публичные отрасли права содержание понятия “принадлежность

имущества” определять не могут»²⁵. Формально обладание вещью арендатором при владельческой аренде, ссудополучателем образует принадлежность им вещи, которая с позиции ст. 104.1 УК РФ допускает ее конфискацию при совершении данными лицами преступлений с ее использованием в качестве орудия или оборудования. Последнее, однако, вряд ли обоснованно с позиции как принципов справедливости и законности, так и статьи 243 ГК РФ, допускающей конфискацию лишь у совершившего преступление собственника соответствующей вещи. Важно и то, что в рассматриваемом случае речь идет именно о некоей принадлежности, а не о «владении» как термине, наиболее традиционном для отечественного права, обозначающем одно из правомочий собственника вещи (ст. 209 ГК РФ).

На оборотную сторону подобного регулирования в то же время справедливо обращал внимание А. В. Бриллиантов, отмечавший, что собственник, передавая в пользование свое имущество, может знать о его использовании третьими лицами в преступных целях; недопустимость же в указанных случаях конфискации не будет способствовать достижению ее целей по устранению материальной базы преступной деятельности²⁶.

Имеющиеся разъяснения высшей судебной инстанции по данному вопросу весьма расплывчаты: согласно п. 3(2) постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 № 17 факт принадлежности подлежащего конфискации имущества обвиняемому относится к предмету

²² Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование : науч.-практ. пособие / Ю. И. Антонов, В. Б. Боровиков, А. В. Галахова [и др.] ; под ред. А. В. Галаховой. М. : Норма, 2014.

²³ Федеральный закон от 15.04.1998 № 64-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 16. Ст. 1799.

²⁴ Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О валютном регулировании и валютном контроле» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.

²⁵ Кузнецова О. А., Степанов В. В. Межотраслевая природа конфискации имущества // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 31.

²⁶ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : в 2 т. / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Э. Н. Жевлаков [и др.] ; под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд. М. : Проспект, 2015. Т. 1 (автор комментария — А. В. Бриллиантов).

доказывания по уголовному делу и должен быть установлен судом на основе исследованных в судебном заседании доказательств (показаний свидетелей, документов, подтверждающих приобретение имущества, и др.). Примечательно, что далее Верховный Суд РФ обращается к статье 223 ГК РФ, определяющей момент возникновения у приобретателя права собственности по договору, по всей видимости, для целей толкования гл. 15.1 ГК РФ ставя знак равенства между принадлежностью и правом собственности. Последнее с учетом вышеизложенного хотя и справедливо, но абсолютно некорректно с позиции гражданского законодательства, способно вызвать различные толкования на уровне судебной практики.

Не меньше вопросов вызывает и обратная ситуация, когда к подлежащему конфискации имуществу в дальнейшем допускаются третьи лица для его *использования*: с позиции ч. 1 ст. 104.2 УК РФ данное обстоятельство является препятствием для его последующего изъятия по обвинительному приговору суда. В то же время возникают обоснованные вопросы: что представляет собой использование для целей гл. 15.1 УК РФ, должно ли оно быть возмездным и быть сопряженным с владением вещью? Неясно и в целом, по какой причине использование третьими лицами даже в отсутствие — в силу прямого указания закона — передачи владения рассматривается законодателем как препятствие для ее конфискации. На этом фоне правоприменительная практика, допускающая изъятие вещи, собственниками которой, наравне с обвиняемым, являются и иные лица, представляется особенно несправедливой: очевидно, законодатель при формулировании части 1 ст. 104.2 УК РФ преследовал цель защитить интересы даже пользователей вещи, не

говоря уже об обладателях абсолютного вещного права — права собственности.

Нарекания способна вызвать и иная формулировка, используемая законодателем в ч. 1 ст. 104.2 УК РФ: перечень оснований невозможности конфискации носит открытый характер, что способно привести к излишней свободе судебного усмотрения, нарушить принцип правовой определенности при применении принудительных мер, на важность следования которому неоднократно указывал Конституционный Суд РФ²⁷.

Особенно остро проблема открытости данного перечня ощущается с позиции части 3 ст. 104.1 УК РФ, выступающей неким вступлением и, вероятно, дополнением к ч. 1 ст. 104.2 УК РФ. По ее смыслу единственным условием недопустимости конфискации имущества, находящегося у третьего лица, в том числе лишь пользователя, является его добросовестность: спорное имущество, переданное осужденным другому лицу (организации), подлежит конфискации, если лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий. С гражданско-правовых позиций, однако, неясно, какими договорными типами и видами для целей применения данной нормы должны опосредоваться передача и принятие имущества. Формально не только использование арендатором, ссудополучателем переданной им вещи, но и ее получение даже хранителем, эскроу-агентом имеют значение для целей изъятия, ведь все эти лица также принимают передаваемое им имущество и могут не знать о его происхождении. Получается, что вверение вещи любому добросовестному лицу — не только пользователю, но даже ее простому держателю — по смыслу гл. 15.1 УК РФ «спасает» ее от обращения в собствен-

²⁷ Об этом см., например: постановление Конституционного Суда РФ от 26.03.2020 № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части 2 статьи 30 Федерального закона “О Следственном комитете Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина Е. С. Горяева» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 3.

Обзор позиций Конституционного Суда РФ, посвященных принципу правовой определенности, см.: Шишкина О. Е., Бурцева С. С. Правовая определенность в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 3. С. 166–181.

ность государства, в то время как гражданское законодательство в подобных ситуациях защищает лишь добросовестного приобретателя (ст. 302 ГК РФ), что представляется абсолютно справедливым и оправданным²⁸. Как отмечал Конституционный Суд РФ, федеральный законодатель должен предусматривать такие способы и механизмы реализации имущественных прав, которые обеспечивали бы защиту не только собственникам, но и добросовестным приобретателям — лицам, проявляющим при заключении сделки, направленной на приобретение права собственности, добрую волю, разумную осмотрительность и осторожность²⁹. Правомерные интересы, ожидания именно таких лиц в определенных случаях рассматриваются законодателем как противовес интересам утратившего владение собственника.

Передача вещи другим лицам, не являющимся добросовестными приобретателями, с указанных позиций не может и не должна восприниматься как препятствие к ее отобранию у них для последующей конфискации. Иное привело бы к возможности для обвиняемого защищать от изъятия по обвинительному приговору суда имущество простой его передачей некому лицу даже на условиях последующего возврата.

Косвенным подтверждением вектора на защиту лишь добросовестных приобретателей, но не любых обладателей вещи, в подобных ситуациях является предусмотренный гражданским законодательством механизм восстановления прав арендодателя в случае нарушения арендатором правил, предусмотренных пунктом 2

ст. 615 ГК РФ. По смыслу последнего арендатор лишь с согласия арендодателя вправе сдавать арендованное имущество в субаренду (поднаем) и передавать свои права и обязанности по договору аренды другому лицу (перенаем), предоставлять арендованное имущество в безвозмездное пользование и т.д. Нарушение данного положения дает арендодателю право потребовать расторжения договора и возмещения убытков. Очевидно, что при реализации им данного права вещь, ранее переданная, например, даже добросовестному субарендатору, подлежит возврату арендодателю. Приведенное решение поддерживается и в литературе: как отмечает А. А. Павлов, «сдача арендатором без согласия арендодателя вещи в субаренду рассматривается в качестве нарушения арендатором условий использования вещи и является основанием для применения к такому неисправному арендатору мер защиты, включая расторжение договора аренды и отобрание вещи у арендатора, а в силу п. 1 ст. 618 ГК РФ и у субарендатора»³⁰.

В-третьих, в контексте вышеобозначенных проблем обеспечения защиты права собственности иных, помимо обвиняемого, собственников подлежащей конфискации вещи, некорректной выглядит и часть 2 ст. 104.1 УК РФ, допускающая *возможность конфискации соответствующей части имущества*, полученного в результате совершения преступления, и (или) доходов от него, в случае его приобщения к имуществу, приобретенному законным путем. С позиции отечественного учения об общей собственности³¹ изъятие части вещи возможно лишь из делимых

²⁸ Об особом статусе добросовестного приобретателя см., например: постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Н. Дубовца» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 5.

²⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой, А. В. Немировской, З. А. Склановой, Р. М. Склановой и В. М. Ширяева» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 3.

³⁰ Аренда: комментарий к статьям 606–625 и 650–655 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание] / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2023. С. 510 (автор комментария — А. А. Павлов).

³¹ Об этом см.: Суханов Е. А. Вещное право : научно-познавательный очерк. М. : Статут, 2017 ; Залугин С. В. Право общей собственности: понятие, осуществление и защита : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.,

вещей (ст. 133 ГК РФ), в ином случае речь должна идти о конфискации доли в праве собственности на вещь, соответствующей либо вкладу обвиняемого в ее приобретение, либо законодательным предписаниям (например, при приобретении доли по наследству). Иное толкование, становящееся возможным вследствие некорректности используемой в УК РФ законодателем терминологии, порождает в корне не соответствующие гражданскому законодательству выводы, основанные на отождествлении доли в вещи и доли в праве: так, как было отмечено судом по одному из дел, «УК РФ не предусматривает конфискацию 1/2 части автомашины, а также конфискацию имущества третьих лиц, не являющихся осужденными за совершение преступления, предусмотренного статьей 264.1 УК РФ»³². На общем же фоне сложившегося правоприменения, в целом не обращающего внимание на наличие у подлежащей конфискации вещи иного собственника, подобные решения кажутся и вовсе исключительными.

В качестве итога следует отметить, что предусмотренная в ст. 243 ГК РФ отсылка к положениям в том числе уголовного законодательства — проявление межотраслевых связей гражданского права; ее задача состоит в упорядочивании правового регулирования, увязывании, в частности согласовывании, норм³³ гражданского права как основного нормативного базиса, всецело регулирующего имущественные отношения и содержащего соответствующую отсылку, и уголовного, которое должно соответствовать гражданскому в части правового режима конфискации именно как основания прекращения права собственности.

В литературе предлагается развернутая классификация различных коллизионных методов,

обеспечивающих эффективное системное взаимодействие гражданского права и иных отраслей. Так, по мнению М. Ю. Чельшева, к ним стоит отнести правовое оформление общего терминологического поля гражданского права и других правовых отраслей, использование приема правового заимствования, нормативное определение отраслевого приоритета, нормативное разграничение смежных сфер регулирования между гражданским правом и иными правовыми отраслями³⁴. Представленный анализ гл. 15.1 УК РФ свидетельствует о том, что ни один из приведенных методов не был использован законодателем: налицо общая несогласованность гражданского и уголовного законодательства при определении правового режима конфискации как иной меры уголовно-правового характера. Очевидно, абсолютно не достигается «необходимый уровень межотраслевого единства нормативной терминологии»³⁵, что уже порождает и способно порождать в дальнейшем существенные проблемы в обеспечении баланса частных и публичных интересов при назначении и исполнении рассматриваемой принудительной меры. Выходом из сложившейся ситуации явилось бы последовательное реформирование положений уголовного законодательства, ориентированное на их приведение в соответствие с базовым в данной части гражданским законодательством.

2008 ; Мананкова Р. П. Правоотношение общей долевой собственности граждан по советскому законодательству // Общая долевая собственность. Правовой статус членов семьи : основные труды профессора Томского государственного университета Р. П. Мананковой. М. : Статут, 2021. С. 47–60.

³² Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11.07.2023 № 77-1657/2023.

³³ Об этом см.: Чельшев М. Ю. Основные учения о межотраслевых связях гражданского права. С. 440.

³⁴ Об этом см.: Чельшев М. Ю. Основные учения о межотраслевых связях гражданского права. С. 521–526.

³⁵ Чельшев М. Ю. О некоторых тенденциях развития гражданско-правовой отрасли и динамике системы межотраслевых связей гражданского права // Межотраслевые связи гражданского права (к 50-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора М. Ю. Чельшева). С. 310.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аренда: комментарий к статьям 606–625 и 650–655 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание] / отв. ред. А. Г. Карапетов. — М. : М-Логос, 2023. — 816 с.
2. Борченко Д. Ю. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера: понятие, природа, социальное предназначение и порядок применения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2007. — 20 с.
3. Гончарова В. А. Защита прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки в гражданском праве России : монография. — М. : Юстицинформ, 2021. — 248 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Подробный постатейный комментарий с путеводителем по законодательству и судебной практике. Часть I / А. Ю. Беспалов, Ю. Ф. Беспалов, М. С. Варюшин [и др.] ; отв. ред. Ю. Ф. Беспалов. — М. : Проспект, 2017.
5. Гришаев С. П., Богачева Т. В., Свит Ю. П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая // СПС «КонсультантПлюс», 2019.
6. Залугин С. В. Право общей собственности: понятие, осуществление и защита : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — 23 с.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : в 2 т. / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Э. Н. Жевлаков [и др.] ; под ред. А. В. Бриллиантова. Т. 1. — 2-е изд. — М. : Проспект, 2015.
8. Корнилова Н. В. Об отдельных способах принудительного прекращения права собственности // Российский следователь. — 2016. — № 13. — С. 39–43.
9. Кузнецова О. А., Степанов В. В. Межотраслевая природа конфискации имущества // Журнал российского права. — 2018. — № 2. — С. 27–37.
10. Лебедев В. М. Системный анализ в праве // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2015. — № 4 (18). — С. 110–113.
11. Лысенко А. Н. Понятие и виды имущества в гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Самара, 2007. — 27 с.
12. Мананкова Р. П. Правоотношение общей долевой собственности граждан по советскому законодательству // Общая долевая собственность. Правовой статус членов семьи : основные труды профессора Томского государственного университета Р. П. Мананковой. — М. : Статут, 2021. — С. 47–60.
13. Медведев Е. В. Классификация мер уголовно-правового характера как средств реализации функций уголовного права // Российский следователь. — 2021. — № 7.
14. Медведев Е. В. Функциональные и содержательные различия наказания и иных мер уголовно-правового характера // Адвокатская практика. — 2021. — № 4.
15. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование : науч.-практ. пособие / Ю. И. Антонов, В. Б. Боровиков, А. В. Галахова [и др.] ; под ред. А. В. Галаховой. — М. : Норма, 2014.
16. Свириг Ю. А. Когерентность системы права // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 6 (55). — С. 50–55.
17. Свириг Ю. А. Система права как правовая реальность на современном этапе // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 1 (162). — С. 26–33.
18. Сеницын С. А., Позднышева Е. В. Гражданско-правовые санкции за совершение коррупционных правонарушений // Законодательство и экономика. — 2015. — № 5. — С. 7–10.
19. Суханов Е. А. Вещное право : научно-познавательный очерк. — М. : Статут, 2017.
20. Тетюев С. В. Защита прав супруга при наложении ареста на совместно нажитое имущество по уголовному делу // Судья. — 2018. — № 7. — С. 61–64.
21. Торговченков В. И. Актуальные вопросы назначения конфискации автотранспорта как меры уголовно-правового характера // Законность. — 2023. — № 2.

22. Чельшев М. Ю. Межотраслевое правовое регулирование как средство обеспечения публичных интересов в экономической сфере // Межотраслевые связи гражданского права (к 50-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора М. Ю. Чельшева) : Liber Amicorum / отв. ред. Д. Х. Валеев. — М. : Статут, 2021. — С. 272–307.
23. Чельшев М. Ю. О некоторых тенденциях развития гражданско-правовой отрасли и динамике системы межотраслевых связей гражданского права // Межотраслевые связи гражданского права (к 50-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора М. Ю. Чельшева) : Liber Amicorum / отв. ред. Д. Х. Валеев. — М. : Статут, 2021. — С. 308–317.
24. Чельшев М. Ю. Основные учения о межотраслевых связях гражданского права : монография // Межотраслевые связи гражданского права (к 50-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора М. Ю. Чельшева) : Liber Amicorum / отв. ред. Д. Х. Валеев. — М. : Статут, 2021. — С. 423–602.
25. Шишкина О. Е., Бурцева С. С. Правовая определенность в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2021. — № 3. — С. 166–181.

Материал поступил в редакцию 30 января 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Arenda: kommentariy k statyam 606–625 i 650–655 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Elektronnoe izdanie] / отв. ред. А. Г. Карпетов. — М.: М-Logos, 2023. — 816 s.
2. Borchenko D. Yu. Konfiskatsiya imushchestva kak mera ugolovno-pravovogo kharaktera: ponyatie, priroda, sotsialnoe prednaznachenie i poryadok primeneniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Kazan, 2007. — 20 s.
3. Goncharova V. A. Zashchita prav i okhranyaemykh zakonom interesov uchastnikov nedeystvitel'noy sdelki v grazhdanskom prave Rossii: monografiya. — М.: Yustitsinform, 2021. — 248 s.
4. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Podrobnyy postateynyy kommentariy s putevoditelem po zakonodatelstvu i sudebnoy praktike. Chast I / А. Yu. Bepalov, Yu. F. Bepalov, М. S. Varyushin [i dr.]; отв. ред. Yu. F. Bepalov. — М.: Prospekt, 2017.
5. Grishaev S. P., Bogacheva T. V., Svit Yu. P. Postateynyy kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii. Chast pervaya // SPS «KonsultantPlyus», 2019.
6. Zalugin S. V. Pravo obshchey sobstvennosti: ponyatie, osushchestvlenie i zashchita: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — М., 2008. — 23 s.
7. Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynyy): v 2 t. / А. V. Brilliantov, G. D. Dolzhenkova, E. N. Zhevlakov [i dr.]; pod red. А. V. Brilliantova. T. 1. — 2-e izd. — М.: Prospekt, 2015.
8. Kornilova N. V. Ob otdelnykh sposobakh prinuditelnogo prekrashcheniya prava sobstvennosti // Rossiyskiy sledovatel. — 2016. — № 13. — S. 39–43.
9. Kuznetsova O. A., Stepanov V. V. Mezhotraslevaya priroda konfiskatsii imushchestva // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2018. — № 2. — S. 27–37.
10. Lebedev V. M. Sistemnyy analiz v prave // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. — 2015. — № 4 (18). — S. 110–113.
11. Lysenko A. N. Ponyatie i vidy imushchestva v grazhdanskom prave Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Samara, 2007. — 27 s.
12. Manankova R. P. Pravootnoshenie obshchey dolevoy sobstvennosti grazhdan po sovetskomu zakonodatelstvu // Obshchaya dolevaya sobstvennost. Pravovoy status chlenov semi: osnovnye trudy professora Tomskogo gosudarstvennogo universiteta R. P. Manankovoy. — М.: Statut, 2021. — S. 47–60.
13. Medvedev E. V. Klassifikatsiya mer ugolovno-pravovogo kharaktera kak sredstv realizatsii funktsiy ugolovno prava // Rossiyskiy sledovatel. — 2021. — № 7.

14. Medvedev E. V. Funktsionalnye i sodержatelnye razlichiya nakazaniya i inyykh mer ugolovno-pravovogo kharaktera // Advokatskaya praktika. — 2021. — № 4.
15. Otsenochnye priznaki v Ugolovnom kodekse Rossiyskoy Federatsii: nauchnoe i sudebnoe tolkovanie: nauch.-prakt. posobie / Yu. I. Antonov, V. B. Borovikov, A. V. Galakhova [i dr.]; pod red. A. V. Galakhovoy. — M.: Norma, 2014.
16. Svirin Yu. A. Kogerentnost sistemy prava // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2015. — № 6 (55). — S. 50–55.
17. Svirin Yu. A. Sistema prava kak pravovaya realnost na sovremenном etape // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2016. — № 1 (162). — S. 26–33.
18. Sinitsyn S. A., Pozdnysheva E. V. Grazhdansko-pravovye sanktsii za sovershenie korruptsionnykh pravonarusheniy // Zakonodatelstvo i ekonomika. — 2015. — № 5. — S. 7–10.
19. Sukhanov E. A. Veshchnoe pravo: nauchno-poznavatelnyy ocherk. — M.: Statut, 2017.
20. Tetyuev S. V. Zashchita prav supruga pri nalozhenii aresta na sovместno nazhitoe imushchestvo po ugolovnomu delu // Sudya. — 2018. — № 7. — S. 61–64.
21. Torgovchenkov V. I. Aktualnye voprosy naznacheniya konfiskatsii avtotransporta kak mery ugolovno-pravovogo kharaktera // Zakonnost. — 2023. — № 2.
22. Chelyshev M. Yu. Mezhotraslevoe pravovoe regulirovanie kak sredstvo obespecheniya publichnykh interesov v ekonomicheskoy sfere // Mezhotraslevye svyazi grazhdanskogo prava (k 50-letiyu so dnya rozhdeniya doktora yuridicheskikh nauk, professora M. Yu. Chelysheva): Liber Amicorum / otv. red. D. Kh. Valeev. — M.: Statut, 2021. — S. 272–307.
23. Chelyshev M. Yu. O nekotorykh tendentsiyakh razvitiya grazhdansko-pravovoy otrasli i dinamike sistemy mezhotraslevykh svyazey grazhdanskogo prava // Mezhotraslevye svyazi grazhdanskogo prava (k 50-letiyu so dnya rozhdeniya doktora yuridicheskikh nauk, professora M. Yu. Chelysheva): Liber Amicorum / otv. red. D. Kh. Valeev. — M.: Statut, 2021. — S. 308–317.
24. Chelyshev M. Yu. Osnovnye ucheniya o mezhotraslevykh svyazyakh grazhdanskogo prava: monografiya // Mezhotraslevye svyazi grazhdanskogo prava (k 50-letiyu so dnya rozhdeniya doktora yuridicheskikh nauk, professora M. Yu. Chelysheva): Liber Amicorum / otv. red. D. Kh. Valeev. — M.: Statut, 2021. — S. 423–602.
25. Shishkina O. E., Burtseva S. S. Pravovaya opredelennost v praktike Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii // Aziatsko-Tikhookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo. — 2021. — № 3. — S. 166–181.

Ложная информация в уголовном праве: категории заведомой ложности и недостоверности

Аннотация. В статье исследуется субъективная сторона распространения информации, не соответствующей действительности. Для тех норм УК РФ, в которых указан только один из двух признаков — ложность или недостоверность, их содержание следует разграничивать. Признак заведомой ложности свидетельствует о точном знании, что сведения ложные; признак заведомой недостоверности отражает допущение соответствия или несоответствия действительности. Недостаточную проверку или выборочное исследование источников можно относить только к недостоверности. Заведомая ложность не может быть установлена лишь на основании того, что сведения не соответствуют определенным источникам, даже если источники официальные. Установление признаков распространенных сведений должно проходить в два этапа: оценка объективного соответствия или несоответствия действительности, после которой следует оценка субъективного восприятия распространителя. Основа выводов для статей уголовного закона о фейковых новостях — в учении о клевете, для которого понятие заведомой ложности является центральным. При этом при установлении умысла на распространение ложных сведений не следует пользоваться категорией добросовестного заблуждения: она противоречит устойчивому требованию прямого умысла для клеветы и фактически не поддерживается практикой, даже если суд упоминает подобную формулировку в решении. В целом для распространения недостоверных сведений предпочтительны механизмы административной и гражданско-правовой ответственности; в сфере уголовного права криминализовано должно быть исключительно заведомо ложное распространение, поскольку грани допущения истинности или ложности могут быть различными, а многообразие источников и дискуссия необходимы для общественного развития.

Ключевые слова: заведомая ложность; недостоверность; клевета; фейковая информация; общественно значимая информация; фактическое утверждение; форма вины; уголовное право; злоупотребление свободой массовой информации; источник информации.

Для цитирования: Алексеева Т. С. Ложная информация в уголовном праве: категории заведомой ложности и недостоверности // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 12. — С. 120–131. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.120-131.

False Information in Criminal Law: Categories of Deliberate Falsity and Unreliability

Tatyana S. Alekseeva, Postgraduate Student, Department of Criminal Law and Criminology,
Law Faculty, Lomonosov Moscow State University, Lawyer of the Analytical Center
of Criminal Law and Criminology, Moscow, Russian Federation
alexeyevatatiana@mail.ru

Abstract. The paper examines the subjective side of disseminating information that does not correspond to reality. For those provisions of the Criminal Code of the Russian Federation that indicate only one of two characteristics—falsity or unreliability—their content should be distinguished. The sign of deliberate falsity indicates precise knowledge that the information is false; the sign of deliberate unreliability reflects the assumption of correspondence or discrepancy with reality. Insufficient verification or selective examination of sources can only be attributed to unreliability. Deliberate falsity cannot be established solely on the basis that information does not correspond to certain sources, even if the sources are official. The establishment of the characteristics of disseminated information must take place in two stages: an assessment of the objective correspondence or discrepancy with reality, followed by an assessment of the subjective perception of the distributor. The basis for the conclusions for the articles of the criminal law on «fake» news is in the doctrine of defamation, for which the concept of deliberate falsity is central. At the same time, when establishing the intent to disseminate false information, one should not use the category of honest error: it contradicts the stable requirement of direct intent for defamation and is not actually supported by practice, even if the court mentions such wording in the decision. In general, administrative and civil liability mechanisms are preferable for the dissemination of false information; in the sphere of criminal law, only knowingly false dissemination should be criminalized, since the limits of accepting truth or falsity may vary, and a variety of sources and discussion are necessary for social development.

Keywords: deliberate falsity; unreliability; defamation; fake information; socially significant information; factual statement; form of guilt; criminal law; abuse of freedom of the mass media; source of information.

Cite as: Alekseeva TS. False Information in Criminal Law: Categories of Deliberate Falsity and Unreliability. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(12):120-131. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.120-131

Введение

Распространение информации, не соответствующей действительности, характеризует объективную сторону целого ряда преступлений в УК РФ: среди них как составы преступлений, существующие в уголовном праве уже не одно столетие (в частности, клевета и заведомо ложный донос), так и введенные в последние годы нормы о распространении информации, составляющей предмет общественного интереса, например об

обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207.1 УК РФ). Вслед за англоязычным термином «fake news» новые статьи нередко называются статьями о фейках¹.

Объективная характеристика рассматриваемых сведений — их несоответствие действительности: факты или события «не имели места в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения»².

Субъективная сторона распространения ложной информации может быть описана

¹ См., например: Сараев В. В. Спортивные «фейки»: уголовно-правовой и криминологический аспекты в разрезе ст. 207.2 УК РФ // *Российский следователь*. 2023. № 1. С. 40–44 ; Терских А. И. Уголовный закон в реалиях информационного общества: новости фейковые — наказание реальное // *Законность*. 2022. № 8. С. 32–37.

² Абзац 4 п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // *Российская газета*. 2005. № 50.

по-разному: сведения могут быть заведомо ложными или заведомо недостоверными. Увеличение количества норм, устанавливающих уголовную ответственность за распространение не соответствующей действительности информации, — основание особенно точно устанавливать признаки субъективной стороны таких составов преступлений. Кроме того, интенсивное развитие генеративных систем (таких, как ChatGPT) обостряет проблему распространения информации в случаях, когда распространитель не автор, но не перепроверяет сведения. Установить, осознавал ли обвиняемый ложный характер информации, если он, «не будучи источником, выступает лишь в качестве “ретранслятора” таких сведений»³, гораздо сложнее, чем описать его отношение к собственной выдумке (или собственному заблуждению).

В рамках данной статьи не будут рассмотрены «неполные» сведения, поскольку неполнота подразумевает, что субъект обладает систематизированным набором сведений, но часть из них осознанно утаивает. Не сообщается никакой ложной информации, хотя и оказывается влияние на формирование позиции конкретного адресата или неопределенного круга лиц. Например, в диспозиции ч. 4 ст. 170.1 УК РФ установлена ответственность за внесение в реестр владельцев ценных бумаг неполных *или* недостоверных сведений.

Постановка проблемы: законодательная техника

На первый взгляд, законодатель дает некоторые основания не проводить различий между ложностью и недостоверностью: в частности, в п. 1 примечания к статье 322.3 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за фиктивную постановку иностранных граждан или апатри-

дов на учет по месту пребывания, говорится о «заведомо недостоверных (ложных) сведениях или документах». С точки зрения юридической техники относительно специальных видов мошенничества подразумевается, что сообщаемые для хищения сведения могут быть недостоверными *и* ложными либо недостоверными *или* ложными. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по ст. 159.1 УК РФ также подталкивают к выводу, что «для наделения данных категорий разным содержанием оснований нет»⁴, и практика это подтверждает: в приговорах распространена формулировка «путем предоставления заведомо ложных и недостоверных сведений» (например, ложных *и* недостоверных сведений о месте работы и доходах⁵, о трудовом стаже⁶).

Тем не менее данные выводы неприменимы для составов, в которых признаком является исключительно заведомая *ложность* сведений (т.е. для ст. 128.1, 176, 185.3, 207, 306, 354.1 и др.). Сущность общественной опасности таких преступлений именно в распространении не соответствующей действительности информации и отношении к такому распространению, и признаки субъективной стороны в большей степени конкретизированы.

Отождествление ложности и недостоверности недопустимо также потому, что некоторые составы преступлений с признаком заведомой ложности являются смежными по отношению к составам административных правонарушений с признаком заведомой недостоверности. Именно поэтому перед Верховным Судом РФ был поставлен вопрос о соотношении ст. 207.1 УК РФ и ч. 9 и 10 ст. 13.15 КоАП РФ. Нормы различны по целому ряду признаков, начиная от круга возможных субъектов ответственности, однако административные правонарушения, запрещенные частями 9 и 10 ст. 13.15 КоАП РФ, могут быть совершены не только юридическим,

³ Кибальник А. Г. Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию // Законность. 2020. № 5.

⁴ Яни П. С. Фальсификация единых государственных реестров (статья 285.3 УК): вопросы квалификации // Законность. 2021. № 8. С. 38–43.

⁵ Постановление Чусовского городского суда (Пермский край) от 23.03.2021 по делу № 1-64/2021 // URL: www.sudact.ru/regular/doc/Rv2MJKgWZQM/ (дата обращения: 01.03.2023).

⁶ Приговор Бийского городского суда (Алтайский край) от 08.10.2020 по делу № 1-189/2020 // URL: www.sudact.ru/regular/doc/OBCSQwV2gidT/ (дата обращения: 01.03.2023).

но и физическим лицом. В этой связи в литературе приводятся результаты анализа практики мировых судов, согласно которым одни и те же фактические обстоятельства оцениваются как по ст. 207.1 УК РФ, так и по ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ⁷.

Верховный Суд РФ при анализе названных норм обратил внимание на установление условий, целей и мотивов распространения информации, «реальную общественную опасность», вред отношениям в сфере безопасности, но от формулирования позиции по «недостоверности» и «ложности» воздержался⁸. Разное конструирование норм уголовного закона и не способствует появлению четкого ответа на уровне высшей судебной инстанции. Так, например, по конкретному делу проверено и установлено, что фактическое суждение «А» не соответствует действительности. Следующий шаг — установление субъективного отношения распространителя к «А». Сведения сначала оцениваются в рамках объективной истины — действительности как она есть, затем в рамках субъективной — с точки зрения восприятия самим лицом (абсолютная убежденность в неверном факте, по выражению одного из судов, «может быть ошибочной, но никогда заведомо ложной»⁹).

Для дальнейшего анализа сконструируем несколько моделей, где судом установлено, что лицо распространило сведения, не соответствующие действительности:

1) ...будучи уверенным, что они не соответствуют действительности (модель 1);

2) ...допуская, что они могут оказаться не соответствующими действительности (модель 2);

3) ...воспринимая их как действительные, но не проведя проверки фактов, чтобы установить, истинны ли они (модель 3);

4) ...воспринимая их как действительные по итогам анализа определенных источников, вместе с тем понимая, что сведения не соответствовали другим источникам (модель 4).

Заведомая ложность и добросовестное заблуждение: возможность сосуществования?

Модель 1 с очевидностью может быть отнесена к заведомой ложности. Как оценить *допущение*, что распространяемое суждение ложно (модель 2)? Допущение в целом корреспондирует косвенному умыслу в российском уголовном праве, и в этом вопросе нельзя обойтись без исследования клеветы: в отношении нее существует наибольшее число доктринальных и практических разработок в области оценки отношения к истинности информации. Предложение о возможности косвенного умысла для клеветы нечасто, но встречается и сейчас¹⁰, а исторически было крайне распространено. Однако множество элементов, к которым у виновного может быть разное отношение, порождает авторские трактовки того, что именно допускается виновным. При анализе клеветы многие авторы отходят от классического определения умысла по отношению к последствиям. Например, допустить можно сам факт распространения, притом что отсутствие осознания ложности исключает состав преступления¹¹. Допущение возможно

⁷ Харламов Д. Д. Новеллы уголовного закона, связанные с пандемией коронавируса (COVID-19): вопросы квалификации // Уголовное право. 2021. № 5. С. 53.

⁸ Ответ на вопрос № 13 в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории РФ новой коронавирусной инфекции, № 1, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21 апреля 2020 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 5.

⁹ Приговор Николаевского-на-Амуре городского суда Хабаровского края от 06.03.2017 по делу № 10-2/2017 (10-23/16) (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁰ См., например: Рудый Н. К. Уголовно-правовая характеристика клеветы // Российский судья. 2002. № 8.

¹¹ Советское уголовное право. Часть особенная / под общ. ред. А. А. Герцензона и З. А. Вышинской. М., 1951. С. 235–236 (автор главы — А. А. Пионтковский).

по отношению к унижению достоинства потерпевшего в глазах третьих лиц, если при ложном обвинении непосредственно человека в лицо игнорируется, что это слышат, и т.д.¹²

Поскольку в рамках данной статьи рассматривается именно оценка соответствия или несоответствия недействительности, представляет особый интерес позиция Э. Я. Немировского: распространение на авось делает возможным признание клеветы с эвентуальным умыслом. Автор описывает данную форму вины так: «... не уверен в... лживости, и оглашение нельзя назвать заведомо ложным, но не уверен и в справедливости этого обстоятельства и действует на авось: не принимает мер к проверке позорящего слуха и готов на худой конец, чтобы слух не подтвердился, лишь бы произвести сенсацию, поднять тираж газеты или ради других каких-либо целей»¹³. Интересно, что приведенная позиция всё же содержит прямое указание на то, что описанная им ситуация в строгом смысле не является заведомой ложностью, хотя сам автор, очевидно, считает это несправедливым.

Ключевые противоположные грани таковы: абсолютная убежденность в том, что сведения точно соответствуют действительности (заведомая истинность), или абсолютная убежденность в том, что сведения действительности точно не соответствуют (заведомая ложность). Для оценки разных граней допущения (т.е. всех сомнений между этими двумя полюсами) актуализируется категория добросовестного заблуждения, развитая в учении о клевете, но на самом деле

серьезно запутывающая установление признаков субъективной стороны.

Указание на добросовестность воспроизводится в научных работах¹⁴ и судебных решениях¹⁵, но ее содержание раскрывается далеко не всеми и сводится к проверке источников, подмене предположений и догадок утверждениями. По описанию И. Я. Фойницкого: «Оглашение обстоятельств, недостаточно проверенных и впоследствии оказавшихся лживыми, будет клеветой или просто ненаказуемой сплетней, смотря по тому, добросовестно ли почитал их истинными огласивший или допускал их лживость»¹⁶.

Недостаточная проверка имеет разные стандарты и еще больше приближает форму вины в клевете не просто к косвенному умыслу, но к легкомыслию (т.е. к модели 3: когда сведения воспринимаются как действительные, но не проводится их проверка). По этой причине в литературе предпринимается попытка ограничить действие категории добросовестности случаями наличия специальной обязанности по проверке информации, по типу той, что установлена в Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»¹⁷; впрочем, абсолютизировать обязанность СМИ также не стоит, поскольку очевидно, что для журналов «своевременность сообщения является условием успеха», что обуславливает большее доверие к разным лицам — источникам информации и большую поспешность в оценке на предмет достоверности¹⁸.

¹² Ной И. С. Охрана чести и достоинства личности в советском уголовном праве. Саратов, 1959. С. 67.

¹³ Немировский Э. Я. Советское уголовное право. Одесса, 1924. С. 69.

¹⁴ См., например: Марогулова И. Л. Защита чести и достоинства личности. М., 1998. С. 25 ; Чередниченко Е. Е. Клевета и оскорбление: уголовно-правовой анализ (проблемы теории и практики) : монография. М., 2010. С. 44.

¹⁵ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 04.06.2020 № 77-817/2020 ; кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 27.10.2021 № 77-4097/2021 ; апелляционное постановление Волжского городского суда (Волгоградская область) от 23.07.2020 по делу № 10-27/2020 // URL: www.sudact.ru/regular/doc/FZLYZKERZhob/ (дата обращения: 01.03.2023).

¹⁶ Курс уголовного права И. Я. Фойницкого, ординарного профессора С.-Петербургского факультета. Часть особенная. Посягательства на личность и имущество. Изд. 2-е, пересмотр. СПб., 1893. С. 124.

¹⁷ Арямов А. А., Пономаренко В. С. Механизм уголовно-правовой защиты чести и достоинства. М., 2010. С. 169.

¹⁸ Решение Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената № 10 от 18.02.1892 по делу присяжного поверенного Бориса Дорна // Решения Уголовного кассационного департамента

Если мы соглашаемся с утверждением, что состав клеветы может быть исключен *только* добросовестным заблуждением, то недобросовестное заблуждение его не исключает. Допустим, «А» распространяет услышанную им от «В» информацию, в целом считая ее скорее истинной, чем ложной (до конца не уверен). Распространенная информация действительно не соответствует. К сведениям, полученным от «В», ничего не было прибавлено, никакие данные не были искажены. Проверок «А» не проводил, источники по этому вопросу не проверял. Если правоприменитель задастся вопросом, действовал ли «А» на авось, то несложно прийти к выводу, что «надежда (в приведенном примере — надежда «А». — Т. А.) не связана с расчетом на конкретные реальные обстоятельства и лицо рассчитывает на какую-либо случайность», а расчет на авось исключает добросовестные заблуждения¹⁹.

В этой парадигме будет установлен признак заведомой лжности: добросовестность «возвращает» нас к косвенному умыслу и легкомыслию, даже если придерживающиеся этого довода авторы говорят только об умысле прямом. Между тем отношение к достоверности информации многогранно, по ряду вопросов абсолютная уверенность в истинности — скорее исключение, чем правило. Как подчеркивал М. В. Духовской, «даже очевидцы факта могут представлять его себе в ином виде»²⁰.

Если «А» в приведенном примере, распространяя информацию, сказал бы, что «уверен в этом на 90 %», это все равно означало бы, что он *допускает* несоответствие сведений действительности. Получается, что почти абсолютная, но не полная, уверенность в истинности информации отождествляется с заведомой ложностью. Это не подтверждает судебная практика: хотя в решениях довольно устойчиво повторяется формулировка о добросовестности заблуждений, ключевой вывод — заведомая ложность не может быть установлена, если у обвиняемого есть сомнения в лжности. Об этом свидетельствует, например, утверждение, что для установления заведомой лжности «должно быть достоверно известно о лжности сведений, не предусматривая сомнения или сложившегося убеждения в их правоте...»²¹.

Аргумент, что заведомость — «*точное* знание лица о лжности распространяемых им сведений (выделено мной. — Т. А.)»²², устойчиво используется правоприменителем. Общие описания субъективной стороны клеветы в практике кассационных судов часто включают или последовательное приведение терминов «точное знание» и «добросовестное заблуждение» (т.е. по существу взаимоисключающих категорий, поскольку они закладывают разные стандарты отношения, которое требуется доказать)²³, или ссылку *исключительно* на точное знание²⁴.

Правительствующего сената за 1892 год : издание неофициальное. Екатеринбург : Типография Исаака Когана, 1911. С. 27.

¹⁹ Рудый Н. К. Указ. соч.

²⁰ Духовской М. В. Понятие клеветы как преступления против чести частных лиц по русскому праву. Ярославль, 1873. С. 234.

²¹ Суд оставил в силе оправдательный приговор, посчитав умысел на распространение заведомо ложных сведений недоказанным. См.: апелляционное определение Саровского городского суда Нижегородской области от 25.02.2020 по делу № 10-1/2020 // URL: www.sudact.ru/regular/doc/yJdKG8p1GQQQ/ (дата обращения: 17.02.2023).

²² Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 23.12.2020 № 77-2859/2020.

²³ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12.11.2020 № 77-2326/2020.

²⁴ К ссылке на «точное знание» добавляется указание: «При отсутствии доказательств, свидетельствующих о том, что гражданин достоверно знает о лжности распространяемых им в отношении иного лица сведений, он не может нести уголовную ответственность...» См., например: кассационные определения Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 27.04.2021 № 77-824/2021 ; от 22.04.2021 по делу № 77-667/2021.

Некоторые суды дополняют устоявшиеся описания конкретизацией намерения лица причинить вред чести и достоинству. Например, обвиняемой Т. были распространены сведения, что врач-психиатр Ф. И. О. 1 безосновательно поместил в психиатрическую больницу беременную Ф. И. О. 2. При оценке утверждения суд указал, что основанием привлечения лица к ответственности могут быть не недостоверные сведения сами по себе, а только то, что обращение не имело под собой никаких оснований и было продиктовано намерением оклеветать и причинить вред другому лицу. Обвиняемая была оправдана в связи с отсутствием в ее действиях прямого умысла²⁵.

Важно, что аргумент о добросовестном заблуждении актуализируется вовсе не только для клеветы. Например, заведомо ложный донос, смежный с клеветой состав преступления, вопреки позиции отдельных исследователей²⁶, не должен порождать таких колебаний на практике и в доктрине: если лицо, сообщая о совершении преступления, допускает, что оно на самом деле было совершено, невозможно привлечь его к ответственности. По сравнению с клеветой для такого вывода присутствует дополнительное основание: последующая проверка информации правоохранительными органами в таком случае объективно необходима, присутствует публичный интерес.

Таким образом, заведомая ложность — *убежденность* лица в том, что распространяемые сведения не соответствуют действительности (*только* модель 1). *Допущение*, что сведения не соответствуют действительности, исключает признаки составов уголовно наказуемого

распространения заведомо *ложных* сведений: если установлено допущение, то речь может идти исключительно о признаке недостоверности, а не ложности.

Недостоверность: допущения

В различных отраслях юридической науки дается толкование «достоверных» и «недостоверных», и оно гораздо многообразнее по сравнению с антонимичной парой «ложные — истинные». Например, в конституционно-правовой литературе встречается толкование, согласно которому достоверность отражает одновременно точность, непротиворечивость и объективность. В аспекте достоверности анализируется также выборочное предоставление сведений²⁷.

Заслуживает внимания и описание недостоверности, предложенное С. В. Симоновой со ссылкой на экспертное мнение Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. Автор сравнивает разные параметры: с одной стороны, несоответствие действительности (истине), с другой — недостоверность информации, которая «отражает уровень доверия к источнику информации»²⁸. Недостоверность, таким образом, относится не к истинности информации непосредственно, а к тому, насколько она *правдоподобна*, с учетом используемых источников, ссылок, манеры изложения: например, если высказываемые утверждения категоричны, то чем они подкреплены, и т.д.

В уголовно-правовой доктрине, хотя данные понятия некоторыми исследователями рассматриваются как тождественные²⁹, иногда

²⁵ Апелляционный приговор Юстинского районного суда Республики Калмыкия от 29.07.2021 по делу № 10-1/2021.

²⁶ «Добросовестное заблуждение в оценке сообщенных сведений исключает возможность квалификации последних как ложного доноса (выделено мной. — Т. А.)» (Бриллиантов А. Заведомо ложный донос: вопросы квалификации // Уголовное право. 2014. № 3. С. 13–18).

²⁷ Снежко О. А. Обеспечение права на достоверную информацию в цифровом пространстве // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 6.

²⁸ Симонова С. В. Обеспечение достоверности информации в сети Интернет: современные правовые основы и юридическая практика // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11.

²⁹ См., например: Гордейчик С. А. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации // Российская юстиция. 2020. № 6. С. 72.

предлагается смешанный критерий: авторское участие субъекта в создании сведений, а также объем той информации, которая не соответствует действительности. По мнению Н. Г. Иванова, ложные сведения действительности не соответствуют «ни в каком виде и ни в каком варианте», это «плод выдумки», а недостоверные — «могут полностью или частично не соответствовать действительности, но они не являются исключительной выдумкой, фантазией»³⁰. Между тем часто оценить сведения на предмет «выдумки», о которой говорит автор, невозможно: информация получена от других лиц и лишена какого-либо авторского вклада³¹. Однако важна идея Н. Г. Иванова, что недостоверные сведения часто частично основаны на фактах.

Во введении было кратко указано на проблему разграничения ст. 207.1 УК РФ и ч. 9 и 10 ст. 13.15 КоАП РФ. Такое разграничение — по признакам лжнсти и недостоверности — можно провести, только если для характеристики недостоверности избрать именно те варианты, которые связаны с допущением соответствия или несоответствия действительности, недостаточной проверкой информации. Для описания заведомой лжнсти допущения и недостаточная проверка неприемлемы, а потому особые опасения вызывает расширение признака заведомой лжнсти в применении статей о фейках до вешеприведенной модели 4 — обвинений не просто в недостаточной проверке, но в выбо-

рочном использовании источников (это приближает форму вины к небрежности со следующей формулой: «не осознавал лжнсть сведений, но, используя определенные источники и не используя другие, мог и должен был осознавать, что информация действительности не соответствует»).

Отнесение всей работы субъекта с источниками к недостоверности соответствует и значению слов: если «лжнсть» — это несоответствие истине, «неправдивость»³², то «досто-» — частица, используемая для усиления «достоинства или значения» существительного или прилагательного³³, под «достоверным» понимается «не вызывающий сомнений, надежный»³⁴. Следовательно, «недостоверность» как отсутствие качества достоверности означает отсутствие дополнительных причин, оснований доверять полученной информации, «гарантий» ее бесспорности.

Иногда в доктрине используется категория «предположительно ложные сведения»³⁵, но при наличии в законе термина «недостоверные» правильно придерживаться именно его, не умножая сущности. Заведомая недостоверность проявляется в том, что субъект осознает, что информация может *оказаться* неточной или искаженной. Некоторые решения по делам об административных правонарушениях это отражают (именно в административно-правовой, а не в уголовно-правовой плоскости и должны рассматриваться такие дела, поскольку заведо-

«...можно предположить, что ложная информация является недостоверной. <...> Изложенное свидетельствует об идентичности предмета преступления и административного правонарушения (применительно к ст. 207.1, 207.2 УК РФ, ст. 13.15 КоАП РФ. — Т. А.)» (Терских А. И. Указ. соч.).

³⁰ Иванов Н. Г. Объективная сторона распространения ложной информации // Уголовное право. 2020. № 5. С. 66–67.

³¹ Связанная с вымыслом или выдумкой терминология встречается в судебных решениях крайне редко. Например, в оправдательном приговоре 2010 г. описано, что для вменения клеветы лицо должно достоверно знать, что «распространяет вымышленные сведения о поступках человека» (приговор Зилаирского районного суда Республики Башкортостан от 29.04.2010 № 10-2/2010).

³² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 2. С. 241.

³³ Даль В. И. Указ. соч. Т. 1. С. 479.

³⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 16-е, испр. / под ред. д-ра филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. М., 1984. С. 152.

³⁵ Аниськина Э. Г., Муллахметова Н. Е. Проблемы квалификации клеветы // Уголовное право. 2020. № 5. С. 10–11.

мая ложность в этих случаях исключена). Например, в постановлении Бикинского городского суда по ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ описано, что Г., «не убедившись в достоверности общезначимой информации, полученной из неустановленных источников», просила распространить указанные сведения в различных группах в Интернете, при этом «субъективная сторона правонарушения характеризуется умыслом», а умысел «заклучался в намерении распространить заведомо недостоверную общественно значимую информацию под видом достоверной»³⁶. В возбуждении уголовного дела в отношении Г. по ст. 207.1 УК РФ ранее было отказано.

Интерес представляет и оценка судом утверждения, что под грифом «пневмония» маскируют диагноз COVID-19: за распространение данного утверждения З. А. была признана виновной в совершении административного правонарушения, закрепленного в ст. 13.15 КоАП РФ. То, что З. А. «не убедились в достоверности информации», не проверила сведения, не привела доказательств, послужило основанием для признания ее виновной. Ссылка З. А. на отсутствие у нее специальных познаний не была принята судом, поскольку не является основанием распространять информацию без проверки³⁷.

Отсутствие проверки информации, таким образом, не имеет отношения к установлению заведомой ложности, однако свидетельствует о заведомой недостоверности. В целом несложно представить и ситуацию, когда обвиняемый проводил проверку, но по ее результатам не смог удостовериться ни в истинности, ни в ложности информации и принял решение распространить информацию, осознавая, что она может ока-

заться не соответствующей действительности (в большей или меньшей степени). Тогда значение может иметь форма изложения: сведения могут быть оценены на предмет заведомой недостоверности, если изложены как однозначно истинные. Преподнесение суждений как предположений соответствует отношению субъекта в полной мере и исключает возможность привлечения к какому-либо виду публичной ответственности.

Тем не менее в доктрине для установления не просто заведомой недостоверности, но заведомой *ложности* иногда предлагается ориентироваться не на факт проверки информации сам по себе, а на официальные источники (или официальные данные)³⁸. Такие предложения получают справедливую критику. В частности, Д. Ю. Вешняков, комментируя ст. 207.1 УК РФ, отмечает, что источник официальных данных неясен: антропогенные и природные явления могут быть проанализированы в том числе учреждениями и организациями, не относящимися к публичной власти³⁹. Толкование через категорию официальной информации исключает любую форму дискуссии по общественно значимым вопросам.

Об официальных источниках применительно к уголовно-правовым нормам *не* упоминает Верховный Суд РФ в своих обзорах по отдельным вопросам судебной практики. Ответ на вопрос о диспозициях ст. 207.1 и 207.2 УК РФ содержит разъяснение в том же ключе, в каком заведомая ложность устанавливается по делам о клевете. А именно, что заведомо ложная информация «изначально не соответствует действительности, о чем достоверно известно лицу, ее распространявшему»⁴⁰.

³⁶ Постановление Бикинского городского суда (Хабаровский край) от 06.07.2020 по делу № 5-191/2020 // URL: www.sudact.ru/regular/doc/Wef25TkWNGJ/ (дата обращения: 27.02.2023).

³⁷ Решение Усманского районного суда Липецкой области от 30.10.2020 по делу № 12-39/2020.

³⁸ А. П. Кузнецов раскрывает понятие заведомой ложности через полное или частичное несоответствие официальным данным, но дополнительного обоснования этому не приводит. См.: Кузнецов А. П. Уголовно-правовая охрана общественной безопасности: научный обзор ст. 207.1 УК РФ // Российский следователь. 2020. № 10.

³⁹ Вешняков Д. Ю. Квалификация публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207.1 УК) // Законность. 2021. № 7.

⁴⁰ Ответ на вопрос № 12 в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации

Разъяснения Верховного Суда, данные в названных обзорах по отдельным вопросам судебной практики, предлагается распространять и на ч. 1–2 ст. 207.3 УК РФ в силу сходной конструкции составов⁴¹. Уникальной особенностью ст. 207.1–207.3 УК РФ является наличие также признака распространения информации под видом достоверной, что *повышает* необходимость точного установления признаков субъективной стороны, а именно осознанного использования особой формы изложения материала, которая повышала бы доверие реципиента к информации.

Ссылка на источники в обоснование заведомости может быть использована, как представляется, в исключительных случаях. Например, когда предметом исследования суда было утверждение Е., что пандемии COVID-19 на самом деле не существует, в своем решении судья сослался на широкое освещение пандемии в источниках (всех СМИ). Те источники, которые, по версии обвиняемой, она использовала, не были ею конкретизированы — были представлены в общем виде, без уточнения. С точки зрения общественной опасности деяния важно и то, что Е. призывала нарушать установленные в период пандемии запреты, выходить на улицу⁴².

Если речь идет не о широком освещении события, а о противоречивых изложениях фактов в разных источниках, то использование одних источников вместо других само по себе может свидетельствовать только о заведомой недосто-

верности, но никак не о заведомой ложности, но и недостоверность подлежит обязательному доказыванию. Иное толкование превращает формулу «заведомо ложно» в «заведомо не соответствует конкретным источникам». Например, в одном из обвинительных приговоров признано, что обвиняемая распространяла данные из иностранных СМИ и действовала «из ложно понимаемых общественных интересов»⁴³. Однако отбор конкретных видов источников из массы не исключает убежденность лица в том, что сведения в них соответствуют истине, особенно когда суд сам признает, что обвиняемая так понимала общественные интересы.

Заключение

Таким образом, для норм, в которых конструкция состава содержит признак «заведомая ложность» (без указания на заведомую недостоверность), требуется доказать, что обвиняемый был уверен, что информация не соответствует действительности. Любое другое толкование может относиться только к заведомой недостоверности, а для недостоверных сведений применимы иные механизмы: гражданско-правовые (как в случае клеветы и диффамации) или административно-правовые (как в случае смежных со ст. 207.1–207.3 УК РФ административных правонарушений).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аниськина Э. Г., Муллахметова Н. Е. Проблемы квалификации клеветы // Уголовное право. — 2020. — № 5. — С. 6–12.
2. Арямов А. А., Пономаренко В. С. Механизм уголовно-правовой защиты чести и достоинства. — М., 2010. — 376 с.

новой коронавирусной инфекции (COVID-19), № 2, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 апреля 2020 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6.

⁴¹ Есаков Г. А. Уголовное законодательство [спецоперационного] времени // Закон. 2022. № 3. С. 135–136.

⁴² Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 09.11.2021 № 77-4915/2021.

⁴³ Приговор Ленинского районного суда г. Пензы от 03.08.2022 по делу № 1-184/2022.

3. *Бриллиантов А. В.* Заведомо ложный донос: вопросы квалификации // Уголовное право. — 2014. — № 3. — С. 13–18.
4. *Вешняков Д. Ю.* Квалификация публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207.1 УК) // Законность. — 2021. — № 7. — С. 36–40.
5. *Гордейчик С. А.* Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации // Российская юстиция. — 2020. — № 6. — С. 72.
6. *Духовской М. В.* Понятие клеветы как преступления против чести частных лиц по русскому праву. — Ярославль, 1873. — 252 с.
7. *Есаков Г. А.* Уголовное законодательство [спецоперационного] времени // Закон. — 2022. — № 3. — С. 135–138.
8. *Иванов Н. Г.* Объективная сторона распространения ложной информации // Уголовное право. — 2020. — № 5. — С. 64–69.
9. *Кибальник А. Г.* Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию // Законность. — 2020. — № 5. — С. 41–44.
10. *Кузнецов А. П.* Уголовно-правовая охрана общественной безопасности: научный обзор ст. 207.1 УК РФ // Российский следователь. — 2020. — № 10. — С. 52–55.
11. Курс уголовного права И. Я. Фойницкого, ординарного профессора С.-Петербургского факультета. Часть особенная. Посягательства на личность и имущество. — Изд. 2-е, пересмотр. — СПб., 1893. — 440 с.
12. *Марогулова И. Л.* Защита чести и достоинства личности. — М., 1998. — 128 с.
13. *Немировский Э. Я.* Советское уголовное право. — Одесса, 1924. — 292 с.
14. *Ной И. С.* Охрана чести и достоинства личности в советском уголовном праве. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1959. — 125 с.
15. *Рудый Н. К.* Уголовно-правовая характеристика клеветы // Российский судья. — 2002. — № 8. — С. 38–44.
16. *Сараев В. В.* Спортивные «фейки»: уголовно-правовой и криминологический аспекты в разрезе ст. 207.2 УК РФ // Российский следователь. — 2023. — № 1. — С. 40–44.
17. *Симонова С. В.* Обеспечение достоверности информации в сети Интернет: современные правовые основы и юридическая практика // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 11.
18. *Снежко О. А.* Обеспечение права на достоверную информацию в цифровом пространстве // Конституционное и муниципальное право. — 2021. — № 6. — С. 38–43.
19. Советское уголовное право. Часть особенная / под общ. ред. А. А. Герцензона и З. А. Вышинской. — М., 1951. — 431 с.
20. *Терских А. И.* Уголовный закон в реалиях информационного общества: новости фейковые — наказание реальное // Законность. — 2022. — № 8. — С. 32–37.
21. *Харламов Д. Д.* Новеллы уголовного закона, связанные с пандемией коронавируса (COVID-19): вопросы квалификации // Уголовное право. — 2021. — № 5. — С. 43–53.
22. *Чередниченко Е. Е.* Клевета и оскорбление: уголовно-правовой анализ (проблемы теории и практики) : монография. — М., 2010. — 144 с.
23. *Яни П. С.* Фальсификация единых государственных реестров (статья 285.3 УК): вопросы квалификации // Законность. — 2021. — № 8. — С. 38–43.

Материал поступил в редакцию 21 января 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aniskina E. G., Mullakhmetova N. E. Problemy kvalifikatsii klevety // Uголовное право. — 2020. — № 5. — S. 6–12.
2. Aryamov A. A., Ponomarenko V. S. Mekhanizm uголовно-правовой zashchity chesti i dostoinstva. — M., 2010. — 376 s.
3. Brilliantov A. V. Zavedomo lozhnyy donos: voprosy kvalifikatsii // Uголовное право. — 2014. — № 3. — S. 13–18.
4. Veshnyakov D. Yu. Kvalifikatsiya publichnogo rasprostraneniya zavedomo lozhnoy informatsii ob obshchественных, predstavlyayushchikh ugrozu zhizni i bezopasnosti grazhdan (st. 207.1 UK) // Zakonnost. — 2021. — № 7. — S. 36–40.
5. Gordeychik S. A. Uголовная otvetstvennost za publichnoe rasprostranenie zavedomo lozhnoy informatsii // Rossiyskaya yustitsiya. — 2020. — № 6. — S. 72.
6. Dukhovskoy M. V. Ponyatie klevety kak prestupleniya protiv chesti chastnykh lits po russkomu pravu. — Yaroslavl, 1873. — 252 s.
7. Esakov G. A. Uголовное zakonodatelstvo [spetsoperatsionnogo] vremeni // Zakon. — 2022. — № 3. — S. 135–138.
8. Ivanov N. G. Obektivnaya storona rasprostraneniya lozhnoy informatsii // Uголовное право. — 2020. — № 5. — S. 64–69.
9. Kibalnik A. G. Uголовно-правовая reaktsiya na koronavirusnyuyu pandemiyu // Zakonnost. — 2020. — № 5. — S. 41–44.
10. Kuznetsov A. P. Uголовно-правовая okhrana obshchestvennoy bezopasnosti: nauchnyy obzor st. 207.1 UK RF // Rossiyskiy sledovatel. — 2020. — № 10. — S. 52–55.
11. Kurs uголовного prava I. Ya. Foynitskogo, ordinarnogo professora S.-Peterburgskogo fakulteta. Chast osobennaya. Posyagatelstva na lichnost i imushchestvo. — Izd. 2-e, peresmotr. — SPb., 1893. — 440 s.
12. Marogulova I. L. Zashchita chesti i dostoinstva lichnosti. — M., 1998. — 128 s.
13. Nemirovskiy E. Ya. Sovetskoe uголовное право. — Odessa, 1924. — 292 s.
14. Noy I. S. Okhrana chesti i dostoinstva lichnosti v sovetskom uголовном prave. — Saratov: Izdatelstvo Saratovskogo universiteta, 1959. — 125 s.
15. Rudy N. K. Uголовно-правовая kharakteristika klevety // Rossiyskiy sudya. — 2002. — № 8. — S. 38–44.
16. Saraev V. V. Sportivnye «feyki»: uголовно-правовoy i kriminologicheskoy aspekty v razreze st. 207.2 UK RF // Rossiyskiy sledovatel. — 2023. — № 1. — S. 40–44.
17. Simonova S. V. Obespechenie dostovernosti informatsii v seti Internet: sovremennyye pravovyye osnovy i yuridicheskaya praktika // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2020. — № 11.
18. Snezhko O. A. Obespechenie prava na dostovernuyu informatsiyu v tsifrovom prostranstve // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe право. — 2021. — № 6. — C. 38–43.
19. Sovetskoe uголовное право. Chast osobennaya / pod obshch. red. A. A. Gertsenzona i Z. A. Vyshinskoy. — M., 1951. — 431 s.
20. Terskikh A. I. Uголовный zakon v realiyakh informatsionnogo obshchestva: novosti feykovy — nakazanie realnoe // Zakonnost. — 2022. — № 8. — S. 32–37.
21. Kharlamov D. D. Novelly uголовного zakona, svyazannyye s pandemiye koronavirusa (COVID-19): voprosy kvalifikatsii // Uголовное право. — 2021. — № 5. — S. 43–53.
22. Cherednichenko E. E. Kleveta i oskorblenie: uголовно-правовoy analiz (problemy teorii i praktiki): monografiya. — M., 2010. — 144 s.
23. Yani P. S. Falsifikatsiya edinykh gosudarstvennykh reestrov (statya 285.3 UK): voprosy kvalifikatsii // Zakonnost. — 2021. — № 8. — S. 38–43.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.132-141

Т. Ю. Вилкова*,
Т. Ю. Максимова**,
А. А. Ничипоренко***

Перспективы развития уголовного судопроизводства в условиях цифровизации общества и государства

Аннотация. В статье на основе анализа новейших изменений уголовно-процессуального законодательства, правовых позиций Пленума Верховного Суда РФ и правоприменительной практики по уголовным делам показаны отдельные направления дальнейшего совершенствования применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве. Обосновано предложение о наделении правом дистанционного свидания обвиняемого с защитником на территории следственного изолятора с использованием систем видео-конференц-связи в отношении всех защитников, в том числе не имеющих статуса адвоката. Показана необходимость распространить возможность дистанционных свиданий защитника с лицом, содержащимся под стражей, на помещения судов. Подвергнута критике практика использования в качестве доказательства нотариально заверенного заявления потерпевшего, который участвует в судебном разбирательстве дистанционно, о входящих в предмет доказывания обстоятельствах вместо его допроса с использованием видео-конференц-связи. Изложены доводы о том, что отсутствие в протоколе следственного действия указания на все изъятые предметы и их описания является существенным нарушением закона, влекущим недопустимость полученных доказательств. Дается оценка применению цифровых технологий при производстве следственных действий в целях недопущения таких нарушений.

© Вилкова Т. Ю., Максимова Т. Ю., Ничипоренко А. А., 2024

* *Вилкова Татьяна Юрьевна*, доктор юридических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
tvilkova@yandex.ru

** *Максимова Татьяна Юрьевна*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
irbis-21@yandex.ru

*** *Ничипоренко Александр Александрович*, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
aanichiporenko@msal.ru

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; цифровые технологии; видео-конференц-связь; дистанционное участие; право обвиняемого на защиту; обвиняемый; защитник; показания; вещественные доказательства; протокол следственного действия; изъятие.

Для цитирования: Вилкова Т. Ю., Максимова Т. Ю., Ничипоренко А. А. Перспективы развития уголовного судопроизводства в условиях цифровизации общества и государства // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 12. — С. 132–141. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.132-141.

Благодарности. Публикация подготовлена в рамках выполнения работ по государственному заданию на тему «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы» (FSMW-2023-0006). Регистрационный номер ЕГИСУ НИОКТР: 124012000079-6.

Prospects for the Criminal Proceedings Development in the Context of Digitalization of Society and the State

Tatyana Yu. Vilkova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Acting Head of the Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
tvilkova@yandex.ru

Tatyana Yu. Maksimova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
irbis-21@yandex.ru

Alexander A. Nichiporenko, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
aanichiporenko@msal.ru

Abstract. An analysis of the latest changes in criminal procedure legislation, the legal positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and law enforcement practice in criminal cases shows individual areas for further improvement of the use of digital technologies in criminal proceedings. The proposal to grant the right to a remote meeting between the accused and the defense attorney on the territory of the pre-trial detention facility using video conferencing systems is substantiated in relation to all defense attorneys, including those who do not have the status of an advocate. There is a need to extend the possibility of remote meetings between a defense attorney and a person in custody to court premises. The authors criticize the practice of using as evidence a notarized statement on the circumstances included in the subject of proof from a victim, who is participating in the trial remotely, instead of questioning him using video conferencing. Arguments are presented that the absence in the investigative action report of an indication of all seized items and their descriptions is a significant violation of the law, which entails the inadmissibility of the evidence obtained. An assessment is given of the use of digital technologies in the conduct of investigative actions in order to prevent such violations.

Keywords: criminal proceedings; digital technologies; videoconferencing; remote participation; right of the accused to defense; accused; defense counsel; testimony; material evidence; investigation report; seizure.

Cite as: Vilkova TYu, Maksimova TYu, Nichiporenko AA. Prospects for the Criminal Proceedings Development in the Context of Digitalization of Society and the State. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(12):132-141. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.132-141

Acknowledgements. The paper was prepared within the framework of the state task «The Russian legal system in the realities of the digital transformation of society and the state: adaptation and prospects for responding to modern challenges and threats (FSMW-2023-0006)». Registration number EGISU R&D: 124012000079-6.

Введение

Интенсивное развитие цифровых технологий и их внедрение в уголовное судопроизводство позитивно сказываются на соблюдении сроков уголовно-процессуальной деятельности и обеспечении прав участников.

Всё более широкое влияние цифровизации общества и государства на порядок уголовно-процессуальной деятельности потребовало как проведения комплексных научных исследований¹, так и анализа отдельных аспектов этого процесса. Однако ни внедрение цифровых технологий в уголовное судопроизводство, ни его доктринальное осмысление нельзя признать завершёнными, о чем свидетельствует то, что только за последний год в УПК РФ внесен ряд изменений, предоставляющих новые возможности использования цифровых технологий при производстве по уголовным делам; Пленумом Верховного Суда РФ даны разъяснения по отдельным аспектам их применения; правоприменительная практика выявила некоторые дискуссионные вопросы в этой сфере. Анализ законодательства и судебной практики за 2024 г. позволяет не только увидеть основные направления новейшего развития цифровизации уголовного судопроизводства, но и обосновать выводы и предложения относительно дальнейших перспектив этого процесса. При этом настоящая работа не претендует на всеобъемлющий анализ всех возможных направлений применения цифровых технологий при производстве по уголовным делам, который невозможен в рамках

одной научно-практической статьи, но содержит предложения, обусловленные новеллами правового регулирования и судебными решениями за 2024 г.

Анализ развития законодательства по вопросам применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве за 2024 г.

При достаточно сдержанном, неспешном, поэтапном внесении изменений в УПК РФ и иные правовые акты в части использования цифровых технологий законодатель последовательно расширяет пределы и способы их применения, допуская дистанционное производство ряда следственных и иных процессуальных действий, постепенно развивая электронный документооборот в уголовном судопроизводстве, устанавливая особенности изъятия и хранения электронных носителей информации и т.д. Например, с 1 января 2024 г. стало возможным изготовление копий процессуальных документов в форме электронного документа². Причем всё более масштабное применение цифровых технологий затрагивает не только собственно уголовно-процессуальную деятельность, но и смежные области, включая решение различных вопросов, связанных с нахождением лица в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Так, с 5 февраля 2025 г. станут возможными свидания подозреваемых и обвиняемых с защитником на территории следственного изолятора с использованием систем видео-

¹ См.: Высокотехнологичный уголовный процесс : монография / под ред. С. В. Зуева, Л. Н. Масленниковой. М. : Юрлитинформ, 2023 ; Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий (ГАС «Доступ к правосудию») : монография / отв. ред. Л. Н. Масленникова. М. : Норма, Инфра-М, 2022 ; Уголовное судопроизводство: трансформация теоретических представлений и регулирования в условиях цифровизации : монография / отв. ред. Л. А. Воскобитова, В. И. Пржиленский. М. : Норма, Инфра-М, 2022.

² Федеральный закон от 25.12.2023 № 672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 1 (ч. I). Ст. 53.

конференц-связи. Одновременно внесены корреспондирующие изменения в Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»³.

Между тем новые правовые нормы несвободны от критических замечаний.

При позитивном значении указанных новых законодательных положений, призванных существенно сократить время ожидания адвокатов на доставление подозреваемых, обвиняемых в помещение (кабинет) для свиданий и тем самым создающих дополнительные гарантии права на защиту от уголовного преследования, эти нормы могут быть истолкованы в правоприменительной практике как распространяющиеся исключительно на адвокатов, поскольку имеется указание на сохранение адвокатской тайны. Между тем в качестве защитников по определению или постановлению суда могут быть допущены, наряду с адвокатом, один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый (ч. 2 ст. 49 УПК РФ). Необходимо более четко в законе определить, что норма о свиданиях подозреваемых и обвиняемых с защитником на территории следственного изолятора с использованием систем видео-конференц-связи распространяется и на эту категорию защитников.

Кроме того, следует распространить возможность дистанционных, с использованием систем видео-конференц-связи, свиданий защитника с лицом, содержащимся под стражей, на помещения судов. Такая необходимость может возникнуть, например, при рассмотрении дела Президиумом Верховного Суда РФ, действующего в качестве суда надзорной инстанции. При нахождении защитника в Москве, а осужденного — в учреждении уголовно-исполнительной системы в другом регионе предоставление возможности такого свидания до заседания Президиума Верховного Суда РФ (как в день самого заседания, так и в предшествующие дни) станет

дополнительной гарантией права обвиняемого на защиту.

В настоящее время суды в отдельных случаях предоставляют возможность кратковременного дистанционного свидания защитника и подсудимого, осужденного (при котором защитник находится в пустом зале судебного заседания, а подсудимый, осужденный — в учреждении уголовно-исполнительной системы, например в исправительной колонии), однако это, во-первых, не регламентировано законом и, во-вторых, применяется на практике только в связи и в рамках судебного заседания, но не в качестве автономного свидания и на непродолжительное время.

Нельзя исключить, что в зависимости от конструкции здания суда дистанционное, с использованием видео-конференц-связи, свидание защитника с лицом, содержащимся под стражей (подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, осужденным), может потребоваться и в тех случаях, когда защитник и доверитель находятся в здании (на территории) одного и того же суда, но в разных помещениях.

Анализ разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и правоприменительной практики по вопросам применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве за 2024 г.

Определенные шаги в направлении расширения использования электронных документов сделаны Пленумом Верховного Суда РФ, который разъяснил, что при наличии технической возможности копия постановления об освобождении осужденного в порядке ч. 5 ст. 173 УИК РФ (в случае принятия судом решения об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания или замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания), изготовленная в форме электронного документа (в том числе в виде электронного образа судебного решения),

³ Федеральный закон от 08.08.2024 № 267-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4963 ; Федеральный закон от 08.08.2024 № 269-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений”» // СЗ РФ. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4965.

заверенная усиленной квалифицированной электронной подписью, направляется в учреждение или орган, исполняющие наказание, а также в суд, постановивший приговор, посредством указанных в ч. 5 ст. 474.1 УПК РФ систем⁴. Как и иные положения о применении цифровых технологий в уголовном судопроизводстве, данное разъяснение направлено на ускорение процессуальной деятельности (соблюдение принципа разумного срока уголовного судопроизводства) и тем самым — на обеспечение прав участников.

Иных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по рассматриваемым вопросам за указанный период не принималось. При этом отдельные выявленные правоприменительной практикой дискуссионные вопросы могут быть разрешены путем дачи таких разъяснений. Причем в первую очередь анализу подлежат решения судебных коллегий Верховного Суда РФ, поскольку именно они, как постановленные высшим судебным органом по уголовным делам, вызывают наибольший интерес нижестоящих судов, служат востребованным ориентиром для принятия ими решений.

Особое значение правоприменительным решениям по вопросам использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве придает то, что они затрагивают не технические аспекты применения этих технологий, а фундаментальные вопросы доказывания по уголовным делам и обеспечения прав участников.

В этой связи представляет интерес определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, в котором рассматриваются вопросы дистанционного участия потерпевшего в судебном разбирательстве и возможность использования в доказывании вместо показаний такого потерпевшего его нотариально заверенного заявления⁵.

Как следует из материалов дела, допрос потерпевшей П. в судебном заседании проводился дистанционно (посредством конференц-связи) в целях исполнения указа Мэра Москвы от 19.11.2021 № 61-УМ «О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 08.06.2020 № 68-УМ» и предупреждения распространения в г. Москве инфекции, вызванной коронавирусом (COVID-19).

В связи с введением ограничений, вызванных эпидемиологической ситуацией, личность П. была установлена на основании заверенной выписки из ее паспорта, ей были разъяснены права, обязанности и ответственность, предусмотренные статьей 42 УПК РФ, статьей 51 Конституции РФ. Представителем потерпевшей П. — С. А. Пархоменко в судебное заседание также был представлен нотариально удостоверенный оригинал заявления П., в котором она пояснила обстоятельства дела, связанные с хищением автомобиля.

В судебном заседании П. были разъяснены положения ст. 42 УПК РФ, и она была предупреждена об ответственности за дачу заведомо ложных показаний по ст. 306, 307 УПК РФ. П. полностью подтвердила изложенные в заявлении и зафиксированные нотариусом показания и, воспользовавшись своим правом, предусмотренным статьей 51 Конституции РФ, отказалась от дачи дальнейших показаний. По ходатайству представителя потерпевшей указанное заявление было приобщено к материалам дела.

Отсутствие в деле подписки о предупреждении П. об уголовной ответственности за дачу ложных показаний не свидетельствует об их недопустимости.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ признала отсутствие оснований полагать, что допрос потерпевшей, равно

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 № 21 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 8.

⁵ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.04.2024 № 41-УД24-З-К4 (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

как и ее представителя — А. И. Говоруна, был проведен с нарушением требований уголовно-процессуального закона, а также ставить под сомнение допустимость показаний П.

Изложенная в данном определении позиция о допустимости использования в доказывании показаний потерпевшего, изложенных в письменном заявлении и заверенных нотариусом (без предупреждения об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний), не бесспорна и требует дополнительного разъяснения в постановлении Пленума Верховного Суда РФ. Данное разъяснение необходимо для разрешения вопроса о том, могут ли быть признаны доказательствами заверенные нотариусом заявления тех или иных лиц, включая потерпевших по уголовному делу, с учетом того, что:

а) статьи 102 и 103 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате предусматривают возможность совершения нотариального действия в виде обеспечения доказательств в случае возникновения дела в судах или административных органах, при этом при выполнении процессуальных действий по обеспечению доказательств нотариус руководствуется соответствующими нормами гражданского процессуального (а не уголовно-процессуального) законодательства Российской Федерации (ч. 3 ст. 103 Основ);

б) в порядке обеспечения доказательств нотариус допрашивает свидетелей, производит осмотр письменных и вещественных доказательств, осмотр информации, находящейся в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», назначает экспертизу (ч. 1 и 2 ст. 103 Основ). В законе отсутствует упоминание о возможности допроса потерпевшего (а равно подозреваемого, обвиняемого);

в) при допросе свидетелей нотариусом в отличие от допроса при производстве по уголовному делу не осуществляется предупреждение лица об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных

показаний. Между тем такое предупреждение является гарантией доброкачественности получаемых показаний.

В связи с изложенным желательно включить в постановление Пленума Верховного Суда РФ разъяснение о допустимости или недопустимости использования в доказывании по уголовному делу заверенных нотариусом заявлений участников уголовного судопроизводства, в том числе о том, отвечают ли такие документы требованиям, предъявляемым к показаниям или иным документам.

Анализ выявленных правоприменительной практикой дискуссионных вопросов доказывания в уголовном процессе, которые могут быть решены благодаря расширению использования цифровых технологий

В правоприменительной практике целый ряд вопросов в сфере доказывания носили дискуссионный характер в предыдущие годы и сохранили его и теперь⁶. Так, достаточно часто возникают вопросы, связанные с законностью получения в деле вещественных доказательств. Например, не решено, является ли нарушением уголовно-процессуального закона отсутствие в протоколе осмотра места происшествия указания на изъятые предметы. Такой вопрос был поставлен в 2024 г. в обращении, поступившем авторам настоящей статьи в рамках научно-экспертной деятельности.

Как известно, в соответствии с ч. 2 ст. 50 Конституции РФ при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. Одним из обязательных элементов допустимости доказательств является соблюдение предусмотренного законом порядка закрепления (фиксации) собираемых сведений.

Как подчеркивает Пленум Верховного Суда РФ, доказательства считаются недопустимыми (недоброкачественными), когда был нарушен порядок их собирания и закрепления⁷.

⁶ Например, см.: Власов Ю. Я. Допустимость доказательств в уголовном процессе: понятие и критерии оценки // Законность. 2023. № 3. С. 57–60.

Важнейшим способом закрепления собранных при производстве следственных действий доказательств является составление протокола следственного действия, в котором описываются процессуальные действия в том порядке, в каком они производились, выявленные при их производстве существенные для данного уголовного дела обстоятельства, а также излагаются заявления лиц, участвовавших в следственном действии (ч. 4 ст. 166 УПК РФ).

Протокол следственного действия позволяет проверить соблюдение предусмотренной законом процедуры изъятия, передачи и принятия предметов и документов, могущих иметь или имеющих доказательственное значение, и тем самым удостовериться в их законном (в уголовно-процессуальном смысле) происхождении и доброкачественности.

Порядок производства *осмотра* в уголовном процессе закреплен в ст. 177 УПК РФ. В составленном при его производстве протоколе описывается, что именно и в какой последовательности было сделано, обнаружено и изъято, перечисляются и описываются все изъятые предметы (ч. 2 ст. 180 УПК РФ). Кроме того, в протоколе следственного действия, во время производства которого предмет был обнаружен, должны быть отражены индивидуальные признаки предмета, его специфические особенности, следы на предмете, имеющие значение для дела (ч. 3 ст. 177 УПК РФ).

Таким образом, отражение в протоколе лишь факта обнаружения тех или иных предметов без указания на их последующее изъятие, осмотр, упаковку, опечатывание, скрепление подписью следователя (а также понятых при их участии)

является прямым нарушением ч. 2 и 3 ст. 177 УПК РФ и влечет невозможность использования изъятых таким образом предметов в качестве доказательств.

Аналогичную правовую позицию занимает и Конституционный Суд РФ, который неоднократно указывал, что «осмотр следов преступления и иных обнаруженных предметов производится на месте производства следственного действия, за исключением случаев, если для производства осмотра требуется продолжительное время или осмотр на месте затруднен, — тогда подлежащие осмотру предметы должны быть изъяты, упакованы, опечатаны, заверены подписью следователя на месте осмотра, причем в протоколе по возможности указываются индивидуальные признаки и особенности изымаемых предметов»⁸. Указанные положения призваны обеспечить сохранность доказательственной информации⁹.

Необходимость соблюдения всех указанных требований закона, включая отражение в протоколе осмотра места происшествия не только факта обнаружения предметов в ходе его производства, но и факта их изъятия, подчеркивается во всех доктринальных исследованиях по вопросам доказательственного права в уголовном судопроизводстве.

В «Курсе уголовного процесса» под ред. проф. Л. В. Головки, — издании, завоевавшем несомненный авторитет у специалистов в области уголовно-процессуального права, — отмечается, что соблюдение указанной последовательности предусмотренных законом действий и решений в отношении обнаруженных предметов «обеспечивает доказательственную аутен-

⁷ Абзац 2 п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия».

⁸ Определения Конституционного Суда РФ от 29.05.2019 № 1213-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью “Транс Ойл” на нарушение конституционных прав и свобод частью третьей статьи 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; от 28.11.2019 № 3205-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Габашвили Игоря Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 176 и частью второй статьи 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 31.05.2022 № 1385-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Щулепова Николая Евгеньевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

тичность предмета при последующих исследовании, проверке, оценке и т.д. данного доказательства»¹⁰.

Действительно, указание в протоколе следственного действия не только на обнаружение предмета, но и на его изъятие легализует данный предмет, указывает источник его происхождения и потому позволяет использовать его в качестве доказательства¹¹.

Напротив, указание в протоколе осмотра лишь на обнаружение предмета и отсутствие записи о его изъятии могут интерпретироваться исключительно в соответствии с буквальным прочтением протокола — как то, что некий предмет (например, мобильный телефон) был обнаружен, но не был изъят.

Данный подход используется и в правоприменительной практике: невозможность установления источника получения предмета влечет признание его недопустимым доказательством. Например, суд признал недопустимыми доказательствами представленные государственным обвинителем фотографии, поскольку стороной обвинения не был указан источник получения фотографий, что лишило суд возможности проверить данное доказательство¹².

Отнюдь не все обнаруженные при осмотре места происшествия объекты подлежат непременно изъятию, но лишь те, которые, как подчеркивает Конституционный Суд РФ, могут иметь отношение к уголовному делу¹³. Поэтому, например, если в деле был проведен осмотр места происшествия, в ходе которого были обнаружены предметы, но в протоколе осмотра места происшествия отсутствует указание на их изъятие, то данные предметы не могут

считаться изъятными надлежащими образом и в дальнейшем быть признаны допустимыми доказательствами. Кроме того, если в протоколе указываются лишь общие сведения о предмете без его идентификации, это тоже является нарушением требований УПК РФ, например, если указаны лишь марки изъятых телефонов, без каких-либо данных, позволяющих их идентифицировать, и без указания модели каждого из них, т.е. в протоколе осмотра отсутствуют индивидуальные признаки и особенности обнаруженных телефонов, как того требует часть 3 ст. 177 УПК РФ.

Иное истолкование вступило бы в противоречие с требованием о толковании неустранимых сомнений в виновности лица в пользу обвиняемого и создало бы риск того, что всякий предмет с соответствующими характеристиками (например, мобильный телефон определенной марки) может быть выдан за тот, который был обнаружен в ходе осмотра места происшествия, хотя бы это и не соответствовало действительности. В дальнейшем использование такого предмета в доказывании может детерминировать постановление незаконного, необоснованного и несправедливого приговора.

Говоря о нарушении требований УПК РФ необходимо оценить, является ли нарушение уголовно-процессуального закона существенным. Закон не содержит положений о существенности нарушения как условия признания доказательства недопустимым (ч. 2 ст. 50 Конституции РФ). Однако согласно п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции

¹⁰ Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М. : Статут, 2016. С. 511.

¹¹ Можно провести параллель с используемым нумизматами и любителями антиквариата термином «провенанс» (фр. «provenance» — происхождение, источник), означающим историю владения предметом, сведения о его происхождении. Наличие у предмета антиквариата провенанса расценивается как гарантия его подлинности.

¹² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 07.11.2014 № 23-АПУ14-10 ; постановление Президиума Верховного Суда РФ от 31.05.2023 № 121П22.

¹³ Определение Конституционного Суда РФ от 05.03.2014 № 518-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Брамма Виталия Викторовича и Навального Алексея Анатольевича на нарушение их конституционных прав пунктом 43 статьи 5, статьями 144 и 176 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

(общий порядок судопроизводства)» при рассмотрении ходатайства стороны о признании доказательств недопустимыми в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ суд должен выяснять, в чем конкретно выразилось нарушение требований уголовно-процессуального закона. Доказательства признаются недопустимыми, в частности, если были допущены *существенные* нарушения установленного уголовно-процессуальным законодательством порядка их собирания и закрепления.

Понятие «существенные нарушения» применительно к допустимости доказательств является исключительно оценочным¹⁴. Именно поэтому правоприменительная практика достаточно различна. Выше были приведены примеры, согласно которым доказательства исключались. Однако есть и обратные ситуации¹⁵.

Впрочем, то, что отражение в протоколе осмотра места происшествия изъятия того или иного предмета только и позволяет проверить законность его появления в уголовном деле, установить связь между этим объектом с одной

стороны и предметом доказывания по уголовному делу — с другой, приводит к выводу о том, что отсутствие указания на изъятие предмета во всех случаях является нарушением именно существенным, лишаящим данный предмет доказательственного значения.

Кроме того, как подчеркивает Конституционный Суд РФ, в случае сомнений, что нарушение закона, допущенное при собирании доказательств, является существенным, оно должно признаваться таковым в силу правила толкования неустраиваемых сомнений в пользу обвиняемого¹⁶.

Представляется, что достоверность сведений, получаемых при производстве следственных действий, может быть обеспечена путем внедрения электронного уголовного дела, но при условии, что будут нивелированы риски вторжения извне в электронную среду¹⁷.

Реализация совокупности указанных предложений будет направлена на дальнейшее развитие применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве в целях достижения его назначения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Власов Ю. Я. Допустимость доказательств в уголовном процессе: понятие и критерии оценки // Законность. — 2023. — № 3. — С. 57–60.
2. Вилкова Т. Ю. Реализация конституционной обязанности государства обеспечить доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 8. — С. 155–163. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.117.8.155-163.
3. Вилкова Т. Ю., Масленникова Л. Н. Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов — к электронному уголовному делу // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2019. — № 46. — С. 728–751. — DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-728-751.
4. Высокотехнологичный уголовный процесс : монография / под ред. С. В. Зуева, Л. Н. Масленниковой. — М. : Юрлитинформ, 2023. — 216 с.

¹⁴ Смирнов А. В. К вопросу о признании доказательств недопустимыми в уголовном процессе: экзистенциальный принцип // Уголовное судопроизводство. 2024. № 3. С. 20–23.

¹⁵ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21.02.2023 № 48-УД23-1-А2.

¹⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 № 1035-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Богославского Сергея Ивановича на нарушение его конституционных прав статьями 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

¹⁷ См. подробнее: Вилкова Т. Ю., Масленникова Л. Н. Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов — к электронному уголовному делу // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 46. С. 728–751. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-728-751.

5. Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий (ГАС «Доступ к правосудию») : монография / отв. ред. Л. Н. Масленникова. — М. : Норма, Инфра-М, 2022. — 664 с.
6. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. — М. : Статут, 2016. — 752 с.
7. Смирнов А. В. К вопросу о признании доказательств недопустимыми в уголовном процессе: экзистенциальный принцип // Уголовное судопроизводство. — 2024. — № 3. — С. 20–23. — DOI: 10.18572/2072-4411-2024-3-20-23.
8. Уголовное судопроизводство: трансформация теоретических представлений и регулирования в условиях цифровизации : монография / отв. ред. Л. А. Воскобитова, В. И. Пржиленский. — М. : Норма, Инфра-М, 2022. — 288 с.

Материал поступил в редакцию 1 сентября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vlasov Yu. Ya. Dopustimost dokazatelstv v ugolovnom protsesse: ponyatie i kriterii otsenki // Zakonnost. — 2023. — № 3. — S. 57–60.
2. Vilkova T. Yu. Realizatsiya konstitutsionnoy obyazannosti gosudarstva obespechit dostup k pravosudiyu v usloviyakh razvitiya tsifrovyykh tekhnologiy // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2020. — T. 15. — № 8. — S. 155–163. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.117.8.155-163.
3. Vilkova T. Yu., Maslennikova L. N. Zakonnost i unifikatsiya v ugolovnom sudoproizvodstve: ot blankov protsessualnykh dokumentov — k elektronnomu ugolovnomu delu // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2019. — № 46. — S. 728–751. — DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-728-751.
4. Vysokotekhnologichnyy ugolovnyy protsess: monografiya / pod red. S. V. Zueva, L. N. Maslennikovoy. — M.: Yurlitinform, 2023. — 216 s.
5. Kontseptsiya postroeniya ugolovnogogo sudoproizvodstva, obespechivayushchego dostup k pravosudiyu v usloviyakh razvitiya tsifrovyykh tekhnologiy (GAS «Dostup k pravosudiyu»): monografiya / отв. ред. Л. Н. Масленникова. — М.: Норма, Инфра-М, 2022. — 664 с.
6. Kurs ugolovnogogo protsessa / pod red. L. V. Golovko. — M.: Statut, 2016. — 752 s.
7. Smirnov A. V. K voprosu o priznanii dokazatelstv nedopustimymi v ugolovnom protsesse: ekzistentsialnyy printsip // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. — 2024. — № 3. — S. 20–23. — DOI: 10.18572/2072-4411-2024-3-20-23.
8. Ugolovnoe sudoproizvodstvo: transformatsiya teoreticheskikh predstavleniy i regulirovaniya v usloviyakh tsifrovizatsii: monografiya / отв. ред. Л. А. Воскобитова, В. И. Пржиленский. — М.: Норма, Инфра-М, 2022. — 288 с.

Формирование института наднационального коммерческого арбитража для рассмотрения споров по заявлениям хозяйствующих субъектов в рамках Евразийского экономического союза

Аннотация. Исследование посвящено анализу ряда проблем, следующих из негосударственного характера института международного коммерческого арбитража в государствах — членах Евразийского экономического союза. Автор полагает, что доктринальному переосмыслению существа института международного коммерческого арбитража способствует одно из стратегических направлений развития ЕАЭС до 2025 г., а именно проработка инициативы о создании в рамках ЕАЭС международного арбитража для рассмотрения экономических споров по заявлениям хозяйствующих субъектов. Автор приходит к выводу, что в условиях углубления евразийской интеграции понятие «международный» в контексте коммерческого арбитража постепенно приобретает новое значение — «наднациональный». Надгосударственное значение международного коммерческого арбитража упростит механизм признания и приведения в исполнение арбитражных решений судами национальной юрисдикции государств — членов ЕАЭС, поскольку надгосударственное значение принимаемых арбитражных решений обеспечит совершенно иную систему гарантий исполнения решений арбитража как надгосударственного органа ЕАЭС в силу непосредственного и прямого действия арбитражных решений на всей территории государств — членов ЕАЭС.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж; Евразийский экономический союз; урегулирование экономических споров; концепция наднационального арбитража; углубление евразийской интеграции; интернационализация коммерческого арбитража; делокализация коммерческого арбитража; арбитрабельность споров; трансграничные коммерческие споры; проблемы арбитража.

Для цитирования: Бронякина Е. О. Формирование института наднационального коммерческого арбитража для рассмотрения споров по заявлениям хозяйствующих субъектов в рамках Евразийского экономического союза // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 12. — С. 142–151. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.142-151.

© Бронякина Е. О., 2024

* Бронякина Елизавета Олеговна, аспирант Аспирантской школы по праву Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Российская Федерация, 101000
eobronyakina@hse.ru

Formation of an Institution of Supranational Commercial Arbitration for the Consideration of Disputes based on Applications from Economic Entities within the Framework of the Eurasian Economic Union

Elizaveta O. Bronyakina, Postgraduate Student, Doctoral School of Law, HSE University, Moscow, Russian Federation
eobronyakina@hse.ru

Abstract. The study is devoted to an analysis of a number of problems arising from the non-governmental nature of the institution of international commercial arbitration in the member states of the Eurasian Economic Union. The author believes that one of the strategic directions of EAEU development until 2025, namely the development of an initiative to create within the EAEU an international arbitration for the consideration of economic disputes based on applications from business entities, contributes to the doctrinal rethinking of the essence of the institution of international commercial arbitration. The author concludes that in the context of deepening Eurasian integration, the concept of «international» in the context of commercial arbitration is gradually acquiring a new meaning — «supranational». The supranational significance of international commercial arbitration, as the author notes, will simplify the mechanism for the recognition and enforcement of arbitration decisions by courts of national jurisdiction of the EAEU member states. This is due to the fact that the supranational significance of the arbitration decisions adopted by commercial arbitration will ensure a completely different system of guarantees for the enforcement of arbitration decisions as a supranational body of the EAEU due to the direct and immediate effect of arbitration decisions throughout the territory of the EAEU member states.

Keywords: international commercial arbitration; Eurasian Economic Union; settlement of economic disputes; concept of supranational arbitration; deepening of Eurasian integration; internationalization of commercial arbitration; delocalization of commercial arbitration; arbitrability of disputes; cross-border commercial disputes; arbitration problems.

Cite as: Bronyakina EO. Formation of an Institution of Supranational Commercial Arbitration for the Consideration of Disputes based on Applications from Economic Entities within the Framework of the Eurasian Economic Union. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(12):142-151. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.142-151

Введение

Вступление в силу правительственного перечня¹ предопределило появление нового термина «недружественная юрисдикция» и, как следствие, определенных препятствий в процедуре признания и приведения в исполнение решений международных коммерческих арбитражей, находящихся на территориях недружественных юрисдикций. Таким образом, отечественные хозяйствующие субъекты выбирают для урегулирования споров арбитражные институты,

относящиеся к дружественным юрисдикциям, в частности государств — членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Современное развитие арбитражных институтов для рассмотрения частноправовых экономических споров по заявлениям хозяйствующих субъектов на евразийском пространстве обусловлено функционированием единого рынка товаров, работ и услуг государств — членов ЕАЭС под влиянием экономической интеграции. Так, формируется единый рынок услуг по арбитражу и примирению в рамках ЕАЭС на основании п. 6 Решения

¹ См.: распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р (ред. от 29.10.2022) «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // СЗ РФ. 2022. № 11. Ст. 1748.

Высшего Евразийского экономического совета от 09.12.2022 № 21².

1. Институциональный арбитраж и арбитраж ad hoc в государствах — членах ЕАЭС

В настоящее время на евразийском пространстве институт международного коммерческого арбитража весьма неоднороден. Существуют два вида международного коммерческого арбитража:

1) институциональный арбитраж, в котором арбитражное производство осуществляется под эгидой постоянно действующего арбитражного учреждения (далее — ПДАУ), по правилам, им разработанным (регламент арбитража³). Во всех государствах — членах ЕАЭС в соответствии с национальным законодательством образованы и действуют при торгово-промышленных палатах государств — членов ЕАЭС международные коммерческие арбитражные суды: в Республике Армения — Арбитражное учреждение при Торгово-промышленной палате Республики Армения, в Республике Беларусь — Международный арбитражный суд при Белорусской торгово-промышленной палате, в Республике Казахстан — Арбитражный центр Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен», в Кыргызской Республике — Международный третейский суд при Торгово-

промышленной палате Кыргызской Республики, в Российской Федерации — Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате РФ;

2) арбитраж ad hoc⁴, создаваемый для урегулирования конкретного экономического спора хозяйствующих субъектов, в котором арбитражное производство ведется по регламенту или меморандуму⁵, разработанному самими сторонами арбитражного соглашения, либо по типовому арбитражному регламенту, например по Арбитражному регламенту ЮНСИТРАЛ. Как отмечает Б. Р. Карабельников, применение сторонами арбитражного соглашения Арбитражного регламента ЮНСИТРАЛ «позволяет сочетать предсказуемость решения процедурных проблем, характерную для институциональных арбитражей, с организационной самостоятельностью и гибкостью арбитражей ad hoc»⁶.

Национальное законодательство большинства государств — членов ЕАЭС о международном коммерческом арбитраже было принято на основе Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже (далее — Типовой закон). Только в Республике Казахстан и Кыргызской Республике приняты и действуют национальные нормативные правовые акты о коммерческом арбитраже, не основанные на Типовом законе. Законодательство государств — членов ЕАЭС о международном коммерческом

² См.: решение Высшего Евразийского экономического совета № 21 «О перечне приоритетных направлений для либерализации услуг в целях определения секторов (подсекторов) услуг, по которым будет продолжена работа по формированию единого рынка услуг в рамках Евразийского экономического союза в соответствии с планами либерализации (в течение переходного периода)». Принято в г. Бишкеке 9 декабря 2022 г.

³ Правила ПДАУ рассматриваются в качестве неотъемлемой части арбитражного соглашения (п. 13 ст. 7 Закона РФ от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» (Российская газета. № 156. 14.08.1993)).

⁴ См., например: *Лебедев С. Н.* Избранные труды по международному коммерческому праву, праву международной торговли, международному частному праву, частному морскому праву / сост. А. И. Муранов. М., 2009. С. 241–294.

⁵ См., например: *Либшер К.* Меморандум: как правильно договариваться о рассмотрении спора в международном коммерческом арбитраже // Третейский суд. 2002. № 3/4. С. 201.

⁶ *Карабельников Б. Р.* Признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений : науч.-практ. комментарий к Нью-Йоркской конвенции 1958 г. М., 2001. С. 22.

арбитраже включает следующие нормативные правовые акты:

1) Закон Республики Армения от 22.01.2007 № 3Р-55 «О коммерческом арбитраже»⁷;

2) Закон Республики Беларусь от 09.07.1999 № 279-З «О международном арбитражном (третейском) суде»⁸;

3) Закон Республики Казахстан от 08.04.2016 № 488-V ЗРК «Об арбитраже»⁹;

4) Закон Кыргызской Республики от 30.07.2002 № 135 «О третейских судах в Кыргызской Республике»¹⁰;

5) Закон РФ «О международном коммерческом арбитраже».

При этом в ряде государств — членов ЕАЭС, а именно в Республике Армения, Республике Казахстан и Кыргызской Республике, ни в наименовании законов о коммерческом арбитраже, ни в их содержании *даже не упоминается* понятия «международный», и в этом смысле создание надгосударственного международного коммерческого арбитража государств — членов ЕАЭС будет способствовать унификации правового регулирования института коммерческого арбитража и равноправию хозяйствующих субъектов, ведущих деятельность на территории государств — членов ЕАЭС, при урегулировании частноправовых экономических споров.

2. Значение и пределы понятия «международный» в контексте коммерческого арбитража

Термин «международный» в контексте коммерческого арбитража означает наличие «иностранного элемента» и, как следствие, выход за пределы юрисдикции одного государства. Законодательство о международном коммерческом арбитраже устанавливает следующие критерии определения компетенции ПДАУ по рассмотрению экономических споров хозяйствующих субъектов, соответствующие классическим коллизионным формулам прикрепления

при наличии в правоотношении иностранного элемента:

1) место, где должна быть исполнена значительная часть обязательств, вытекающих из отношений сторон, находится за границей (*lex loci solutionis*);

2) место, с которым наиболее тесно связан предмет внешнеэкономической сделки, находится за границей (*lex connectionis fermitatis*);

3) коммерческие предприятия хозяйствующих субъектов находятся в разных государствах (*lex societatis*).

Кроме того, в российском законодательстве о международном коммерческом арбитраже предусмотрено также рассмотрение инвестиционных споров, возникших в связи с осуществлением иностранных инвестиций на территории Российской Федерации или российских инвестиций за границей.

Думается, что сама формулировка «международный коммерческий арбитраж» является весьма условной по ряду причин:

1) отсутствует международное значение принимаемых арбитражных решений и их непосредственное действие на территориях государств хозяйствующих субъектов, поскольку решения «международного» коммерческого арбитража должны быть легализованы национальными государственными судами для целей признания и приведения в исполнение;

2) решения негосударственного международного коммерческого арбитража возможно оспорить в государственном арбитражном суде, что в Российской Федерации предусмотрено статьей 34 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже», следовательно, при наличии привязки оспаривания решений арбитража к государственному правосудию ни о каком международном значении решений негосударственного коммерческого арбитража речи идти не может;

3) правила и регламент компетентного ПДАУ урегулированы национальным материальным

⁷ Принят Национальным собранием Республики Армения 25 декабря 2006 г.

⁸ Принят Палатой представителей 3 июня 1999 г.

⁹ Казахстанская правда. 09.04.2016. № 67 (28193).

¹⁰ Принят Законодательным собранием 28 июня 2002 г.

правом по месту нахождения ПДАУ (*lex loci arbitri*), следовательно, иностранный хозяйствующий субъект при рассмотрении спора в ПДАУ не участвует в определении правил рассмотрения спора.

3. Тенденции делокализации и интернационализации международного коммерческого арбитража

Экономические и правовые предпосылки возникновения международного коммерческого арбитража, а именно формирование первых региональных рынков¹¹ и последующее развитие региональной экономической интеграции, под которой понимаются сети торговых маршрутов и «торговые сети» (*trade networks*), приводят к мысли о формировании *нового значения термина «международный» в контексте коммерческого арбитража — «наднациональный»*.

Основной предпосылкой формирования наднационального коммерческого арбитража ЕАЭС является формирование единого рынка услуг по арбитражу и примирению в рамках ЕАЭС на основании п. 6 Решения Высшего Евразийского экономического совета от 09.12.2022 № 21, при котором возможна унификация требований, предъявляемых к арбитрам, на территории государств — членов ЕАЭС. Таким образом, современное развитие коммерческого арбитража для рассмотрения частноправовых экономических споров по заявлениям хозяйствующих субъектов на евразийском пространстве обусловлено функционированием единого рынка товаров, работ и услуг государств — членов ЕАЭС под влиянием экономической интеграции, а также увеличением числа зон свободной торговли (далее — ЗСТ) путем заключения двусторонних

соглашений о ЗСТ между ЕАЭС с одной стороны и третьими странами с другой стороны.

Исследователи обращают внимание на то, что одной из основных тенденций международного коммерческого арбитража в XXI в. является его *интернационализация* в связи с ростом взаимной торговли хозяйствующих субъектов в ЗСТ. Так, относительно взаимодействия института международного коммерческого арбитража с развитием ЗСТ (применительно к Шанхайской ЗСТ) Янь Чжэ отмечает: «...Неотъемлемой частью реализации проекта “Один пояс — один путь” является зона свободной торговли. В 2015 г. Государственный совет издал документ под названием “Комплексная программа реформирования и открытия пилотной зоны свободной торговли Китая (Шанхай)”, в котором предложил “дальнейшую стыковку” с международными стандартами положений, касающихся разрешения коммерческих споров с иностранным элементом, оптимизировал арбитражные правила в экспериментальной зоне свободной торговли, высказался в поддержку вступления известных международных учреждений в экспериментальную зону свободной торговли и улучшил уровень интернационализации МКА Китая»¹². Таким образом, исследователи отмечают тенденцию влияния ЗСТ на интернационализацию международного коммерческого арбитража.

В связи с ростом взаимной торговли хозяйствующих субъектов государств — членов ЕАЭС в ЗСТ¹³ целесообразно функционирование интернационального коммерческого арбитража, благоприятного для хозяйствующих субъектов из ЗСТ.

Постепенно складывается новое понимание международного коммерческого арбитража, в частности в рамках юрисдикции ЕАЭС. Возника-

¹¹ Vanneste T. Global trade and commercial networks. London, 2011. P. 28–29.

¹² Янь Чжэ. Краткий очерк развития правового регулирования международного коммерческого арбитража в Китайской Народной Республике // Третейский суд. 2021. № 3/4. С. 250.

¹³ См., например: Андрей Слепнев: Сопряжение китайской инициативы «Один пояс, один путь» и ЕАЭС поможет восстановить экономики от последствий пандемии и сдержит тенденции к деглобализации // URL: <https://eec.eaeunion.org/news/andrej-slepnev-%C2%ABsopryazhenie-kitajskoj-initsiativy-%C2%ABodin-poyas-odin-put%C2%BB-i-eaes-pomozhet-vosstanovit-ekonomiki-ot-posledstvij-pandemii-i-sderzhit-tendentsii-k-deglobalizatsii%C2%BB/> (дата обращения: 02.02.2024).

ет вопрос, возможно ли понятие «международный» в контексте коммерческого арбитража толковать как «наднациональный».

Рассмотрим особенности формирующегося нового института наднационального арбитража (на примере юрисдикции ЕАЭС). Пунктом 9.1.11 Решения Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 12¹⁴ предусмотрена проработка инициативы о создании в рамках Союза международного арбитража для рассмотрения споров по заявлениям хозяйствующих субъектов.

Из формулировки «в рамках Союза» следует наднациональный характер коммерческого арбитража, поскольку его юрисдикцией является юрисдикция ЕАЭС, а не конкретного государства — члена ЕАЭС, как в случае с действующими ПДАУ. Разработка регламента наднационального коммерческого арбитража ЕАЭС возможна на основе Типового закона, что поспособствует унификации регламентов ПДАУ государств — членов ЕАЭС, поскольку в Республике Казахстан и Кыргызской Республике национальные нормативные правовые акты о коммерческом арбитраже не были основаны на Типовом законе и вследствие этого правовое положение хозяйствующих субъектов существенно различается. Основанием для функционирования международного коммерческого арбитража ЕАЭС может стать международный договор в рамках ЕАЭС, регулирующий правовое положение наднационального коммерческого арбитража (так же как, например, Закон РФ «О международном коммерческом арбитраже» регламентирует деятельность национальных ПДАУ на территории Российской Федерации).

Таким образом, коллизия привязка *lex loci arbitri* применительно к наднациональному коммерческому арбитражу ЕАЭС означает юрисдикцию ЕАЭС. Следовательно, международный (в значении «наднациональный») коммерческий арбитраж имеет делокализованный характер и отсутствие аффилированности с

государственной юрисдикцией. Думается, что существующая связь института международного коммерческого арбитража с государственной юрисдикцией нивелирует международное значение коммерческого арбитража.

Рассмотрим положительные черты существующих тенденций делокализации и интернационализации международного коммерческого арбитража:

1) обеспечение независимости арбитров, что послужит основанием для привлечения хозяйствующих субъектов государств — членов ЕАЭС;

2) обеспечение беспристрастности разрешения процедурных вопросов, в частности обеспечительные меры в отношении иска в международном коммерческом арбитраже (которые в настоящее время применяют национальные суды государств — членов ЕАЭС) и возможность самостоятельного применения обеспечительных мер наднациональным арбитражем;

3) нивелирование процедуры признания и приведения в исполнение решений международных коммерческих арбитражей национальными государственными судами государств — членов ЕАЭС;

4) нивелирование возможности оспаривания и отмены арбитражных решений национальными государственными судами государств — членов ЕАЭС.

Думается, что в качестве гарантии защиты прав хозяйствующих субъектов государств — членов ЕАЭС необходимо предусмотреть в международном договоре в рамках ЕАЭС о наднациональном арбитраже порядок и срок оспаривания арбитражных решений. При этом с учетом наднационального характера принимаемых арбитражных решений в качестве органа для оспаривания арбитражного решения представляется оптимальной юрисдикция действующего Суда ЕАЭС.

Разумеется, может возникнуть вопрос о соотношении государственного суверени-

¹⁴ Пункт 9.1.11 «Проработка инициативы о создании в рамках Союза международного арбитража для рассмотрения споров по заявлениям хозяйствующих субъектов» решения Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года».

тета государств — членов ЕАЭС и функционирования наднационального коммерческого арбитража. Стоит отметить, что вступление в интеграционные объединения, в том числе в ЕАЭС, означает изначальную передачу части национального суверенитета в пользу интеграционного объединения. Как отметил С. С. Сафаев в контексте возможности вступления Республики Узбекистан в ЕАЭС, «любое вступление в интеграционное объединение предполагает ограничение собственного суверенитета. Это аксиома. Делегируешь часть своих полномочий наднациональным органам...»¹⁵.

Таким образом, функционирование международного (наднационального) коммерческого арбитража в рамках ЕАЭС означает, что при заключении международного договора в рамках ЕАЭС государства — члены ЕАЭС передают компетенцию по рассмотрению частноправовых экономических споров хозяйствующих субъектов государств — членов ЕАЭС в наднациональную компетенцию. В то же время представляется, что компетенция наднационального коммерческого арбитража не должна затрагивать исключительной компетенции национальных судов государств — членов ЕАЭС по отдельным делам, рассмотрение которых, в соответствии с международными договорами или национальным законодательством государств — членов ЕАЭС, является исключительной компетенцией государственных судов.

4. Преодоление ряда недостатков, свойственных негосударственным международным коммерческим арбитражам, с помощью формирующегося института наднационального коммерческого арбитража в рамках ЕАЭС

Формирующийся новый институт наднационального коммерческого арбитража в рамках ЕАЭС способен преодолеть ряд недостатков, свойственных негосударственным международным коммерческим арбитражам:

1) проблему так называемой карманности¹⁶ арбитров в негосударственных арбитражах, следующей, во-первых, из возможности сторон выбрать нужного им арбитра или коллегия арбитров для урегулирования спора; во-вторых, из отсутствия беспристрастности при рассмотрении споров с иностранным элементом вследствие как субъективных, так и объективных причин, например санкций в отношении хозяйствующих субъектов из недружественных юрисдикций;

2) проблему оговорки о публичном порядке, вследствие которой национальные суды государств — членов ЕАЭС могут отказать в признании и приведении в исполнение арбитражных решений¹⁷. При этом оговорка о публичном порядке сформулирована в национальном праве государств — членов ЕАЭС максимально широко и не имеет исчерпывающего перечня оснований. Согласно абз. 2 п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 нарушение публичного порядка означает, что нарушаются «суверенитет или безопасность Российской Федерации, конституционные права и свободы российских граждан и юридических лиц»¹⁸.

Проработка инициативы о создании арбитража (третейского суда) ЕАЭС является вторым этапом реализации решения Совета Евразийской экономической комиссии от 16.05.2013 № 32 «О проекте концепции создания третейского суда в рамках Таможенного союза» и продолжает концепцию наднационального рассмотрения частноправовых экономических споров.

¹⁵ Садык Сафаев — о вступлении в ЕАЭС, ВТО и отношениях с Россией // URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/03/04/integration/> (дата обращения: 02.02.2024).

¹⁶ См.: Гальперин М. Л. Проблема «карманных» третейских судов: возможные пути решения // Арбитражное правосудие в России. 2007. № 10. С. 53–59.

¹⁷ См.: Кудрявцева Е. В., Курочкин С. А. Нарушение публичного порядка как основание отказа в признании и приведении в исполнение арбитражных решений в странах ЕАЭС // Вестник гражданского процесса. 2023. № 5. С. 225–246.

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Российская газета. № 154. 17.07.2019.

Таким образом, проблемы негосударственного международного коммерческого арбитража для урегулирования коммерческих споров, вытекающих из трансграничных частноправовых отношений, являются комплексными. Решение, которое было достигнуто в середине XX в. в международном частном праве, основывалось на договорной концепции арбитража, вследствие чего международный коммерческий арбитраж понимался как альтернативный способ урегулирования трансграничных частноправовых споров. Нью-Йоркская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. (далее — Нью-Йоркская конвенция) продолжает обеспечивать трансграничный оборот товаров и услуг и в настоящее время, однако *не учитывает новых условий трансграничной торговли в связи с возрастанием числа ЗСТ*, что является причиной предложений относительно создания наднационального коммерческого арбитража как международного юрисдикционного органа.

Критика недостатков правового регулирования международного коммерческого арбитража в начале XXI в. была обусловлена существенным влиянием государственного судопроизводства на данный институт. Так, в 2004 г. на страницах журнала «Международный коммерческий арбитраж» была опубликована научная статья А. Л. Маковского и Б. Р. Карабельникова, которые отметили, что «за такими общими отсылками к “судебному порядку” удобно скрывается и исковое производство по спорам, возникающим из гражданских правоотношений, признаваемым благодаря отсутствию в этих отсылочных нормах каких-либо изъятий арбитрабельными, и попадающие в орбиту судебной процедуры дела по обжалованию действий и решений государственных органов и их должностных лиц»¹⁹.

В качестве слабых сторон института негосударственного международного коммерческого арбитража можно назвать следующие:

1) значение негосударственной арбитражной процедуры нивелируется тем, что наличие арбитражного соглашения не препятствует обращению в государственный арбитражный суд первой инстанции в исковом порядке, поскольку наличие соглашения сторон о рассмотрении спора третейским судом, в том числе международным коммерческим арбитражем, согласно п. 5 ч. 1 ст. 148 АПК РФ, может стать основанием для оставления искового заявления без рассмотрения только в том случае, «если любая из сторон не позднее дня представления своего первого заявления по существу спора в арбитражном суде первой инстанции заявит по этому основанию возражение». Таким образом, если возражений не поступит (а возражения могут не поступить, если повестка о дате и месте судебного заседания «не нашла» адресата — иностранного хозяйствующего субъекта), то производство по делу продолжается в судебном порядке. Данные проблемы именуются в науке «параллельными разбирательствами»²⁰. Несмотря на многочисленные исследования проблематики негосударственного международного коммерческого арбитража, коренных изменений в правовом регулировании исследуемого института до сих пор не было;

2) отечественные государственные арбитражные суды наделены правом запрета инициирования или продолжения рассмотрения дела в международном коммерческом арбитраже за пределами территории Российской Федерации в случае наличия санкций в отношении российских хозяйствующих субъектов за рубежом. Таким образом, растет значение института антиарбитражного запрета²¹ в связи

¹⁹ Маковский А. Л., Карабельников Б. Р. Арбитрабельность споров: российский подход // Международный коммерческий арбитраж. 2004. № 3. С. 16–40.

²⁰ См., например: Сюрмеев К. Е. Трансграничные коммерческие споры: проблема параллельных разбирательств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 3.

²¹ См.: Зотов А. В. Значение определения российского государственного суда о запрете инициирования и продолжения арбитража в порядке ст. 248.2 Арбитражного процессуального кодекса РФ для международного коммерческого арбитража // Вестник гражданского процесса. 2023. № 3. С. 104–133 ; Garnett R. Anti-Arbitration Injunctions: Walking the Tightrope // Arbitration International. 2020. Vol. 36. Iss. 3. P. 340–352.

с закреплением в отечественном арбитражном процессуальном законодательстве новых норм — ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ — в целях защиты прав и законных интересов отечественных хозяйствующих субъектов, в отношении которых зарубежными партнерами были введены санкции. Следовательно, увеличивается количество неарбитрабельных споров в международных коммерческих арбитражах. Всё большее вмешательство национального правового регулирования в институт негосударственного коммерческого арбитража, которое проявляется в антиарбитражном запрете, позволяет ставить под вопрос целесообразность дальнейшего применения Нью-Йоркской конвенции.

Выводы

1. Современное развитие международного коммерческого арбитража на евразийском пространстве обусловлено развитием региональной экономической интеграции, при которой предпринимательская и иная экономическая деятельность хозяйствующих субъектов осуществляется в рамках общего рынка товаров, работ и услуг государств — членов ЕАЭС.

2. Надгосударственное значение международного коммерческого арбитража упростит механизм признания и приведения в исполне-

ние арбитражных решений судами национальной юрисдикции государств — членов ЕАЭС, поскольку действующая в отношении исполнения решений международных коммерческих арбитражей Нью-Йоркская конвенция не может быть применена при исполнении решений надгосударственных юрисдикционных органов.

3. Надгосударственное значение принимаемых арбитражных решений обеспечит совершенно иную систему гарантий исполнения решений арбитража как надгосударственного органа ЕАЭС в силу непосредственного и прямого действия арбитражных решений на всей территории государств — членов ЕАЭС.

4. Реализация идеи наднационального коммерческого арбитража, направленная на преодоление вышеуказанных проблем, в настоящее время представляется оптимальной, поскольку обусловлена объективной необходимостью вернуть рассмотрение экономических споров хозяйствующих субъектов государств — членов ЕАЭС из зарубежных арбитражей.

5. Компетенция наднационального коммерческого арбитража должна быть максимально широкой: хозяйствующими субъектами, по заявлениям которых рассматриваются дела, должны быть как хозяйствующие субъекты государств — членов ЕАЭС, так и хозяйствующие субъекты из государств — участников двусторонних соглашений о ЗСТ при наличии арбитражной оговорки.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гальперин М. Л. Проблема «карманных» третейских судов: возможные пути решения // Арбитражное правосудие в России. — 2007. — № 10. — С. 53–59.
2. Зотов А. В. Значение определения российского государственного суда о запрете инициирования и продолжения арбитража в порядке ст. 248.2 Арбитражного процессуального кодекса РФ для международного коммерческого арбитража // Вестник гражданского процесса. — 2023. — № 3. — С. 104–133.
3. Карабельников Б. Р. Признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений : науч.-практ. комментарий к Нью-Йоркской конвенции 1958 г. — М., 2001. — 368 с.
4. Кудрявцева Е. В., Курочкин С. А. Нарушение публичного порядка как основание отказа в признании и приведении в исполнение арбитражных решений в странах ЕАЭС // Вестник гражданского процесса. — 2023. — № 5. — С. 225–246.
5. Лебедев С. Н. Избранные труды по международному коммерческому праву, праву международной торговли, международному частному праву, частному морскому праву / сост. А. И. Муранов. — М., 2009.
6. Либшер К. Меморандум: как правильно договариваться о рассмотрении спора в международном коммерческом арбитраже // Третейский суд. — 2002. — № 3/4. — С. 200–204.

7. *Маковский А. Л., Карабельников Б. Р.* Арбитрабельность споров: российский подход // Международный коммерческий арбитраж. — 2004. — № 3. — С. 16–40.
8. *Сюрмеев К. Е.* Трансграничные коммерческие споры: проблема параллельных разбирательств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2019. — 201 с.
9. *Янь Чжэ.* Краткий очерк развития правового регулирования международного коммерческого арбитража в Китайской Народной Республике // Третейский суд. — 2021. — № 3/4. — С. 238–253.
10. *Garnett R.* Anti-Arbitration Injunctions: Walking the Tightrope // Arbitration International. — 2020. — Vol. 36. — Iss. 3. — P. 340–352.
11. *Vanneste T.* Global trade and commercial networks. — London, 2011. — 288 p.

Материал поступил в редакцию 22 февраля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Galperin M. L. Problema «karmannykh» treteyskikh sudov: vozmozhnye puti resheniya // Arbitrazhnoe pravosudie v Rossii. — 2007. — № 10. — S. 53–59.
2. Zotov A. V. Znachenie opredeleniya rossiyskogo gosudarstvennogo suda o zaprete initsirovaniya i prodolzheniya arbitrazha v poryadke st. 248.2 Arbitrazhnogo protsessualnogo kodeksa RF dlya mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2023. — № 3. — S. 104–133.
3. Karabelnikov B. R. Priznanie i privedenie v ispolnenie inostrannykh arbitrazhnykh resheniy: nauch.-prakt. kommentariy k Nyu-Yorkskoy konventsii 1958 g. — M., 2001. — 368 s.
4. Kudryavtseva E. V., Kurochkin S. A. Narushenie publichnogo poryadka kak osnovanie otказа v priznanii i privedenii v ispolnenie arbitrazhnykh resheniy v stranakh EAES // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2023. — № 5. — S. 225–246.
5. Lebedev S. N. Izbrannye trudy po mezhdunarodnomu kommercheskomu pravu, pravu mezhdunarodnoy trgovli, mezhdunarodnomu chastnomu pravu, chastnomu morskому pravu / sost. A. I. Muranov. — M., 2009.
6. Libsher K. Memorandum: kak pravilno dogovarivatsya o rassmotrenii spora v mezhdunarodnom kommercheskom arbitrazhe // Treteyskiy sud. — 2002. — № 3/4. — S. 200–204.
7. *Маковский А. Л., Карабельников Б. Р.* Арбитрабельность споров: российский подход // Международный коммерческий арбитраж. — 2004. — № 3. — С. 16–40.
8. *Сюрмеев К. Е.* Трансграничные коммерческие споры: проблема параллельных разбирательств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2019. — 201 с.
9. *Янь Чжэ.* Краткий очерк развития правового регулирования международного коммерческого арбитража в Китайской Народной Республике // Третейский суд. — 2021. — № 3/4. — С. 238–253.
10. *Garnett R.* Anti-Arbitration Injunctions: Walking the Tightrope // Arbitration International. — 2020. — Vol. 36. — Iss. 3. — P. 340–352.
11. *Vanneste T.* Global trade and commercial networks. — London, 2011. — 288 p.

Правотворчество Евразийской экономической комиссии как одна из основ развития интеграционных процессов в ЕАЭС

Аннотация. Евразийская экономическая комиссия является исполнительным органом интеграционного объединения. В силу своего предназначения Комиссия выполняет в том числе правотворческую функцию. Реализация этой функции вытекает из ее важнейшей роли в интеграционном объединении — «мотора интеграции» и «хранителя договоров» — и напрямую влияет на развитие интеграции в рамках Евразийского экономического союза, формируя его правовую реальность. В статье рассматривается порядок реализации правотворческой деятельности всеми политическими органами ЕАЭС, а также этапы законодательного процесса. Особое внимание уделено законодательной функции Комиссии, ее месту в институциональной системе ЕАЭС и влиянию на интеграционные процессы. Кроме того, рассмотрен опыт как Европейского Союза, так и субъекта Российской Федерации — Калининградской области в сфере законодательной деятельности для его рационального использования в рамках евразийской интеграции. По результатам исследования выявлены проблемы, возникающие в законодательном процессе ЕАЭС, и предложены пути их решения, а также сформулированы предложения по повышению эффективности правотворческой деятельности всех политических органов ЕАЭС, в частности Евразийской экономической комиссии.

Ключевые слова: Евразийская экономическая комиссия; Евразийский экономический союз; Европейский Союз; правотворчество; интеграционное объединение; законодательный процесс; Европейская комиссия; правовая экспертиза; судебный контроль; правовой мониторинг; согласование правовых актов; консультативный комитет.

Для цитирования: Артеменко Т. Д. Правотворчество Евразийской экономической комиссии как одна из основ развития интеграционных процессов в ЕАЭС // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 12. — С. 152–163. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.152-163.

Lawmaking by the Eurasian Economic Commission as one of the Foundations for the Development of Integration Processes in the EAEU

Timofey D. Artemenko, Adviser, Department for Legislative Activity, Kaliningrad Region Government, Postgraduate Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation
t.artemenko@gov39.ru

Abstract. The Eurasian Economic Commission is the executive body of the integration association. By virtue of its purpose, the Commission also performs a law-making function. The implementation of this function follows from its most important role in the integration association — the «engine of integration» and «keeper of treaties» and directly influences the development of integration within the Eurasian Economic Union, forming its legal reality. The paper examines the procedure for implementing lawmaking activities by all political bodies of the EAEU, as well as the stages of the legislative process. Particular attention is given to the legislative function of the Commission, its place in the institutional system of the EAEU and its influence on integration processes. In addition, the experience of both the European Union and the constituent entity of the Russian Federation — the Kaliningrad region in the field of legislative activity is considered for its rational use within the framework of Eurasian integration. Based on the results of the study, the author identifies problems arising in the EAEU legislative process and proposes ways to solve them, as well as formulates proposals to improve the effectiveness of lawmaking activities of all political bodies of the EAEU, in particular the Eurasian Economic Commission.

Keywords: Eurasian Economic Commission; Eurasian Economic Union; European Union; lawmaking; integration association; legislative process; European Commission; legal expertise; judicial review; legal monitoring; harmonization of legal acts; advisory committee.

Cite as: Artemenko TD. Lawmaking by the Eurasian Economic Commission as one of the Foundations for the Development of Integration Processes in the EAEU. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(12):152-163. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.152-163

Евразийский экономический союз (ЕАЭС), в отличие от Европейского Союза, начал существование как самостоятельное интеграционное объединение относительно недавно, в 2015 г., и, несмотря на все сложности международной политической обстановки, функционирует и остается важным интеграционным объединением экономической направленности для государств-членов¹. Важнейшую роль в развитии ЕАЭС играет Евразийская экономическая комиссия (далее — ЕЭК), которая, реализуя правотворческую функцию, в соответствии со ст. 6 Договора о Евразийском экономическом союзе

(далее — Договор о ЕАЭС, Договор), регулирует интеграционные процессы в ЕАЭС².

С момента создания ЕЭК ежегодно издает десятки правовых актов, часть из которых затрагивает вопросы несоблюдения государствами-членами права ЕАЭС³. Как следует из той же статьи 6 Договора о ЕАЭС, правовые акты, издаваемые Комиссией, подразделяются на решения и распоряжения, которые входят в право Союза и обязательны к исполнению на территории всех государств-членов. Кроме того, Комиссия имеет право издавать рекомендации, не имеющие обязательной силы для государств — членов Союза.

¹ Марышев А. А., Торопыгин А. В. Экономические детерминанты современного этапа евразийской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2014. № 2. С. 42.

² Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Довгань Е. Ф., Мокосеева М. А. Правовые проблемы функционирования Евразийского экономического союза // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2018. № 4. С. 74.

Как следует из п. 1 Положения о Евразийской экономической комиссии (далее — Положение о ЕЭК), Комиссия является регулирующим органом Союза, однако такая формулировка недостаточно полно охватывает ее предназначение, поскольку регулятивная функция — это лишь часть полномочий Комиссии. По своему статусу и полномочиям Комиссия в значительной степени сходна с национальными правительствами государств-членов. Таким образом, ЕЭК на практике подготавливает и обеспечивает реализацию всех наиболее важных решений для достижения целей и решения задач ЕАЭС, выполняя при этом правотворческую и контрольную функции, которые в некоторой степени позволяют Комиссии обеспечивать исполнение государствами — членами международных договоров, входящих в право Союза⁴.

Вместе с тем, несмотря на то, что Комиссия вовлечена в решение широкого спектра проблем, она занимает низшее положение в иерархии органов ЕАЭС⁵, в связи с чем ее полномочия достаточно ограничены, в том числе и в правотворческой сфере. Это закономерно снижает эффективность ЕЭК и не позволяет ей в полной мере обеспечивать развитие интеграции в рамках Союза.

Цель настоящей статьи заключается в исследовании роли ЕЭК в законодательном процессе ЕАЭС для выявления проблем и формулирования соответствующих решений и предложений.

Структура ЕЭК представляет собой два уровня управления, существующие в одном органе, — Совет Комиссии и Коллегия Комиссии. Особенность такой структуры состоит в том, что орган интеграционного объединения сочетает в себе черты как межправительственного органа — Совета, так и наднационального — Коллегии⁶. Это проявляется в том, что члены Совета ЕЭК являются действующими должностными

лицами, замещающими пост заместителя главы правительства страны, которую они представляют. В отличие от Совета члены Коллегии являются международными служащими, которые не получают указаний от своих национальных властей, а действуют лишь в интересах Союза. Кроме того, Комиссия может выступать как орган в целом, но и Совет, и Коллегия осуществляют собственные полномочия.

Особо значимыми функциями Совета Комиссии в контексте регулирования им интеграционных процессов в Союзе является обеспечение совершенствования правового регулирования деятельности ЕАЭС, а также подготовка и внесение на утверждение Высшего Евразийского экономического совета (далее — Высший совет) проработанных предложений об основных направлениях интеграции в рамках Союза, предусмотренные подпунктами 1 и 2 п. 24 Положения о ЕЭК. Вместе с тем Совет имеет право отменять или изменять решения Комиссии, принятые Коллегией, что говорит о руководящей роли Совета в структуре Комиссии.

Коллегия Комиссии, в соответствии с Положением о ЕЭК, является исполнительным органом Комиссии. Одно из наиболее важных полномочий Коллегии — выработка предложений и обобщение предложений государств-членов в сфере интеграции в рамках Союза. Не менее важны полномочия Коллегии, закрепленные в п. 2 и 3 Положения о ЕЭК, а также коррелирующие со ст. 6 Договора о ЕАЭС: принимать решения, распоряжения и рекомендации, а также исполнять решения и распоряжения, принятые вышестоящими органами Союза⁷.

В связи с этим необходимо отметить, что в рамках контрольной функции Коллегия осуществляет мониторинг и контроль исполнения права Союза, а также направляет уведомления государствам-членам о необходимости его

⁴ Европейское право. Основы интеграционного права Европейского Союза и Евразийского экономического союза : учебник / рук. авт. кол. и отв. ред. Л. М. Энтин, М. Л. Энтин. М. : Норма, Инфра-М, 2018. С. 249.

⁵ Войников В. В., Артеменко Т. Д. Право ЕЭК на обращение в суд ЕАЭС: перспективы развития и опыт ЕС // Московский журнал международного права. 2023. № 2. С. 24.

⁶ Энтин К. В. Евразийская экономическая комиссия // Суд Евразийского экономического союза и становление права ЕАЭС. М. : Проспект, 2021. С. 135.

⁷ Европейское право. С. 250.

исполнения, которые, как показывает правоприменительная практика, оформляются в виде обязательного к исполнению правового акта — решения Комиссии.

По правовому статусу ЕЭК сходна с Европейской комиссией (далее — ЕК) — исполнительным органом Европейского Союза, однако, учитывая разный уровень интеграции в ЕАЭС и ЕС, можно сделать вывод, что ЕК занимает в Европейском Союзе несколько иное положение и обладает более широким спектром полномочий, чем ЕЭК. Несмотря на это, ряд полномочий, присущих обеим комиссиям, в том числе правотворческая функция, а также тот факт, что оба органа воплощают в себе наднациональное начало, позволяют их сравнивать.

ЕК — один из ведущих институтов Союза, главное предназначение которого в продвижении и отстаивании общих интересов Союза. Комиссия сочетает как охранительную функцию — надзор за исполнением права ЕС, так и ряд других функций, включая бюджетную и правотворческую⁸.

Как следует из ст. 17 Договора о Европейском Союзе⁹, Комиссия играет важнейшую роль в законотворческом процессе, поскольку обладает монополией на право законодательной инициативы. В учредительных договорах особо подчеркивается законодательная инициатива ЕК, что говорит о ее приоритетности и значимости. Комиссия является инициатором и участником общей законодательной процедуры. Так, ЕК участвует в подготовке, обсуждении и реализации законодательных актов¹⁰, но не издает их, за исключением актов делегированного законодательства по строго ограниченному кругу вопросов, правом на издание которых Комиссию могут наделить Совет и Европейский парламент.

Помимо права законодательной инициативы, Комиссия обладает распорядительной властью. Для регулирования некоторых сфер европейской интеграции, таких как осуществление общих политик, антимонопольное право и др., ЕК имеет право издавать регламенты, директивы и решения, которые приобретают статус подзаконных актов. Кроме того, ЕК осуществляет также исполнительную власть¹¹.

Таким образом, полномочия ЕК в сфере правотворчества не ограничиваются лишь принятием подзаконных актов, но дополняются существенной ролью в законодательном процессе Европейского Союза, что делает Комиссию одним из важнейших институтов Союза.

В отличие от Европейского Союза, в ЕАЭС не предусмотрено законодательных процедур, подразумевающих совместное участие нескольких органов Союза в правотворческой деятельности. В Евразийском экономическом союзе правовые акты принимает каждый орган самостоятельно в рамках своей компетенции¹². Юридическая значимость таких актов определяется не столько содержанием, сколько статусом органа, принимающего решение. При этом процедура принятия актов у всех органов не различается, как этого можно было бы ожидать. Согласно Договору о ЕАЭС большинство решений принимаются на основе консенсуса — согласия всех членов Союза — и вступают в силу на 30-й день после опубликования. Правом ЕАЭС исключения предусмотрены только в отношении сроков вступления в силу и порядка опубликования. Поэтому понятие «законодательный процесс в ЕАЭС» объединяет правотворческую деятельность всех органов Союза, за исключением Суда. Такой порядок принятия решений свидетельствует о хаотичном характере раз-

⁸ *Jacque J.-P.* The Principle of Institutional Balance // *Common Market Law Review*. 2004. No. 41. P. 387.

⁹ Treaty on European Union (consolidated version 2016) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12016M/TXT> (дата обращения: 10.02.2024).

¹⁰ *Pollack M.* Control mechanism or deliberative democracy? Two images of comitology // *University of Wisconsin-Madison*. 2003. Vol. 36. No. 1–2. P. 125.

¹¹ *Глотов С. А.* Право Европейского Союза в редакции Лиссабонского договора : учеб. пособие. М. : Изд-во Международного юрид. института, 2010. С. 74.

¹² *Глиттова Я., Косов Ю. В.* Сравнительный институционально-политический анализ европейской и евразийской интеграции // *Управленческое консультирование*. 2016. № 7. С. 34.

вития права ЕАЭС¹³. В случае если консенсус не был достигнут на уровне Совета Комиссии, то вопрос передается на рассмотрение Евразийского межправительственного совета (далее — Межправительственный совет), который в свою очередь, если снова не был достигнут консенсус, передает вопрос на рассмотрение Высшего совета, решения которого носят окончательный характер.

В законодательном процессе в ЕАЭС необходимо выделить три этапа: подготовительный, основной и этап после принятия. На первом этапе особую важность представляет экспертиза проектов правовых актов и мониторинг правоприменения, который является одной из основ совершенствования правовой реальности.

В соответствии с действующим правовым регулированием в ЕАЭС органы Союза, обладающие правом законодательной инициативы, обеспечивают предварительное опубликование проектов решений на официальном сайте ЕАЭС в Интернете как минимум за 30 календарных дней до даты, когда данное решение планируется к принятию. При этом заинтересованные лица могут представить свои комментарии и предложения. Таким образом, статья 111 Договора о ЕАЭС вводит институт широкого общественного обсуждения принимаемых документов в рамках ЕАЭС. В то же время проекты решений органов ЕАЭС, принимаемых в исключительных случаях, требующих оперативного реагирования, могут быть опубликованы в иные сроки. Однако закрепленный указанной нормой порядок общественного обсуждения не является полноценным аналогом правовой и лингвистической экспертизы. Тем более, что при подготовке проекта правового акта департаментами Комиссии решение о целесообразности доработки проекта с учетом замечаний и предложений принимает член Коллегии Комиссии, за которым закреплен департамент-разработчик. Исключение составляют лишь проекты, подготовленные по поручению Совета Комиссии, Межправительственного совета и Высшего совета.

Основные взгляды ученых на цели проведения правовой и лингвистической экспертизы правовых актов в российской юридической науке сводятся к тому, что целями экспертизы являются улучшение качества правовых актов, выявление недостатков и противоречий для подготовки в итоге правового акта, отвечающего потребностям государства и общества.

Несмотря на относительное замедление развития интеграции ЕАЭС, в настоящее время взаимодействие государств-членов продолжается, органы ЕАЭС ежедневно исполняют свои обязанности, поэтому экспертиза правовых актов и сегодня относится к одной из важнейших составляющих эффективной правотворческой деятельности органов ЕАЭС. Следовательно, качественно проведенная экспертиза способствует надлежащему уровню подготовки проектов правовых актов, выявлению несогласованности проекта правового акта с действующим правом Союза и предупреждению негативных последствий, которые могут быть вызваны реализацией некачественного правового акта. Всё это положительно влияет на формирование правовой реальности в Союзе.

Впрочем, для наиболее эффективной реализации на национальных уровнях правовых актов Комиссии, а также для их единообразного толкования в Союзе целесообразно ввести процедуру экспертизы актов Комиссии научно-экспертными сообществами государств-членов по аналогии с механизмом экспертизы проектов актов сторонними экспертами в Европейском Союзе. Для этого необходимо привлекать независимых экспертов либо создавать экспертные группы для конкретных случаев, а также наделить их правом формулировать позиции по поставленным вопросам, которые направлены на поиск лучшего решения в общих интересах Союза, для их последующего учета в своей деятельности Комиссией. В состав экспертов должны входить представители бизнеса, которых касается проект решения Комиссии. Мнения экспертов должны включать в себя сопоставление норм проекта правового акта Комиссии

¹³ Козлов Д. В. Формирование единого законодательства в рамках ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 3. С. 62.

с нормами законодательств государств-членов и правом ЕАЭС, а также прогнозы реализации определенного правового акта Комиссии в рамках развития евразийской интеграции.

Целесообразно предусмотреть, чтобы позиции экспертных сообществ рассматривались на заседании Коллегии Комиссии при рассмотрении проекта решения и вопрос об их учете при дальнейшей работе над проектом правового акта ставился на голосование по принципу простого большинства. Такой механизм, за исключением порядка голосования (принцип простого большинства нецелесообразно распространять на высшие органы ЕАЭС), предлагается распространить на все органы Союза, участвующие в законотворческом процессе, что будет способствовать повышению эффективности правовых актов и обеспечивать соответствующие правовые условия для развития евразийской интеграции.

В институтах Европейского Союза, в частности ЕК, широко используется привлечение внешних экспертов для дачи заключений по проектам правовых актов¹⁴. Эксперт может привлекаться как на постоянной, так и на временной основе. Требования к образованию эксперта зависят от конкретной ситуации, и оно не ограничивается чисто юридическим: часто также привлекаются специалисты иных профессий, профиль которых совпадает со сферой применения проекта правового акта. Хотя решения экспертов и экспертных групп не являются обязательными к исполнению, они могут формулировать мнения и рекомендации, а также представлять доклады для последующего их учета институтами ЕС. На наш взгляд, действующее правовое регулирование экспертной деятельности в Европейском Союзе является достаточным и обоснованным, четко очерчивая полномочия экспертов, исключая дискрецию и сводя к минимуму коррупциогенный фактор.

Это, в свою очередь, способствует качественной экспертизе и повышению эффективности реализации правовых актов, а также снижению возникающих в будущем в связи с этим споров¹⁵.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что заимствование европейского опыта проведения сторонней экспертизы проектов правовых актов Комиссии будет способствовать повышению их эффективности и обеспечивать соответствующие правовые условия для развития евразийской интеграции.

Как следует из Договора о ЕАЭС, Комиссия на сегодняшний день имеет право только проводить мониторинг соблюдения государствами-членами права Союза и направлять уведомления о недопустимости нарушения международных договоров, входящих в право ЕАЭС, которые, как показывает правоприменительная практика, оформляются в виде решений ЕЭК и обязательны к исполнению государствами-членами. Однако далее повлиять на государства-члены Комиссия не в силах, поскольку обращаться в Суд при неисполнении решений органов Союза она пока что не имеет права¹⁶.

Таким образом, чтобы минимизировать риски, связанные с неисполнением государствами-членами права Союза, необходимо совершенствовать нынешний механизм согласования правовых актов Комиссии с государствами-членами.

В настоящее время Комиссия имеет право запрашивать необходимую информацию у государств-членов по рассматриваемым вопросам, а также предусмотрена процедура общественного обсуждения. В связи с этим целесообразно создать постоянно действующий консультативный комитет по правотворчеству, состоящий из двух представителей от каждого государства-члена, квалифицированных юристов от законодательной и исполнительной власти. Комитет рассматривал бы поступившие к нему проекты

¹⁴ Морозов А. Н. Научные подходы к юридической экспертизе проектов нормативных правовых актов, принимаемых органами Евразийского экономического союза // Журнал российского права. 2017. № 5. С. 139.

¹⁵ Морозов А. Н. Указ. соч. С. 136.

¹⁶ Дьяченко Е. Б., Энтин К. В. Компетенция Суда Союза // Суд Евразийского экономического Союза и становление права ЕАЭС. С. 155–181.

решений ЕЭК, затрагивающих основы интеграционного правопорядка и создающих новые права и обязанности для государств-членов, за исключением решений Комиссии, принятых в рамках реализации контрольной функции, в частности уведомлений о неисполнении государствами-членами права Союза. В компетенцию комитета предлагается включить рассмотрение всех проектов правовых актов Комиссии исключительно с правовой точки зрения, в том числе юридический и лингвистический анализ проекта. Процедура принятия решений — простое большинство, Комитет рекомендует департаменту-разработчику либо предварительное опубликование на сайте для общественного обсуждения, либо доработку с учетом замечаний членов консультативного комитета.

Внедрение нового консультативного комитета для рассмотрения проектов правовых актов вместе с общественным обсуждением и правовой экспертизой правового департамента Комиссии повысит качество правового регулирования и предоставит государствам-членам возможность выразить экспертное предварительное мнение по правовым вопросам проекта, а также создаст дополнительную площадку для обсуждения проекта государствами-членами до того, как он будет опубликован для широкого общественного обсуждения.

В качестве примера можно привести предварительную процедуру рассмотрения законопроектов в Правительстве Калининградской области (далее также — ПКО). Для этих целей в ПКО функционирует комиссия по законотворческой деятельности (далее — комиссия по законотворчеству). Так, в соответствии с п. 1 Положения о комиссии по законотворческой деятельности Правительства Калининградской области, утвержденного указом Губернатора Калининградской области от 12.10.2017 № 104 «О комиссии по законотворческой деятельности Правительства Калининградской области»¹⁷, комиссия по законотворчеству обеспечивает предварительное рассмотрение проектов устав-

ных законов Калининградской области и проектов законов Калининградской области, разработанных органами исполнительной власти, структурными подразделениями аппарата ПКО и Законодательным Собранием Калининградской области. Исключение из проектов, рассматриваемых в обязательном порядке на комиссии по законотворчеству, составляет лишь ряд проектов законов в бюджетной сфере.

Кроме того, важно отметить, что комиссия по законотворчеству дополняет предшествующую ей правовую экспертизу Управления по законотворчеству Правительства Калининградской области, а также процедуру согласования законопроектов членами ПКО, заинтересованными органами исполнительной власти, структурными подразделениями аппарата ПКО в электронном виде, предусмотренные пунктами 244 и 254 Регламента Правительства Калининградской области, утвержденного постановлением Правительства Калининградской области от 24.06.2011 № 450¹⁸.

Комиссия по законотворчеству формируется из числа представителей органов исполнительной власти региона, Законодательного Собрания и федеральных органов государственной власти, что позволяет широкому кругу заинтересованных лиц высказать свою позицию по тому или иному законопроекту. Комиссия по законотворчеству может одобрить проект либо вернуть на доработку, а ее решения принимаются большинством голосов присутствующих на заседании членов комиссии. Это, в свою очередь, повышает эффективность и качество принимаемых в Калининградской области законов. Об этом свидетельствует тот факт, что в 2023 г. в Калининградском областном суде в качестве первой инстанции по существу не было рассмотрено ни одного административного дела об оспаривании уставных законов и законов Калининградской области, принятых по инициативе Правительства Калининградской области.

По информации правового портала ЕАЭС¹⁹, в 2019–2022 гг. всего было принято 14 решений

¹⁷ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Постановление Правительства Калининградской области от 24.06.2011 № 450 «О Регламенте Правительства Калининградской области» // СПС «КонсультантПлюс».

о неисполнении государствами-членами обязательств в рамках Союза, что говорит о том, что нарушения права ЕАЭС не являются единичными. В свою очередь, хозяйствующими субъектами с 2021 по 2023 г. было подано 16 исков об оспаривании решений Комиссии, пять из них удовлетворены Судом, некоторые решения Коллегии Суда об отмене решений Комиссии были пересмотрены Апелляционной палатой в пользу Комиссии, что говорит о наличии проблемы реализации решений Комиссии государствами и хозяйствующими субъектами. Тем более что в настоящее время Комиссия не имеет эффективных рычагов воздействия на государства в случае несоблюдения ими права Союза, в частности права на обращение в Суд ЕАЭС с иском о разрешении спора в части неисполнения государствами права Союза.

Дополнительно, представляется целесообразным развивать институт правового мониторинга для выявления проблем в применении актов ЕЭК и для формулирования новых норм, направленных на совершенствование правового регулирования. Как следует из Договора о ЕАЭС, Комиссия осуществляет мониторинг исполнения государствами-членами права Союза; реализации актов органов Союза в сфере энергетики; результатов реализации Основных направлений промышленного сотрудничества в рамках Союза; мониторинг и сравнительно-правовой анализ законодательств государств-членов на предмет соответствия праву Союза правового регулирования в части предоставления промышленных субсидий и государственной поддержки сельского хозяйства; мониторинг применения государствами-членами мер государственного регулирования агропромышленных комплексов и др. В то же время Договором не предусмотрено проведение каким-либо органом ЕАЭС или государствами-членами правового мониторинга всех решений и иных юридически значимых актов ЕЭК²⁰.

В связи с этим необходимо предусмотреть в Договоре о ЕАЭС основы и порядок проведения правового мониторинга принятых актов

Комиссии, для того чтобы выявлять проблемы их реализации и составлять пути решения сложившихся проблем. Осуществлять мониторинг целесообразно как Комиссии, так и государствам-членам, кроме того, важно привлекать к осуществлению мониторинга хозяйствующих субъектов, поскольку они наиболее заинтересованы в проведении мониторинга и их информация может быть самой объективной в отношении правоприменительной практики ЕЭК. В настоящее время мониторинг исполнения государствами-членами права Союза, осуществляемый Комиссией, не является полноценной альтернативой правовому мониторингу актов ЕЭК, поскольку реализация правовых актов Комиссии государствами-членами и хозяйствующими субъектами не ограничивается лишь случаями неисполнения, ведь в ходе применения решений Комиссии могут возникать проблемы иного характера, которые не связаны с неисполнением права ЕАЭС.

Именно правовой мониторинг позволяет выявлять слабые стороны правовых актов и совершенствовать их. Поэтому чем больше субъектов в лице органов ЕАЭС и органов публичной власти государств-членов будут проводить мониторинг, тем качественнее будут разрабатываться и эффективнее применяться новые правовые нормы.

Второй этап законодательного процесса в ЕАЭС — принятие правового акта органом Союза. Закрепленный в праве ЕАЭС порядок принятия актов отличается от того, который ныне действует в ЕС. Если в ЕАЭС более распространен принцип консенсуса, то в ЕС также реализуется принцип квалифицированного большинства. Позднее Ницким договором наряду с требуемым числом государств была предусмотрена система взвешенных голосов. В рамках ЕАЭС применение принципа квалифицированного большинства, в том числе на основе взвешенных голосов, для всех органов на данный момент развития интеграции трудно реализуемо²¹ в связи с небольшим количеством

¹⁹ Правовой портал ЕАЭС // URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru> (дата обращения: 14.02.2024).

²⁰ Лукьянова В. Ю., Павлушкин А. В. Правовой мониторинг в Евразийском экономическом союзе // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 151.

государств-членов и неравномерным распределением населения, однако по мере расширения объединения такая возможность будет становиться всё более реалистичной, поскольку способствует демократизации и повышению эффективности деятельности органов Союза. В настоящее время принцип квалифицированного большинства применяется только в Коллегии Комиссии, однако этот принцип распространяется не на все вопросы, и для принятия решений по некоторым вопросам все равно необходим консенсус.

Установленный в ЕАЭС порядок принятия решений характеризуется тем, что правом законодательной инициативы (инициации принятия решений) обладают как органы Союза (кроме Суда), так и государства-члены. Каждый орган Союза, реализующий правотворческую функцию, принимает акты в рамках своей компетенции, а в случае возникновения коллизий вопрос о принятии решения передается на рассмотрение в вышестоящие органы. Как мы уже говорили, такой порядок принятия нормативных правовых актов свидетельствует о хаотичном характере развития правовой системы ЕАЭС и требует систематизации законодательного процесса, в частности, целесообразно по мере развития интеграции предусмотреть единую законодательную процедуру принятия основных обязательных актов ЕАЭС, оставив при этом органам возможность принимать акты в рамках своей компетенции, которая будет скорректирована в соответствии с новыми реалиями. Тем более, что в рамках Европейского Союза уже заложены соответствующие основы, часть из которых являются универсальными и могут быть использованы при построении других интеграционных объединений.

Третий этап законодательного процесса — после принятия правового акта. Как следует из

нынешнего правового регулирования, решения Комиссии могут быть пересмотрены вышестоящими органами Союза и отменены, а в случае возникновения противоречий между решениями органов ЕАЭС высший приоритет имеют решения Высшего совета, решения Межправительственного совета, в свою очередь, имеют приоритет только над решениями Комиссии.

Таким образом, статус Комиссии в формировании правовой реальности ЕАЭС значительно снижается ввиду того, что другие органы могут отменять любые решения ЕЭК²². Кроме того, решения исполнительного органа Комиссии — Коллегии — может отменить Совет Комиссии по обращению государства-члена или члена Совета. Далее, как мы ранее говорили, в случае несогласия государства-члена с решением Совета соответствующий вопрос может быть внесен на рассмотрение в Межправительственный совет и Высший совет. Следовательно, процедура принятия решений в ЕАЭС основывается на принципе иерархии институциональной системы Союза.

Особенность сложившейся на сегодняшний день ситуации состоит в том, что решения межправительственных органов имеют приоритет над решениями наднационального органа. С одной стороны, это четко очерчивает границы компетенции Евразийской экономической комиссии при осуществлении ею деятельности, предупреждая возможность превращения ее в суперструктуру по аналогии с ЕК, даже несмотря на то, что в ЕС, в отличие от ЕАЭС, существует парламентский контроль деятельности ЕК²³. С другой стороны, возможность отмены решений Комиссии вышестоящими органами ограничивает роль Комиссии как органа, обеспечивающего функционирование и развитие интеграции в рамках Союза, тем самым снижая эффективность ее деятельности и политический вес как исполнительного наднационального ор-

²¹ Войников В. В. Право Европейского Союза и Евразийского экономического союза: законодательство и судебная практика : учебно-методическое пособие. Калининград : Издательство БФУ имени И. Канта, 2022. С. 38.

²² Котова Н. Е. Евразийский экономический союз: совершенствование нормативно-правовой базы // Финансы: теория и практика. 2016. № 5. С. 131.

²³ Бугаева А. С. Эволюция правового статуса Европейской комиссии в организационном механизме Европейского Союза : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 11.

гана интеграционного объединения, который независим при осуществлении своих функций.

Для решения вышеуказанных проблем целесообразно предоставить больше свободы действий в сфере законотворчества наднациональному органу ЕАЭС — Евразийской экономической комиссии. Помимо внедрения единой законодательной процедуры, стоит предусмотреть возможность отмены решений Комиссии только Судом ЕАЭС, а не вышестоящими межправительственными органами. В связи с этим необходимо расширить компетенцию Суда и предоставить ему полномочия в сфере разрешения споров между органами, поскольку целью деятельности Суда является обеспечение единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора и решений органов Союза. Тем более, что по заявлению государств-членов и хозяйствующих субъектов Суд в настоящее время полномочен рассматривать дела о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений праву Союза. Следовательно, если орган ЕАЭС не согласен с актом Комиссии, то он обращается в Суд с соответствующим заявлением, как это предусмотрено в ЕС статьей 263 Договора о функционировании Европейского Союза²⁴. Кроме того, нынешнее правовое регулирование не предусматривает возможности обжалования решений других органов Союза — Высшего совета и Межправительственного совета. Поэтому необходимо ввести судебный контроль со стороны Суда ЕАЭС также и за правотворческой деятельно-

стью высших органов Союза. Такая мера будет способствовать совершенствованию судебного механизма разрешения правовых конфликтов, расширению демократических начал евразийской интеграции и обеспечению эффективности стандартов правосудия в Евразийском экономическом союзе²⁵.

На основании изложенного можно сделать вывод, что в рамках ЕАЭС целесообразно использовать накопленный в ходе законодательного процесса государств-членов опыт и внедрять механизмы, предусмотренные, в частности, на федеральном и региональных уровнях Российской Федерации, а также процедуру экспертизы правовых актов Комиссии с учетом интересов хозяйствующих субъектов и научного сообщества каждого государства-члена, поскольку это отвечает современным вызовам, с которыми сталкивается ЕАЭС, позволит минимизировать межгосударственные споры, споры хозяйствующих субъектов с ЕЭК и, таким образом, снизит возможные конфликтные ситуации между участниками Союза.

Таким образом, реализация правотворческой функции ЕЭК требует некоторых доработок для улучшения качества правовых актов и их эффективной реализации в государствах-членах. Для этого, на наш взгляд, целесообразно использовать как опыт Европейского Союза, так и опыт государственного регулирования законотворческой деятельности, в частности на региональном уровне опыт государств — членов ЕАЭС.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бугаева А. С. Эволюция правового статуса Европейской комиссии в организационном механизме Европейского Союза : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2011. — 26 с.
2. Войников В. В. Право Европейского Союза и Евразийского экономического союза: законодательство и судебная практика : учебное-методическое пособие. — Калининград : Издательство БФУ имени И. Канта, 2022. — 70 с.

²⁴ Treaty on the Functioning of the European Union (consolidated version 2016) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12016E/TXT> (дата обращения: 17.02.2024).

²⁵ Кашкин С. Ю. Интеграция в сфере судебной деятельности как важное направление развития интеграционного права // Вестник ВГУ. Серия «Право». 2018. № 1. С. 257.

3. Войников В. В., Артеменко Т. Д. Право ЕЭК на обращение в суд ЕАЭС: перспективы развития и опыт ЕС // Московский журнал международного права. — 2023. — № 2. — С. 21–37.
4. Глиттова Я., Косов Ю. В. Сравнительный институционально-политический анализ европейской и евразийской интеграции // Управленческое консультирование. — 2016. — № 7. — С. 27–40.
5. Готов С. А. Право Европейского Союза в редакции Лиссабонского договора : учеб. пособие. — М. : Издательство Международного юридического института, 2010. — 452 с.
6. Довгань Е. Ф., Мокосеева М. А. Правовые проблемы функционирования Евразийского экономического союза // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». — 2018. — № 4. — С. 71–79.
7. Дьяченко Е. Б., Энтин К. В. Компетенция Суда Союза // Суд Евразийского экономического Союза и становление права ЕАЭС. — М. : Проспект, 2021. — С. 155–181.
8. Европейское право. Основы интеграционного права Европейского Союза и Евразийского экономического союза : учебник / рук. авт. кол. и отв. ред. Л. М. Энтин, М. Л. Энтин. — М. : Норма, Инфра-М, 2018. — 528 с.
9. Кашкин С. Ю. Интеграция в сфере судебной деятельности как важное направление развития интеграционного права // Вестник ВГУ. Серия «Право». — 2018. — № 1. — С. 245–257.
10. Козлов Д. В. Формирование единого законодательства в рамках ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2020. — № 3. — С. 61–66.
11. Котова Н. Е. Евразийский экономический союз: совершенствование нормативно-правовой базы // Финансы: теория и практика. — 2016. — № 5. — С. 126–132.
12. Лукьянова В. Ю., Павлушкин А. В. Правовой мониторинг в Евразийском экономическом союзе // Журнал российского права. — 2019. — № 11. — С. 144–157.
13. Марышев А. А., Торопыгин А. В. Экономические детерминанты современного этапа евразийской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2014. — № 2. — С. 39–42.
14. Морозов А. Н. Научные подходы к юридической экспертизе проектов нормативных правовых актов, принимаемых органами Евразийского экономического союза // Журнал российского права. — 2017. — № 5. — С. 129–141.
15. Энтин К. В. Евразийская экономическая комиссия // Суд Евразийского экономического союза и становление права ЕАЭС. — М. : Проспект, 2021. — С. 134–142.
16. *Jacque J.-P.* The Principle of Institutional Balance // *Common Market Law Review*. — 2004. — No. 41. — P. 383–391.
17. *Pollack M.* Control mechanism or deliberative democracy? Two images of comitology // *University of Wisconsin-Madison*. — 2003. — Vol. 36. — No. 1–2. — P. 125–155.

Материал поступил в редакцию 6 марта 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bugaeva A. S. Evolyutsiya pravovogo statusa Evropeyskoy komissii v organizatsionnom mekhanizme Evropeyskogo Soyuza: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2011. — 26 s.
2. Voynikov V. V. Pravo Evropeyskogo Soyuza i Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza: zakonodatelstvo i sudebnaya praktika: uchebnoe-metodicheskoe posobie. — Kaliningrad: Izdatelstvo BFU imeni I. Kanta, 2022. — 70 s.
3. Voynikov V. V., Artemenko T. D. Pravo EEK na obrashchenie v sud EAES: perspektivy razvitiya i opyt ES // *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*. — 2023. — № 2. — S. 21–37.
4. Glittova Ya., Kosov Yu. V. Sravnitelnyy institutsionalno-politicheskiy analiz evropeyskoy i evraziyskoy integratsii // *Upravlencheskoe konsultirovanie*. — 2016. — № 7. — S. 27–40.

5. Glotov S. A. Pravo Evropeyskogo Soyuza v redaktsii Lissabonskogo dogovora: ucheb. posobie. — M.: Izdatelstvo Mezhdunarodnogo yuridicheskogo instituta, 2010. — 452 s.
6. Dovgan E. F., Mokoseeva M. A. Pravovye problemy funktsionirovaniya Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza // Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki». — 2018. — № 4. — S. 71–79.
7. Dyachenko E. B., Entin K. V. Kompetentsiya Suda Soyuza // Sud Evraziyskogo ekonomicheskogo Soyuza i stanovlenie prava EAES. — M.: Prospekt, 2021. — S. 155–181.
8. Evropeyskoe pravo. Osnovy integratsionnogo prava Evropeyskogo Soyuza i Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza: ucheb. ruk. avt. kol. i otv. red. L. M. Entin, M. L. Entin. — M.: Norma, Infra-M, 2018. — 528 s.
9. Kashkin S. Yu. Integratsiya v sfere sudebnoy deyatel'nosti kak vazhnoe napravlenie razvitiya integratsionnogo prava // Vestnik VGU. Seriya «Pravo». — 2018. — № 1. — S. 245–257.
10. Kozlov D. V. Formirovanie edinogo zakonodatel'stva v ramkakh EAES // Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika. — 2020. — № 3. — S. 61–66.
11. Kotova N. E. Evraziyskiy ekonomicheskiy soyuz: sovershenstvovanie normativno-pravovoy bazy // Finansy: teoriya i praktika. — 2016. — № 5. — S. 126–132.
12. Lukyanova V. Yu., Pavlushkin A. V. Pravovoy monitoring v Evraziyskom ekonomicheskom soyuze // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2019. — № 11. — S. 144–157.
13. Maryshev A. A., Toropygin A. V. Ekonomicheskie determinanty sovremennogo etapa evraziyskoy integratsii // Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika. — 2014. — № 2. — S. 39–42.
14. Morozov A. N. Nauchnye podkhody k yuridicheskoy ekspertize projektov normativnykh pravovykh aktov, prinimaemykh organami Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2017. — № 5. — S. 129–141.
15. Entin K. V. Evraziyskaya ekonomicheskaya komissiya // Sud Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza i stanovlenie prava EAES. — M.: Prospekt, 2021. — S. 134–142.
16. Jacques J.-P. The Principle of Institutional Balance // Common Market Law Review. — 2004. — No. 41. — P. 383–391.
17. Pollack M. Control mechanism or deliberative democracy? Two images of comitology // University of Wisconsin-Madison. — 2003. — Vol. 36. — No. 1–2. — P. 125–155.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.164-171

А. Е. Цепилов*,
И. М. Жолобова**

Личный досмотр: проблемы и пути решения

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы правового регулирования личного досмотра, вытекающие из современной практики его реализации. Проанализировав уголовно-процессуальное, административное и оперативно-розыскное законодательство, а также эмпирические данные, авторы предлагают присвоить единое наименование «личный досмотр» всем однотипным действиям, связанным с обследованием тела человека, его одежды и находящихся при нем вещей; закрепить порядок проведения личного досмотра в УПК РФ; конкретизировать перечень оснований, субъектов данного мероприятия, а также исключений из общего правила в профильных нормативных правовых актах отдельно по каждому виду деятельности; основным способом фиксации хода и результатов досмотровых мероприятий установить совокупность составления протокола личного досмотра и использования технических средств аудио-, фото- и видеозаписи; разрешить проведение досмотровых мероприятий без обнажения тела человека, а также в исключительных случаях и с его обнажением должностному лицу любого пола.

Ключевые слова: личный обыск; личный досмотр; изъятие; оперативно-розыскная деятельность; фиксация; досмотровые мероприятия; половой признак; уголовный процесс; административное право; обследование; понятый; средства видеозаписи.

Для цитирования: Цепилов А. Е., Жолобова И. М. Личный досмотр: проблемы и пути решения // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 12. — С. 164–171. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.164-171.

© Цепилов А. Е., Жолобова И. М., 2024

* Цепилов Андрей Евгеньевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России
Комарова пр., д. 7, г. Омск, Российская Федерация, 644112
patron_andrey@bk.ru

** Жолобова Ирина Михайловна, следователь отделения МВД России «Тисульское»
Сахарова ул., д. 3, пгт Тисуль, Тисульский район, Кемеровская область — Кузбасс, Российская Федерация, 652210
irenzholobowa@yandex.ru

Pat-Down Search: Problems and Solutions

Andrey E. Tsepilov, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer, Department of Law Enforcement Intelligence Operations of Internal Affairs Bodies, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation
patron_andrey@bk.ru

Irina M. Zholobova, Investigating Officer, Tisulskoye Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Tisul Urban Settlement, Tisulsky District, Kemerovo Region — Kuzbass, Russian Federation
irenzholobova@yandex.ru

Abstract. The paper examines the problems of legal regulation of pat-down searches, arising from the modern practice of its implementation. Having analyzed the criminal procedure, administrative and law enforcement legislation, as well as empirical data, the authors propose to assign a single name «pat-down search» to all similar actions related to the examination of a person's body, clothing and personal belongings; to consolidate the procedure for conducting a pat-down search in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation; to specify the list of grounds, subjects of this event, as well as exceptions to the general rule in specialized regulatory legal acts separately for each type of activity; to establish the combination of drawing up a pat-down search report and using technical means of audio, photo and video recording as the main method of recording the progress and results of search activities; to allow search activities to be conducted without exposing a person's body, as well as in exceptional cases and with its exposure to an official of either gender.

Keywords: pat-down search; personal inspection; seizure; investigative activities; recording; inspection activities; gender; criminal procedure; administrative law; examination; witness; video recording equipment.

Cite as: Tsepilov AE, Zholobova IM. Pat-Down Search: Problems and Solutions. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(12):164-171. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.164-171

Право каждого человека на личную неприкосновенность гарантировано Конституцией РФ¹. Однако оно не является абсолютным и может быть ограничено в целях защиты законных интересов отдельных лиц, общества или государства. Одной из ограничительных мер являются действия по обследованию тела человека, его одежды и находящихся при нем вещей. Ее изучению посвящены работы многих исследователей², но, несмотря на это, некоторые проблемы до настоящего времени остаются неизученными и неразрешенными, что весьма негативно сказывается на дальнейшем

развитии законодательства и затрудняет повседневную правоприменительную практику.

Результаты анкетирования следователей, оперуполномоченных, сотрудников патрульно-постовой службы, государственной инспекции безопасности дорожного движения, Росгвардии, а также частных охранных организаций свидетельствуют, что наиболее острыми проблемами являются 1) различия в наименовании мероприятий по обследованию человека и его вещей в зависимости от вида правоохранительной деятельности (70,8 % респондентов); 2) сложность фиксации их хода и результатов и

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

² См.: Нагорный А. П., Попов А. Н., Равнюшкин А. В. Проблемы правового регулирования и осуществления досмотра физического лица сотрудниками полиции, обеспечивающими охрану общественного порядка // Юридическая и правоохранительная практика. 2019. № 2. С. 103–112; Конджакулян К. М., Быконя А. В. Личный досмотр по КоАП РФ. Некоторые проблемы правового регулирования // Закон и право. 2019. № 8. С. 168–169.

вытекающая из этого неопределенность перспектив дальнейшего использования (44,1 %); 3) ограничение по половому признаку круга лиц, имеющих право в них участвовать (34,9 %)³.

Рассмотрим каждую из обозначенных проблем более подробно.

В уголовном процессе обследование тела человека, его одежды и находящихся при нем вещей именуется «личным обыском». Основания и порядок его проведения перечислены в ст. 182 УПК РФ, а некоторые важные с точки зрения законодателя особенности указаны в ст. 184 УПК РФ. Исходя из анализа указанных норм, он состоит из:

- предложения добровольно выдать подлежащие изъятию предметы, документы и ценности;

- в случае отказа либо при наличии сомнений, что выданы не все искомые объекты, — проведения поисковых мероприятий, в ходе которых может происходить визуальный осмотр, а также тактильная проверка тела человека, его одежды и находящихся при нем вещей, в том числе с проникновением в скрытые полости;

- осмотр, упаковка обнаруженных объектов, составление протокола и вручение его копии обыскиваемому.

Аналогичные по сущности действия можно обнаружить в п. 3 ч. 1 ст. 27.1 КоАП РФ среди мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении. Они названы законодателем «личным досмотром (досмотром вещей, транспортного средства, находящихся при физическом лице)». Последовательность его проведения регламентируется

статьей 27.7 КоАП РФ и в целом не имеет существенных отличий от личного обыска.

Кроме того, в рамках административной деятельности предусмотрена возможность досмотра граждан в целях обеспечения транспортной безопасности. Его процедура описана в приказе Минтранса России от 23.07.2015 № 227⁴ и имеет определенные особенности. Так, местом проведения наиболее часто являются контрольно-пропускные пункты или посты, а преимущественным методом выступает использование технических средств досмотра, в дополнение к которым могут применяться иные способы, такие как визуальный осмотр материальных объектов досмотра и их содержимого; проверка массо-габаритных параметров материальных объектов досмотра, с последующей оценкой их соответствия техническим паспортным данным, а также данным в перевозочных документах; использование одорологических способностей служебных собак для выявления предметов и веществ, запрещенных или ограниченных к перемещению; ручной контактный способ досмотра, заключающийся в выявлении предметов и веществ посредством контакта рук работника досмотра с поверхностью материальных объектов досмотра.

Если говорить об оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД), то в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности»⁵ отсутствует прямое указание на возможность проведения личного досмотра или иного обследования тела человека и находящихся при нем вещей. На данный факт неоднократно обращали внимание различные исследователи⁶. Так,

³ В период с июня 2023 г. по февраль 2024 г. авторами проанкетированы 52 следователя, 86 оперуполномоченных, 36 сотрудников ППС, 28 сотрудников ГИБДД, 31 сотрудник Росгвардии, 48 сотрудников частных охранных организаций, осуществляющих профессиональную деятельность на территории Омской, Новосибирской, Кемеровской, Курганской и Тюменской областей. Общее количество ответов превышает 100 %, т.к. имелась возможность выбрать несколько вариантов ответа.

⁴ Приказ Минтранса России от 23.07.2015 № 227 «Об утверждении Правил проведения досмотра, дополнительного досмотра, повторного досмотра в целях обеспечения транспортной безопасности» (в ред. от 17.11.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

⁶ См.: Шатохин И. Д. Административные задержания и досмотр в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3 (90). С. 240–249; Чечетин А. Е., Шато-

например, этому вопросу В. Ф. Луговик и В. А. Гусев в монографии «Теория оперативно-розыскных процедур»⁷ посвятили отдельный параграф. Достаточно глубоко изучив данный вопрос, они предлагают дополнить данный Закон нормой, закрепляющей возможность производить при проведении любых оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) личный досмотр граждан, досмотр находящихся при них вещей, а также досмотр их транспортных средств. В целом разделяя позицию ученых, отметим, что в п. 1 ч. 1 ст. 15 действующей редакции Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» закреплено право органов, осуществляющих ОРД, при проведении ОРМ производить изъятие документов, материалов и сообщений. Порядок такого изъятия и условия его проведения ни на законодательном, ни на ведомственном уровне не регламентированы.

Таким образом, в уголовно-процессуальном и административном законодательстве вполне четко и конкретно закреплено право на проведение рассматриваемых действий, в то время как оперативно-розыскное нормативное правовое регулирование значительно отстает от них и требует, по нашему мнению, соответствующих изменений.

Помня о необходимости соблюдения принципа правовой экономии, или экономии правового регулирования (именуемого также «брита Оккама»), который А. Эйнштейн сформулировал как «Всё следует упрощать до тех пор, пока это возможно, но не более того»⁸, считаем, что для описания одинаковых по сущности действий, независимо от сферы применения, необходимо использовать одну лексическую единицу. Неограниченное разрастание терминологии уже приводит к тому, что ученые и практики одной отрасли права не вполне способны на равных

поддерживать диалог с коллегами из другой. Философ не понимает юриста, а тот, в свою очередь, историка.

Помимо этого, аргументом в пользу унификации служат результаты опроса сотрудников полиции. Их анализ свидетельствует, что 77,2 % респондентов при возможности отказаться от проведения данного мероприятия непременно сделали бы это, т.к. сомневаются в правильном выборе правового акта, нормами которого следует руководствоваться в определенной ситуации, и опасаются последующего обжалования своих действий.

Кроме того, обозначенная специфика российского законодательства приводит к неоднозначной позиции следователей, прокуроров и судей о возможности использования в доказывании по уголовным делам результатов личного досмотра, проведенного в рамках административной деятельности, в связи с отсутствием нормативного правового акта, регламентирующего порядок их представления⁹.

В современном российском законодательстве уже сейчас довольно успешно происходит унификация терминов. Так, в налоговом законодательстве, как и в уголовно-процессуальном, используются «свидетель», «допрос» (ст. 90 НК РФ); термин «арест», наряду с уголовно-процессуальным законодательством, имеется и в административном (ст. 3.9 КоАП РФ), и т.д.

На основании изложенного считаем целесообразным и практически полезным присвоить единое наименование «личный досмотр» однотипным действиям по обследованию тела человека, его одежды и находящихся при нем вещей. Выбор в пользу данного термина объясняется его более ранним появлением в правовом поле, укоренением в лексиконе граждан и широким использованием населением нашей страны.

хин И. Д. Допустимы ли административные задержание и досмотр в оперативно-розыскной деятельности? // Алтайский юридический вестник. 2020. № 4. С. 65–71 ; *Дорош Е. Ю.* Задержание и досмотр лиц при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Право и государство: теория и практика. 2022. № 5. С. 125–128.

⁷ Гусев В. А., Луговик В. Ф. Теория оперативно-розыскных процедур : монография. М. : Проспект, 2019.

⁸ Конт-Спонвиль А. Брита Оккама (Rasoir d'Ockham) // Философский словарь. Litres, 2015.

⁹ Подробнее об этом см.: *Россинский Б. В., Россинский С. Б.* Результаты административной деятельности как доказательства по уголовному делу // Вестник СПбГУ. Право. 2018. Т. 9. Вып. 3. С. 310–328.

Понятие личного досмотра, как и порядок его проведения, необходимо закрепить в УПК РФ, т.к. именно уголовно-процессуальная деятельность имеет, по нашему мнению, более развитое нормативное правовое регулирование. Другим аргументом следует признать тот факт, что ОРМ являются средствами достижения уголовно-процессуальных целей, т.е. ОРД без выхода через уголовный процесс бесплодна¹⁰. При этом приоритет уголовного процесса по отношению к административной деятельности основан на догме, что процессуальная деятельность направлена на добывание истины о самых опасных деяниях, за которые предусмотрена более суровая ответственность.

Очевидно, что сама процедура личного досмотра должна иметь следующий вид:

- оповещение досматриваемого о принятом решении о проведении досмотра, его целях, участвующих лицах и общем порядке действий;
- предложение добровольно выдать искомые объекты;
- проведение поисковых мероприятий с использованием досмотровых средств;
- при обнаружении искомых объектов их извлечение сотрудником, проводящим досмотр;
- при наличии сомнений в результатах поиска с использованием досмотровых средств либо невозможности их использования применение ручного контактного способа досмотра, заключающегося в выявлении искомых объектов посредством контакта рук досматривающего с досматриваемым, его одеждой и иными находящимися при нем вещами;
- при обнаружении искомых объектов их осмотр и упаковка;
- составление протокола с описанием хода и результатов досмотра, вручение копии протокола досматриваемому.

При этом мы считаем важным установить обязательное проведение досмотровых мероприятий с использованием технических средств до ручного контактного поиска. В настоящее время при досмотрах уже применяются такие

технические и специальные средства, как стационарные рентгенотелевизионные интроскопы и металлоискатели, рентгенографические сканеры, системы интродукции в терагерцевом диапазоне электромагнитного спектра и др., которые позволяют дистанционно определить локализацию предмета, его размеры, внутреннее наполнение, материалы, из которых он изготовлен, и многие другие параметры. Несомненно, развитие электронной техники и использование искусственного интеллекта в недалеком будущем позволят производить досмотр человека, его одежды и вещей без использования ручного метода, который будет лишь запасным или дополнительным.

Конкретизацию перечня оснований и субъектов данного мероприятия, а также исключения из общего правила целесообразно закрепить в профильных нормативных правовых актах отдельно по каждому виду деятельности. Указанный способ нормотворчества не является чем-то оригинальным и уже неоднократно использовался законодателем¹¹. Так, например, на наш взгляд, следует поступить с указанием о том, что ручной контактный способ для выявления предметов и веществ, сокрытых в одежде или под одеждой физических лиц, при обеспечении пропускного режима или транспортной безопасности может применяться только при получении согласия досматриваемого лица.

Переходя к рассмотрению следующей обозначенной ранее проблемы, следует отдельно отметить важность фиксации досмотровых мероприятий. Она необходима, во-первых, для того, чтобы исключить «подбросы» искомых объектов и формирования на их основе недостоверных доказательств; во-вторых, из-за невозможности рассматриваемых действий и невозможности «повторного обнаружения» искомых объектов в процессе доказывания.

В настоящее время основным способом фиксации следует признать привлечение понятых. Однако если некоторое время назад он не имел исключений, то в настоящее время явно просле-

¹⁰ Томин В. Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М. : Юрид. лит., 1991. С. 4.

¹¹ В настоящее время, например, есть аналогичная ссылка на УПК РФ в ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

живается тенденция к его замещению. Так, уже сейчас в УПК РФ предусмотрена возможность проведения личного обыска без участия понятых в труднодоступной местности, при отсутствии надлежащих средств сообщения, а также в случаях, если производство следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей. Не отстает от уголовного процесса и административное законодательство, соглашаясь на отсутствие в исключительных случаях понятых при наличии достаточных оснований полагать, что при физическом лице находятся оружие или иные предметы, используемые в качестве оружия. При этом во всех случаях заменить людей призваны технические средства аудио-, фото- и видеозаписи.

Опрос граждан, которые подвергались процедуре досмотра, показал, что 84,1 % из них считают фиксацию необходимым условием проведения досмотровых мероприятий¹². При этом 59,4 % респондентов отметили в качестве предпочтительного способа фиксации использование технических средств аудио-, фото- и видеозаписи, 22,4 % — участие понятых, 18,2 % — иные способы.

Сопоставимые сведения были получены и при анкетировании лиц, проводивших личный досмотр. Так, 95 % из них указали, что фиксация процесса и результатов досмотра обязательна, подавляющее большинство респондентов (96,6 %) предложили использовать для этого технические средства аудио-, фото- и видеозаписи, и только 3,4 % — понятых.

Понять логику лиц, участвовавших в исследовании, и законодателя достаточно просто. Во-первых, в связи с тем, что к понятым предъявляются определенные требования¹³, их тяжело найти не только в отдаленной местности или в ночное время, но и в городе в час пик, когда

все торопятся по своим делам. Кроме того, на это может уйти достаточно много времени. Во-вторых, понятые могут по прошествии времени забыть какие-то особенности проведения мероприятия или просто не придать им значения, неправильно оценить или воспроизвести события, иметь личную заинтересованность в результатах мероприятия (например, быть подкупленными или запуганными, симпатизировать конкретным лицам — участникам наблюдаемых ими событий и т.п.). Технические средства лишены перечисленных недостатков. Они имеют небольшой размер, позволяют хранить продолжительное время отснятый материал, с каждым днем возрастают их автономность и распространенность, улучшается качество записи. Такой способ фиксации наиболее объективно отражает ход и результаты мероприятия.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: учитывая неоспоримые преимущества использования технических средств для фиксации хода и результатов досмотровых мероприятий, считаем необходимым определить данный способ в совокупности с составлением протокола как основной, а возможность участия незаинтересованных граждан — в качестве исключительной меры.

Переходя к рассмотрению вопроса о половой принадлежности лиц, допущенных к участию в проведении личного досмотра, следует отметить, что впервые ответ на данный вопрос нашел законодательное закрепление в Кодексе РСФСР об административных правонарушениях 1984 г.¹⁴ Согласно ч. 2 ст. 243 данного нормативного акта личный досмотр мог производиться уполномоченным на то лицом одного пола с досматриваемым и в присутствии двух понятых того же пола. Данное требование сохранилось и до наших дней¹⁵.

¹² Всего было опрошено 165 граждан, 138 из них подвергались процедуре досмотра (70 мужчин и 68 женщин).

¹³ Такие, как незаинтересованность в исходе дела, совершеннолетие, дееспособность, понятой не должен быть работником органов исполнительной власти, наделенным полномочиями по осуществлению ОРД и (или) предварительного расследования, быть одного пола с досматриваемым.

¹⁴ Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (утв. ВС РСФСР 20.06.1984) (ред. от 20.03.2001) // Ведомости ВС РСФСР. 05.07.1984. № 27. Ст. 909.

¹⁵ Так, в ч. 3 ст. 184 УПК РФ указано, что личный обыск лица производится только лицом одного с ним пола и в присутствии понятых и специалистов того же пола, если они участвуют в данном следственном дей-

Его существенным недостатком следует признать сложность соблюдения в условиях непредвиденности и динамично меняющейся обстановки, которая свойственна административной, процессуальной и особенно оперативно-розыскной деятельности. Например, при проведении оперативного эксперимента по фактам получения незаконных денежных вознаграждений невозможно предугадать заранее, кого заподозренное лицо отправит на встречу для получения денег. Аналогичная ситуация может сложиться, когда в ходе наблюдения сотрудники полиции становятся очевидцами совершения противоправного деяния. Промедление с проведением досмотра и изъятием предметов преступного посягательства, а также орудий его совершения приводит к их сокрытию или утрате, что в последующем влечет невозможность осуществления правосудия.

Кроме того, всё чаще встречаются такие ситуации, как несовпадение гендерной идентичности¹⁶, интерсексуальность, а также искусственная смена пола досматриваемым, при которых вопрос определения половой принадлежности лица может быть сопряжен со значительными трудностями.

Мы считаем, что правоохранительную деятельность можно рассматривать в качестве близнеца медицины. Первая, как и вторая, целенаправленно воздействуя на отдельного человека, призвана оздоровить всё общество. Так, например, в период пандемии или массовых заболеваний, когда болезненное состояние одного индивида ставит под угрозу физическое существование группы людей, считается вполне естественным принуждение больного к лечению. При этом вряд ли кто-то будет обращать внимание на соблюдение гендерного единообразия больного и врача. В административной, процессуальной и оперативно-розыскной деятельности все ситуации, требующие проведения обследования тела человека, его одежды и вещей, связаны с обоснованным предположением о том, что данный

человек может являться источником опасности для общества¹⁷, поэтому, на наш взгляд, необходимо расширить границы допустимого при осуществлении досматривающим лицом своих полномочий.

Опрос граждан, которые подвергались процедуре досмотра, показал, что в отношении 59,4 % из них досмотровые мероприятия хотя бы один раз проводило лицо противоположного пола. При этом 92,7 % таких лиц отметили, что не испытывали предвзятого отношения к себе на основании половой принадлежности. На вопрос о предпочтении пола досматривающего 75,8 % респондентов ответили, что он для них менее важен, чем профессиональные качества.

Опрос сотрудников, участвовавших в проведении досмотра, показал, что 67,3 % из них проводили досмотровые мероприятия в отношении лиц противоположного пола, но при этом их действия ничем не отличались от досмотра однополых им лиц и никаких особых чувств они не испытывали (100 % ответов).

Таким образом, подводя итог рассматриваемому вопросу, необходимо отметить, что в условиях быстроменяющейся, трудно прогнозируемой обстановки при наличии возможности фиксации действий досматривающего лица средствами объективного контроля и их обжалования целесообразно разрешить проведение досмотровых мероприятий без обнажения тела человека, а в исключительных случаях и с обнажением, должностному лицу любого пола.

В завершение подведем итоги:

- следует присвоить единое наименование «личный досмотр» однотипным действиям, связанным с обследованием тела человека, его одежды и находящихся при нем вещей;
- закрепить порядок проведения личного досмотра в УПК РФ;
- конкретизировать перечень оснований, субъектов данного мероприятия, а также исклю-

ствии. Согласно ч. 3 ст. 27.7 КоАП РФ личный досмотр производится лицом одного пола с досматриваемым в присутствии двух понятых того же пола.

¹⁶ Ранее признавалась психическим расстройством, однако с 25 мая 2019 г. ВОЗ официально прекратила классифицировать трансгендерность как психическое расстройство.

¹⁷ Поэтому преступления и административные правонарушения называются общественно опасными деяниями.

чений из общего правила в профильных нормативных правовых актах отдельно по каждому виду деятельности;

— в качестве основного способа фиксации хода и результатов досмотровых мероприятий установить совокупность составления протокола личного досмотра и использования тех-

нических средств аудио-, фото- и видеозаписи. Участие незаинтересованных граждан признать возможной, но исключительной мерой;

— разрешить проведение досмотровых мероприятий без обнажения тела человека, а в исключительных случаях и с обнажением, должностному лицу любого пола.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гусев В. А., Луговик В. Ф. Теория оперативно-розыскных процедур : монография. — М., 2019. — 318 с.
2. Дорош Е. Ю. Задержание и досмотр лиц при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Право и государство: теория и практика. — 2022. — № 5. — С. 125–128.
3. Конджакулян К. М., Быконя А. В. Личный досмотр по КоАП РФ. Некоторые проблемы правового регулирования // Закон и право. — 2019. — № 8. — С. 168–169.
4. Нагорный А. П., Попов А. Н., Равнюшкин А. В. Проблемы правового регулирования и осуществления досмотра физического лица сотрудниками полиции, обеспечивающими охрану общественного порядка // Юридическая и правоохранительная практика. — 2019. — № 2. — С. 103–112.
5. Россинский Б. В., Россинский С. Б. Результаты административной деятельности как доказательства по уголовному делу // Вестник СПбГУ. Право. — 2018. — Т. 9. — Вып. 3. — С. 310–328.
6. Томин В. Т. Острые углы уголовного судопроизводства. — М., 1991. — 240 с.
7. Чечетин А. Е., Шатохин И. Д. Допустимы ли административные задержание и досмотр в оперативно-розыскной деятельности? // Алтайский юридический вестник. — 2020. — № 4. — С. 65–71.
8. Шатохин И. Д. Административные задержания и досмотр в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2019. — № 3 (90). — С. 240–249.

Материал поступил в редакцию 19 февраля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gusev V. A., Lugovik V. F. Teoriya operativno-rozysknykh protsedur: monografiya. — M., 2019. — 318 s.
2. Dorosh E. Yu. Zaderzhanie i dosmotr lits pri provedenii operativno-rozysknykh meropriyatiy // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. — 2022. — № 5. — S. 125–128.
3. Kondzhakulyan K. M., Bykonya A. V. Lichnyy dosmotr po KoAP RF. Nekotorye problemy pravovogo regulirovaniya // Zakon i pravo. — 2019. — № 8. — S. 168–169.
4. Nagornyy A. P., Popov A. N., Ravnyushkin A. V. Problemy pravovogo regulirovaniya i osushchestvleniya dosmotra fizicheskogo litsa sotrudnikami politzii, obespechivayushchimi okhranu obshchestvennogo poriyadka // Yuridicheskaya i pravookhranitel'naya praktika. — 2019. — № 2. — S. 103–112.
5. Rossinskiy B. V., Rossinskiy S. B. Rezultaty administrativnoy deyatel'nosti kak dokazatel'stva po ugovnomu delu // Vestnik SPbGU. Pravo. — 2018. — T. 9. — Vyp. 3. — S. 310–328.
6. Tomin V. T. Ostrye ugly ugovnogo sudoproizvodstva. — M., 1991. — 240 s.
7. Chechetin A. E., Shatokhin I. D. Dopustimy li administrativnye zaderzhanie i dosmotr v operativno-rozysknoy deyatel'nosti? // Altayskiy yuridicheskiy vestnik. — 2020. — № 4. — S. 65–71.
8. Shatokhin I. D. Administrativnye zaderzhaniya i dosmotr v operativno-rozysknoy deyatel'nosti // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. — 2019. — № 3 (90). — S. 240–249.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.172-179

А. Н. Киселев*

Эколого-правовой аспект развития возобновляемой энергетики в сельском хозяйстве

Аннотация. Сельское хозяйство в контексте необходимости усиления продовольственной безопасности и эффективного управления землями сельскохозяйственного назначения нуждается в устойчивом развитии. Являясь одной из ведущих отраслей российской экономики, сельское хозяйство обладает предпосылками для цифровизации отрасли, внедрения инновационных и наукоемких продуктов и технологий. Работа посвящена исследованию правового регулирования использования земель сельскохозяйственного назначения в целях развития возобновляемой энергетики. В частности, выделяются два аспекта такого использования: в качестве пространственного базиса для размещения объектов возобновляемой энергетики и в качестве средства производства биомассы. Уделено внимание негативному воздействию на окружающую среду при использовании земель сельскохозяйственного назначения в возобновляемой энергетике. В частности, рассматриваются вопросы негативного теплового и теневого воздействия на земли, изменения характера землепользования вследствие вытеснения производства сельскохозяйственных культур для пищевых и кормовых целей. Автором сформулированы положения, которые могут служить основой для формирования правового регулирования применения возобновляемой энергетики в сельском хозяйстве.

Ключевые слова: экологическое право; возобновляемая энергетика; энергия ветра; энергия солнца; земли сельскохозяйственного назначения; биомасса; сельское хозяйство; зонирование территорий; устойчивое развитие; «зеленая» энергия.

Для цитирования: Киселев А. Н. Эколого-правовой аспект развития возобновляемой энергетики в сельском хозяйстве // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 12. — С. 172–179. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.172-179.

© Киселев А. Н., 2024

* Киселев Артем Николаевич, соискатель отдела экологического и аграрного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
Большая Черемушkinsкая ул., д. 34, г. Москва, Российская Федерация, 117218
art.connel@mail.ru

Environmental and Legal Aspects of the Renewable Energy Development in Agriculture

Artem N. Kiselev, Postgraduate Student, Department of Environmental and Agrarian Legislation, the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
art.connel@mail.ru

Abstract. Agriculture, in the context of the need to enhance food security and efficient management of agricultural lands, needs sustainable development. As one of the leading sectors of the Russian economy, agriculture has the prerequisites for digitalization of the industry, the introduction of innovative and science-intensive products and technologies. The work is devoted to the study of legal regulation issues on the use of agricultural land for the purpose of developing renewable energy. In particular, two aspects of such use are highlighted: as a spatial basis for the placement of renewable energy facilities and as a means of producing biomass. Attention is given to the negative impact on the environment when using agricultural land in renewable energy. In particular, the issues of negative thermal and shadow impacts on lands, changes in the nature of land use due to the displacement of agricultural crop production for food and feed purposes are considered. The author formulates provisions that can serve as a basis for the formation of legal regulation of the use of renewable energy in agriculture.

Keywords: environmental law; renewable energy; wind energy; solar energy; agricultural land; biomass; agriculture; zoning; sustainable development; green energy.

Cite as: Kiselev AN. Environmental and Legal Aspects of the Renewable Energy Development in Agriculture. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(12):172-179. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.172-179

Выделение земли и ее определяющее значение для охраны окружающей среды, как справедливо отмечают исследователи, связаны не только с ее использованием как основного средства производства в сельском и лесном хозяйстве, но и с представлением о ней как о пространственном базисе для подавляющего количества видов деятельности человека, для расположения под и на ней всех других природных ресурсов: недр, вод, лесов, животного и растительного мира¹.

Основными целями государственной политики в сфере развития агропромышленного комплекса являются усиление продовольственной безопасности, эффективное управление землями сельскохозяйственного назначения, в том

числе вовлечение их в оборот, и воспроизводство плодородия земель сельскохозяйственного назначения, что отражено в Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 г.² Главным звеном агропромышленного комплекса и одновременно крупнейшим энергопотребителем является сельское хозяйство³.

Развитие технологий получения электроэнергии из возобновляемых и альтернативных источников энергии, низкоуглеродной энергетики названо в числе задач, решение которых обеспечивает достижение цели экономической безопасности Российской Федерации, что находит отражение в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации⁴. Сельское

¹ Боголюбов С. А., Хлуденева Н. И. Комментарий к Федеральному закону от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (постатейный). М. : Юстицинформ, 2009.

² Распоряжение Правительства РФ от 08.09.2022 № 2567-р «Об утверждении Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 12.09.2022.

³ Бурсулая Т. Агропромышленный комплекс // Финансовая газета. 2019. № 19. С. 7, 9.

⁴ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 03.07.2021.

хозяйство, являясь одной из ведущих отраслей российской экономики, обладает объективными предпосылками для развития использования возобновляемой энергетики⁵. В частности, внедрение возобновляемых источников энергии, которые ряд исследователей относит к числу инновационных продуктов⁶ и наукоемких технологий⁷, а также использование биотопливной промышленности⁸ способны стать катализатором развития сельских территорий, преодолеть «перманентно кризисное состояние российского сельского хозяйства»⁹.

Основное средство производства в сельском хозяйстве — земли сельскохозяйственного назначения — может использоваться в самых разнообразных целях. Пунктом 1 ст. 78 ЗК РФ¹⁰ выделяются, в частности, следующие цели: ведение сельскохозяйственного производства, создание мелиоративных защитных лесных насаждений, научно-исследовательские, учебные и иные связанные с сельскохозяйственным производством цели, а также цели аквакультуры (рыбоводства).

Таким образом, перечень целевого использования земель сельскохозяйственного назначения является открытым, но в то же время содержит два важных критерия такого использования: связь с сельским хозяйством целей такого использования, если они прямо не предусмотрены ЗК РФ, и определенный круг субъектов такой деятельности. Кроме того, частью 2 ст. 78 ЗК РФ допускается использование земель сельскохозяйственного назначения или земельных

участков в составе таких земель для строительства, реконструкции и капитального ремонта инженерных сооружений, являющихся линейными объектами, и объектов электросетевого хозяйства в случаях, предусмотренных подпунктами 1 и 6 ст. 39.37 ЗК РФ.

Принципиальное значение при использовании земель сельскохозяйственного назначения для тех или иных целей имеет принцип сохранения целевого использования земельных участков из состава земель сельскохозяйственного назначения¹¹. В связи с этим необходимо соблюдать баланс публичных и частных интересов при нецелевом использовании земель сельскохозяйственного назначения.

В возобновляемой энергетике земли сельскохозяйственного назначения могут быть использованы в двух направлениях: как пространственный базис для размещения объектов возобновляемой энергетики и как средство производства биомассы.

Размещение объектов возобновляемой энергетики на землях сельскохозяйственного назначения допускается в ряде случаев. Объекты возобновляемой энергетики могут быть размещены для связанных с сельским хозяйством целей, например для обеспечения электроэнергией жилых домов, зданий и сооружений, необходимых для ведения сельскохозяйственного производства, размещение которых предусмотрено частью 2 ст. 77 ЗК РФ. Развитие указанного направления может выступать в качестве инструмента преодоления высоких тарифов на

⁵ *Игнатьева И. А.* Возобновляемая энергетика в российской эколого-правовой парадигме : монография. М. : Проспект, 2023. С. 213–217.

⁶ *Выпханова Г. В., Жаворонкова Н. Г.* Инновации в энергетике: организационно-правовые аспекты // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 1. С. 189–203.

⁷ *Безруких П. П.* О состоянии и перспективах развития возобновляемой энергетики мира и России // Энергетическое право. 2011. № 1. С. 10–18.

⁸ *Попова О. В.* Возможное правовое регулирование применения в сельском хозяйстве технологий получения возобновляемых энергоносителей // Права и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России : колл. монография : в 4 т. / отв. ред. С. Д. Могилевский [и др.]. М., 2020. Т. 2. С. 233–243.

⁹ *Боголюбов С. А.* Законодательное обеспечение развития сельского хозяйства // Журнал российского права. 2007. № 9.

¹⁰ Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

¹¹ Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // Парламентская газета. № 140–141. 27.07.2002.

электроэнергетику, обозначенных в Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 г. в качестве факторов, оказывающих неблагоприятное воздействие на развитие агропромышленного комплекса.

Объекты возобновляемой энергетики могут быть размещены на землях сельскохозяйственного назначения непосредственно для обеспечения сельскохозяйственной деятельности. Так, например, объекты на основе солнечной энергии могут быть источником энергии для систем отопления и вентиляции жилых зданий, животноводческих ферм, теплиц, систем холодоснабжения и кондиционирования, горячего водоснабжения, а также в различных технологических процессах¹². Мировой опыт строительства ветровых энергоустановок свидетельствует о том, что в большинстве случаев новые объекты размещаются именно на землях сельскохозяйственного назначения¹³.

Для отдельных видов объектов возобновляемой энергетики процедура размещения, в том числе на землях сельскохозяйственного назначения, существенно упрощена. Так, отдельно стоящие ветроэнергетические установки высотой менее чем 250 м, а также солнечные батареи включены в утвержденный постановлением Правительства РФ от 12.11.2020 № 1816 перечень случаев, при которых для строительства,

реконструкции объекта капитального строительства не требуется разрешения¹⁴.

Использование земель сельскохозяйственного назначения для размещения объектов возобновляемой энергетики имеет ограничения. Не допускается размещение объектов для целей, непосредственно не связанных с сельским хозяйством, субъектами, определенными ЗК РФ. Кроме того, не допускается осуществление строительства, реконструкции и капитального ремонта инженерных сооружений, не являющихся линейными объектами или объектами электросетевого хозяйства.

Использование земель сельскохозяйственного назначения как средства производства биомассы, включающей в себя специально выращенные для получения энергии растения, также является перспективным направлением развития сельского хозяйства. Актуальность развития указанного направления обусловлена тем, что производство биотоплива в животноводстве и растениеводстве, внедрение биогазовых комплексов в целях утилизации органических отходов являются механизмами целевого (интенсивного) сценария обеспечения глобальной конкурентоспособности и устойчивого экономического роста Российской Федерации в условиях глобального энергетического перехода в сфере сельскохозяйственной деятельности¹⁵. В свою очередь, сельское хозяйство, наряду с лесным,

¹² Амерханов Р. А. Оптимизация сельскохозяйственных энергетических установок с использованием возобновляемых видов энергии. М. : КолосС, 2003. С. 38.

¹³ Ecological Effects of Wind-Energy Development // Environmental Impacts of Wind-Energy Projects. 2007. URL: <https://nap.nationalacademies.org/read/11935/chapter/5#75> (дата обращения: 14.02.2024).

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 12.11.2020 № 1816 «Об утверждении перечня случаев, при которых для строительства, реконструкции линейного объекта не требуется подготовка документации по планировке территории, перечня случаев, при которых для строительства, реконструкции объекта капитального строительства не требуется получение разрешения на строительство, перечня случаев, при которых для создания горных выработок в ходе ведения горных работ не требуется получение разрешения на строительство, внесении изменений в перечень видов объектов, размещение которых может осуществляться на землях или земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без предоставления земельных участков и установления сервитутов, и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 20.11.2020.

¹⁵ Воронина Н. П. Устойчивое («зеленое») развитие сельского хозяйства в условиях климатических изменений: правовой опыт России и Индии // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 7. С. 177–186.

выступает одним из основных производителей биомассы — сырья для производства биотоплива и биогаза.

Важным аспектом при рассмотрении вопроса о производстве биомассы является определение разновидностей сырья, выступающего в качестве биомассы. Понятие возобновляемых источников энергии, закрепленное в ст. 3 Федерального закона от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике»¹⁶, относит к биомассе специально выращенные для получения энергии растения, в том числе деревья, а также отходы производства и потребления, за исключением отходов, полученных в процессе использования углеводородного сырья и топлива.

Важно отметить, что сельское хозяйство является производителем не только специально выращенных для получения энергии растений, но и отдельных видов отходов, полученных в процессе сельскохозяйственной деятельности. Так, согласно утвержденному приказом Росприроднадзора от 22.05.2017 № 242 Федеральному классификационному каталогу отходов¹⁷ в отдельный блок выделяются отходы сельского, лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства. Среди отходов сельского хозяйства выделяются группы отходов растениеводства (солома, стебли подсолнечника, стебли кукурузы, зерноотходы и т.п.), отходов животноводства (навоз, помет и т.п.) и отходов при прочих работах и услугах в сельском хозяйстве (отходы пестицидов и агрохимикатов, корма для животных, утратившие потребительские свойства, и т.п.).

При определении понятия биомассы в качестве возобновляемого источника энергии можно отметить терминологическое расхождение в положениях законодательства об энергетике и об отходах производства и потребления, причиной которого в данном случае стало нарушение требований юридической техники¹⁸. Федераль-

ный закон «Об электроэнергетике» недвусмысленно относит к биомассе отходы производства и потребления, включая отходы сельского хозяйства, в то время как Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления»¹⁹ указывает на возможность использования в качестве возобновляемого источника энергии (энергетической утилизации) исключительно твердых коммунальных отходов после извлечения из них полезных компонентов на объектах обработки. На наш взгляд, целесообразно внести соответствующие изменения в законодательство об обращении с отходами производства и потребления и привести вышеуказанные формулировки к единому знаменателю.

В условиях развития возобновляемой энергетики использование земель сельскохозяйственного назначения для соответствующих целей способно создать угрозу сохранению целевого использования земельных участков из состава земель сельскохозяйственного назначения, повлиять на изменение структуры не только землепользования, но и всего агропромышленного комплекса.

Размещение отдельных объектов возобновляемой энергетики на землях сельскохозяйственного назначения способно оказать негативное воздействие на качество земель. Так, размещение солнечных энергетических установок вызывает затенение значительной площади земель, что влечет за собой изменение состояния почв и растительности. Негативное воздействие провоцирует и локальное нагревание воздуха в районе расположения объекта, изменяющее тепловой баланс, влажность и направление движения воздушных масс. Последнее также относится к ветроэнергетическим установкам. Стоит отметить, что в настоящее время также не установлены пределы площадей земельных

¹⁶ СЗ РФ. 2003. № 13. Ст. 1177.

¹⁷ Приказ Росприроднадзора от 22.05.2017 № 242 «Об утверждении Федерального классификационного каталога отходов» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 13.06.2017.

¹⁸ См.: Хлуденева Н. И. Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды : монография. М. : ИЗиСП, Инфра-М, 2014.

¹⁹ Российская газета. 1998. № 121.

участков из состава земель сельскохозяйственного назначения, занимаемых объектами возобновляемой энергетики. С учетом условного паритета таких характеристик, как количество солнечной энергии и плодородие отдельных земель сельскохозяйственного назначения (особенно в южных районах страны), неконтролируемое размещение объектов возобновляемой энергетики под прикрытием обеспечения энергией нужд сельского хозяйства приведет к массовому нецелевому использованию ценных плодородных земель.

Возрастание объемов сельскохозяйственного производства, в частности увеличение объемов производства биомассы, может повлечь увеличение площадей земельных участков, являющихся основным средством производства в сельском хозяйстве, что впоследствии негативно отразится на качестве земель. Культивирование сельскохозяйственных культур для производства биомассы спровоцирует вытеснение традиционного производства сельскохозяйственных культур для пищевых и кормовых целей, что, в свою очередь, создаст дополнительный спрос на землю и приведет к распространению сельскохозяйственных угодий на районы с высоким содержанием углерода.

На наш взгляд, целесообразно правовое закрепление механизмов, обеспечивающих устойчивое развитие сельского хозяйства в условиях модернизации, цифровизации сельского хозяйства. При этом, как справедливо отмечают исследователи, сельское хозяйство нельзя рассматривать как чисто производственную сферу, в отрыве от социальных, демографических и экономических факторов²⁰.

В качестве такого механизма может выступать зонирование сельскохозяйственных земель с установлением для земельных участков в составе таких зон соответствующих регламентов. Критериями для установления регламентов могут быть показатели пригодности ис-

пользования земель в сельскохозяйственном производстве, фактического использования земельных участков и иные природно-экономические показатели земель²¹. Это позволит обеспечить охрану и целевое использование сельскохозяйственных угодий в составе определенных зон, а также определить размер и состав земель для осуществления иных, связанных с сельским хозяйством целей, в том числе зон для размещения объектов возобновляемой энергетики.

Принимая во внимание изложенное, считаем целесообразным сформулировать и законодательно закрепить некоторые базовые положения, которые должны послужить основой для развития применения возобновляемой энергетики в сельском хозяйстве в целом и производства биомассы на землях сельскохозяйственного назначения в частности:

- закрепить принципы приоритета традиционного производства сельскохозяйственных культур для пищевых и кормовых целей перед культивированием сельскохозяйственных культур для производства биотоплива, использования земель с низким содержанием углерода и обеспечения лесовосстановления, предотвращения образования отходов и приоритета их переработки;
- определить предельные объемы производства биотоплива и биожидкостей из биомассы на основе пищевых и кормовых культур в целях предупреждения косвенного изменения характера землепользования;
- определить предельные объемы производства пищевых и кормовых культур в целях получения биомассы на сельскохозяйственных угодьях;
- определить предельные объемы площадей размещения объектов возобновляемой энергетики, вызывающих затенение земель и изменение теплового баланса, на землях сельскохозяйственного назначения.

²⁰ Минина Е. Л. Законодательное обеспечение аграрной политики в России // Журнал российского права. 2006. № 5.

²¹ Липски С. А. Землеустроительное обеспечение как необходимое условие замены института категорий земель территориальным зонированием // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. № 11. С. 18–23.

Приведенные положения будут иметь значение для поддержания баланса между производством пищевых и кормовых сельскохозяйственных культур и производством биомассы, сохранения целевого использования земель

сельскохозяйственного назначения преимущественно для обеспечения продовольственной безопасности, а также сохранения качественного состояния почв на землях сельскохозяйственного назначения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Амерханов Р. А. Оптимизация сельскохозяйственных энергетических установок с использованием возобновляемых видов энергии. — М. : КолосС, 2003. — 532 с.
2. Безруких П. П. О состоянии и перспективах развития возобновляемой энергетики мира и России // Энергетическое право. — 2011. — № 1. — С. 10–18.
3. Боголюбов С. А. Законодательное обеспечение развития сельского хозяйства // Журнал российского права. — 2007. — № 9. — С. 45–52.
4. Боголюбов С. А., Хлуденева Н. И. Комментарий к Федеральному закону от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (постатейный). — М. : Юстицинформ, 2009. — 528 с.
5. Бурсулая Т. Агропромышленный комплекс // Финансовая газета. — 2019. — № 19. — С. 7, 9.
6. Воронина Н. П. Устойчивое («зеленое») развитие сельского хозяйства в условиях климатических изменений: правовой опыт России и Индии // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 7. — С. 177–186.
7. Выпханова Г. В., Жаворонкова Н. Г. Инновации в энергетике: организационно-правовые аспекты // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 1. — С. 189–203.
8. Игнатьева И. А. Возобновляемая энергетика в российской эколого-правовой парадигме : монография. — М. : Проспект, 2023. — 256 с.
9. Липски С. А. Землеустроительное обеспечение как необходимое условие замены института категорий земель территориальным зонированием // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2016. — № 11. — С. 18–23.
10. Минина Е. Л. Законодательное обеспечение аграрной политики в России // Журнал российского права. — 2006. — № 5. — С. 46–52.
11. Попова О. В. Возможное правовое регулирование применения в сельском хозяйстве технологий получения возобновляемых энергоносителей // Права и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России : коллективная монография : в 4 т. / отв. ред. С. Д. Могилевский [и др.]. Т. 2. — М., 2020. — С. 233–243.
12. Хлуденева Н. И. Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды : монография. — М. : ИЗиСП, Инфра-М, 2014. — 172 с.

Материал поступил в редакцию 15 февраля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Amerkhanov R. A. Optimizatsiya selskokhozyaystvennykh energeticheskikh ustanovok s ispolzovaniem vozobnovlyaemykh vidov energii. — M.: KolosS, 2003. — 532 s.
2. Bezrukikh P. P. O sostoyanii i perspektivakh razvitiya vozobnovlyaemoy energetiki mira i Rossii // Energeticheskoe pravo. — 2011. — № 1. — S. 10–18.
3. Bogolyubov S. A. Zakonodatelnoe obespechenie razvitiya selskogo khozyaystva // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2007. — № 9. — S. 45–52.

4. Bogolyubov S. A., Khludeneva N. I. Kommentariy k Federalnomu zakonu ot 10 yanvarya 2002 g. № 7-FZ «Ob okhrane okruzhayushchey sredy» (postateynny). M. : Yustitsinform, 2009. — 528 s.
5. Bursulaya T. Agropromyshlennyy kompleks // Finansovaya gazeta. — 2019. — № 19. — S. 7, 9.
6. Voronina N. P. Ustoychivoe («zelenoe») razvitie selskogo khozyaystva v usloviyakh klimaticheskikh izmeneniy: pravovoy opyt Rossii i Indii // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2022. — № 7. — S. 177–186.
7. Vypkhanova G. V., Zhavoronkova N. G. Innovatsii v energetike: organizatsionno-pravovye aspekty // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2021. — № 1. — S. 189–203.
8. Ignateva I. A. Vozobnovlyаемая энергетика в rossiyskoy ekologo-pravovoy paradigme: monografiya. — M.: Prospekt, 2023. — 256 s.
9. Lipski S. A. Zemleustroitelnoe obespechenie kak neobkhodimoe uslovie zameny instituta kategoriy zemel territorialnym zonirovaniem // Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii. — 2016. — № 11. — S. 18–23.
10. Minina E. L. Zakonodatelnoe obespechenie agrarnoy politiki v Rossii // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2006. — № 5. — S. 46–52.
11. Popova O. V. Vozmozhnoe pravovoe regulirovanie primeneniya v selskom khozyaystve tekhnologiy polucheniya vozobnovlyаемых energonositeley // Prava i biznes: pravovoe prostranstvo dlya razvitiya biznesa v Rossii: kollektivnaya monografiya: v 4 t. / otv. red. S. D. Mogilevskiy [i dr.]. T. 2. — M., 2020. — S. 233–243.
12. Khludeneva N. I. Defekty pravovogo regulirovaniya okhrany okruzhayushchey sredy: monografiya. — M.: IZiSP, Infra-M, 2014. — 172 s.

Порядок классификации отходов производства и потребления и побочных продуктов производства: проблемы разграничения

Аннотация. Статья посвящена проблеме вовлечения отходов в хозяйственный оборот, разрешаемый в рамках экономики замкнутого цикла. В контексте подготовки законопроекта «О построении экономики замкнутого цикла» обсуждаются пути решения вопроса об использовании веществ, образующихся в ходе производства. В свете циркулярной экономики такие вещества могут быть использованы полезным образом. Тем не менее побочные продукты производства практически невозможно отграничить по правовому регулированию от отходов производства и потребления, в связи с чем не достигаются цели максимального использования исходных сырья и материалов, а также предотвращения и сокращения образования отходов. Предпосылки, допускающие формирование порядка классификации вещества в качестве побочного продукта производства, обнаруживаются в разъясняющих документах Минприроды России. Как следствие, вырабатываются рекомендации по формированию правового регулирования применительно ко всем видам побочных продуктов производства с их подкреплением судебной практикой, развивающейся в пользу хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: экономика замкнутого цикла; вовлечение отходов в хозяйственный оборот; классификация отходов; классификация побочных продуктов; проблема разграничения отходов и побочных продуктов; горизонтальное и вертикальное регулирование обращения с отходами; подходы к классификации вещества; документы стандартизации; судебная практика; наилучшие доступные технологии.

Для цитирования: Ильменева В. А. Порядок классификации отходов производства и потребления и побочных продуктов производства: проблемы разграничения // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 12. — С. 180–192. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.180-192.

The Procedure for Classifying Production and Consumption Waste and By-Products: Problems of Differentiation

Veronica A. Ilmeneva, Postgraduate Student, Department of Environmental Protection Law, Saint Petersburg State University, Leading Legal Adviser, State Unitary Enterprise Vodokanal of Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation
revinoka@live.ru

Abstract. The paper is devoted to the problem of waste inclusion in circular economy, resolved within the framework of a closed-loop economy. In the context of the preparation of the draft law «On the construction of a closed-loop economy», ways to resolve the issue of using substances generated during production are being discussed. In light

© Ильменева В. А., 2024

* Ильменева Вероника Артуровна, аспирант кафедры правовой охраны окружающей среды Санкт-Петербургского государственного университета, ведущий юрисконсульт ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга» 22-я Линия Васильевского острова, д. 7, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199106
revinoka@live.ru

of the circular economy, such substances can be used efficiently. However, by-products are practically impossible to differentiate from production and consumption waste as to the legal regulations, and therefore the goals of maximum use of raw materials and supplies, as well as prevention and reduction of waste generation, are not achieved. The prerequisites that allow the formation of a procedure for classifying a substance as a by-product are found in the explanatory documents of the Ministry of Natural Resources of Russia. As a result, recommendations are being developed for the formation of legal regulation applicable to all types of by-products, with the support of such a possibility by judicial practice, developing in favor of economic entities.

Keywords: closed-loop economy; waste reuse; waste classification; by-product classification; waste and by-product distinction problem; horizontal and vertical waste management regulation; substance classification approaches; standardization documents; judicial practice; best available technologies.

Cite as: Ilmeneva VA. The Procedure for Classifying Production and Consumption Waste and By-Products: Problems of Differentiation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(12):180-192. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.180-192

В свете вступления в силу с 01.03.2023 положения о том, что юридические лица, индивидуальные предприниматели (далее — хозяйствующие субъекты), в результате хозяйственной и (или) иной деятельности которых образуются не являющиеся продукцией производства вещества и (или) предметы, *самостоятельно осуществляют* их отнесение к отходам либо побочным продуктам производства вне зависимости от факта включения данных веществ и (или) предметов в федеральный классификационный каталог отходов¹ (далее — ФККО), возникает необходимость в урегулировании порядка классификации таких веществ и (или) предметов. До вступления в силу настоящего положения, введенного статьей 51.1 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»² (далее — Федеральный закон № 7-ФЗ), право классифицировать вещество в качестве отхода производства или потребления (далее — отходы) либо побочного продукта производства (далее — побочный продукт) обосновывалось хозяйствующими субъектами в судебном порядке, что в связи с отсутствием в правовом регулировании порядка классификации побочного продукта являлось

организационным препятствием на пути вовлечения отходов в хозяйственный оборот.

Вместе с тем среди направлений государственной политики в области обращения с отходами максимальное использование исходных сырья и материалов, предотвращение и сокращение образования отходов являются приоритетными³.

Недостаточность правовых норм для вовлечения отходов в хозяйственный оборот подчеркивается на государственном уровне: на X Невском экологическом конгрессе⁴ участники рекомендовали проработать вопрос о целесообразности разработки и принятия федерального закона «О построении экономики замкнутого цикла», подготовку которого курирует Минприроды России.

На данный момент правовые основы обращения с отходами в целях предотвращения их вредного воздействия на здоровье человека и окружающую среду, а также вовлечения данных отходов в хозяйственный оборот в качестве дополнительных источников сырья определены только Федеральным законом от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (далее — Федеральный закон № 89-ФЗ).

¹ Приказ Минприроды России от 30.09.2011 № 792 «Об утверждении Порядка ведения государственного кадастра отходов» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

² СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

³ См.: п. 2 ст. 3 Федерального закона от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» // СЗ РФ. 1998. № 26. Ст. 3009.

⁴ Итоговая резолюция X Невского международного экологического конгресса // URL: https://ecocongress.info/upload/docs/2023/10th_Congress_outcome_document_0808.pdf (дата обращения: 01.02.2024).

В соответствии с п. 1 ст. 14 Федерального закона № 89-ФЗ хозяйствующие субъекты, в процессе деятельности которых образуются отходы I–V классов опасности, *обязаны* осуществить отнесение соответствующих отходов к конкретному классу опасности для подтверждения такого отнесения в порядке, установленном приказом Минприроды России от 08.12.2020 № 1027 «Об утверждении порядка подтверждения отнесения отходов I–V классов опасности к конкретному классу опасности»⁵. Критерии отнесения отходов к I–V классам опасности по степени негативного воздействия на окружающую среду утверждены приказом Минприроды России от 04.12.2014 № 536 «Об утверждении Критериев отнесения отходов к I–V классам опасности по степени негативного воздействия на окружающую среду»⁶. Класс опасности вида отхода, не включенного в ФККО, определяется его химическим и компонентным составом. Класс опасности вида отхода, включенного в ФККО, устанавливается на основании сведений из ФККО⁷.

Приказ Минприроды России от 04.12.2014 № 536 свидетельствует о том, что и при отсутствии отхода в ФККО вещество может быть признано отходом в установленном порядке, поэтому практическая реализация положений ст. 51.1 Федерального закона № 7-ФЗ на данный момент затруднительна.

Следовательно, статья 51.1 Федерального закона № 7-ФЗ вступает в коллизию с правовыми нормами, регламентирующими обязанность хозяйствующего субъекта осуществить отнесение вещества к отходу определенного класса опасности.

Порядок учета в области обращения с отходами установлен приказом Минприроды России от 08.12.2020 № 1028 «Об утверждении Порядка учета в области обращения с отходами»⁸.

В соответствии с п. 7 приказа Минприроды России от 08.12.2020 № 1028 организация учета

образующихся отходов осуществляется в следующем порядке:

1) выявляются вещества, материалы, которые образовались при производстве продукции, выполнении работ, оказании услуг, в том числе при газоочистке, очистке сточных и оборотных вод, очистке оборудования, территории, ликвидации загрязнений;

2) выявляются изделия, которые утратили потребительские свойства при их использовании для производства продукции, выполнения работ, оказания услуг;

3) проводятся паспортизация отходов и их отнесение к конкретному классу опасности в порядке подтверждения отнесения отходов I–V классов опасности к конкретному классу опасности, установленном Минприроды России.

Как видно, указанные действия носят последовательный характер, и порядок учета начинается с момента образования отходов. Такой порядок не предоставляет хозяйствующим субъектам право выбора, т.е. паспортизация должна быть проведена в отношении любых веществ, которые «утратили потребительские свойства при их использовании для производства продукции, выполнения работ, оказания услуг». Приказ Минприроды России от 08.12.2020 № 1028 не учитывает наличие или отсутствие интереса хозяйствующего субъекта к соответствующему веществу и (или) изделию, поскольку оборот «утратили потребительские свойства» не дает оценку того, в чьих интересах данные свойства утрачены.

В соответствии с п. 4 приказа Минприроды России от 08.12.2020 № 1027 химический и (или) компонентный состав отходов устанавливается в том числе на основании сведений, содержащихся в технологических регламентах, технических условиях, стандартах, проектной документации.

Такие технологические регламенты, технические условия, стандарты и проектная до-

⁵ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

⁶ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

⁷ См.: п. 7 приказа Минприроды России от 08.12.2020 № 1028 «Об утверждении Порядка учета в области обращения с отходами» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

⁸ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

кументация являются ключевыми не только для классификации отходов, но и для классификации вещества в качестве побочного продукта, поскольку выступают источником сведений о процессах образования тех или иных веществ. Соответственно, требуется разграничить правовое регулирование порядка классификации отходов и порядка классификации побочного продукта для того, чтобы одни и те же документы не могли быть основанием для одновременной классификации вещества как в качестве отхода, так и в качестве побочного продукта.

При идентификации веществ и (или) предметов возникают трудности в связи с тем, что формальный признак соответствия образовавшегося вещества и кодов ФККО не всегда характеризует безусловное отнесение вещества к отходам. Напротив, как показывает судебная практика, хозяйствующий субъект может обосновать идентификацию вещества не в качестве отхода (даже при наличии формального соответствия кодам ФККО) в связи с тем, что это вещество может быть использовано повторно в качестве вторичного материального сырья⁹. Законодатель подтвердил вывод судов¹⁰ введением статьи 51.1 Федерального закона № 7-ФЗ. Тем не менее новое регулирование полностью не исключает двойную классификацию веществ в качестве отходов и побочного продукта. Соответственно, критерии классификации подлежат совершенствованию в части формирования документального подтверждения отнесения вещества к побочному продукту.

Общей идеей по формированию порядка классификации вещества в качестве побочного

продукта является необходимость создания горизонтального регулирования обращения с веществами и вовлечения отходов в хозяйственный оборот на основе посылки о наличии в веществах полезных компонентов. Отмечаются два вида регулирования: горизонтальное и вертикальное¹¹. При горизонтальном регулировании деятельности по обращению с отходами устанавливается нормативное регулирование в отношении всех групп и видов отходов, тогда как вертикальное регулирование предполагает установление порядка в отношении конкретных групп и видов отходов (например, отходов от использования товаров, твердых коммунальных отходов, отходов недропользования и т.п.). В связи с разрозненным характером норм, регулирующих различные виды вовлекаемых в хозяйственный оборот отходов, несмотря на обоснованность таких мер, требуется создание базиса в виде универсальных общих норм, отклонение от которых может быть урегулировано более специальными. Соответственно, для веществ, обладающих полезными свойствами, которые при линейной экономике классифицировались в качестве отходов, а при экономике замкнутого цикла — в качестве побочных продуктов, также следует сформулировать общий подход к порядку их классификации.

Существующее регулирование правовых режимов обращения с веществами, обладающими разными характеристиками и значимостью как для окружающей среды, так и для хозяйствующих субъектов, близкое до степени смешения, препятствует развитию циркулярной экономики. В этом смысле подготовка законопроекта

⁹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25.02.2022 по делу № А27-11400/2021: «Вопреки доводам подателя кассационной жалобы наличие класса опасности у продукции или включение ее в Федеральный классификационный каталог отходов сами по себе не являются критериями для отнесения ее к отходам...».

¹⁰ Решение Арбитражного суда Тульской области от 14.01.2022 по делу № А68-12007/2021: «Суд принимает во внимание доводы Ответчика о том, что фактически выводы надзорного органа основаны только на том, что в Федеральный классификационный каталог отходов включен такой отход как «Осадок мокрой очистки доменного газа» (код ФККО 3 51 121 03 33 4). При этом наличие класса опасности у продукции или включение ее в Федеральный классификационный каталог отходов само по себе не является критерием отнесения ее к отходам».

¹¹ Комплексное устойчивое управление отходами. Жилищно-коммунальное хозяйство : учеб. пособие / под общ. ред. О. В. Улановой. М. : Издательский дом Академии естествознания, 2016. С. 21–22.

«О построении экономики замкнутого цикла» сформирует горизонтальное регулирование и конкретизирует четкие различия между отходом и побочным продуктом таким образом, чтобы для хозяйствующих субъектов, которые могли бы обеспечить вовлечение отходов в хозяйственный оборот, создавались благоприятные правовые условия.

Вещества, которые образуются по итогам производства и подлежат классификации в качестве веществ, обладающих полезными свойствами, должны соответствовать определенному перечню признаков, установленному законодательством, в том числе в части подготовки документов.

Действующее законодательство предписывает в отношении побочных продуктов отражать сведения о видах побочных продуктов производства, об объемах их образования, о дате их образования, планируемых сроках использования в собственном производстве или о передаче другим лицам и результатах таких использования либо передачи в программе производственного экологического контроля¹². Данная программа выступает единственным документом, который отражает сведения об образованных побочных продуктах; вместе с тем она не является первоначальным доказательством образования именно побочных продуктов.

При идентификации веществ и (или) предметов имеют значение документы, обосновывающие принадлежность вещества к отходам или побочным продуктам. Государственные органы — а с ними соглашаются и суды¹³ — ссылаются на отсутствие разработанных предприятиями паспортов отходов как на нарушение обязательных требований. Подход законодателя,

сформулированный в ряде статей Федерального закона № 89-ФЗ¹⁴, сводится к тому, что образование любых веществ по итогам производства свидетельствует об образовании именно отходов.

В свою очередь, дозволение классифицировать вещество в качестве отхода, равно как и в качестве побочного продукта, напротив, должно означать юридическое равенство в выборе порядка классификации вещества для хозяйствующих субъектов, в процессе деятельности которых оно образовалось. Иными словами, хозяйствующему субъекту должны быть предоставлены равные права по классификации вещества в качестве отхода либо в качестве побочного продукта. В противном случае презумпция опасности образуемых веществ не может быть преодолена хозяйствующим субъектом самостоятельно, о чем свидетельствуют судебные акты по спорам с Федеральной службой по надзору в сфере природопользования (далее — Росприроднадзор). Как правило, контролирующий орган в ходе проведения проверки самостоятельно квалифицирует образование у хозяйствующего субъекта отходов по результатам количественных химических анализов, тем самым лишая его права на идентификацию вещества. Однако, поскольку такое полномочие, в отличие от, например, подобных полномочий органов таможенного контроля¹⁵, не закреплено за Росприроднадзором, при выявлении нарушения обязательных требований Росприроднадзор, в частности, использует следующие формулировки: «не предоставлены материалы об отнесении отхода к конкретному классу опасности, норматив образования данного отхода не установлен в нарушение части 1 статьи 14

¹² См.: п. 4 ст. 51.1 Федерального закона № 7-ФЗ.

¹³ «...На производственной площадке цеха очистных сооружений Общества образуется отход — осадок механической очистки нефтесодержащих сточных вод, содержащий нефтепродукты в количестве менее 15 %, код по ФККО 7 23 102 02 39 4, на данный отход у Общества отсутствует паспорт отхода, что является нарушением частей 2 и 3 ст. 14 Закона № 89-ФЗ» (решение Арбитражного суда Нижегородской области от 10.12.2020 по делу № А43-20552/2020 // КАД «Арбитр»).

¹⁴ См., например: абз. 35 ст. 1, п. 8 ст. 12.

¹⁵ См.: абз. 3 ч. 1 ст. 20 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза: «Проверка правильности классификации товаров осуществляется таможенными органами» (Официальный сайт Евразийского экономического союза // URL: <http://www.eaeunion.org>).

Федерального закона № 89-ФЗ, статьи 18 Федерального закона № 89-ФЗ»¹⁶; «осуществление лицензируемых видов деятельности в отсутствие лицензии в нарушение статьи 9 Федерального закона № 89-ФЗ, пункт 30 части 1 статьи 12 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ “О лицензировании отдельных видов деятельности”»¹⁷. Контролирующий орган, не устанавливая факт образования веществ, обладающих полезными свойствами либо утративших их, тем самым подменяет требования, предъявляемые к хозяйствующему субъекту с опорой на производные доказательства.

Позиция о необходимости урегулирования порядка классификации вещества в качестве побочного продукта подкрепляется тем обстоятельством, что презумпция образования отходов распространяется только на образование твердых коммунальных отходов, которые «являются закономерным и неотъемлемым результатом процесса жизнедеятельности человека»¹⁸. Применительно к другим группам отходов бремя доказывания образования вещества, лишенного полезных свойств, возлагается на контролирующий орган, однако в отсутствие установленного порядка классификации побочного продукта сохраняется риск признания образованного вещества лишенным полезных свойств, опасным для окружающей среды и, как следствие, классификации в качестве отхода.

В отношении процедуры формирования класса и вида отходов существует достаточное количество нормативных правовых актов¹⁹, что невозможно сказать по отношению к урегулированию процедуры классификации побочного продукта. Дисбаланс правовых норм формирует у правоприменителей представление о том, что все вещества должны учитываться в качестве отходов.

Сфера обращения с отходами базируется на императивном методе, согласно которому «один субъект отношения наделяется властью применительно к другому субъекту правоотношения и вследствие этого приобретает возможность определять поведение другого субъекта только в силу занимаемого этим субъектом властного положения»²⁰. Формулировка «запрещено все, что не разрешено» подтверждает невозможность без определенной регламентации классифицировать вещества в качестве побочного продукта. Исключение составляют те виды веществ, в отношении которых законодатель прямо указал на невозможность их классификации в качестве отходов. Так, например, донный грунт в порядке, определенном законодательством Российской Федерации, не относится к отходам (ст. 1 Федерального закона № 89-ФЗ). В отношении побочного продукта животноводства установлено самостоятельное регулирование²¹, чему предшествовало формирование судебной прак-

¹⁶ Решение Арбитражного суда Свердловской области от 10.01.2022 по делу № А60-41556/2021 ; решение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 17.12.2020 по делу № А07-24091/2019 // КАД «Арбитр».

¹⁷ Решение Арбитражного суда Тульской области от 14.01.2022 по делу № А68-12007/2021 // КАД «Арбитр».

¹⁸ Определение Верховного Суда РФ от 26.02.2016 № 309-ЭС15-13978 // КАД «Арбитр».

¹⁹ См.: приказ Минприроды России от 08.12.2020 № 1027 ; приказ Росприроднадзора от 28.06.2021 № 388 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по надзору в сфере природопользования предоставления государственной услуги по подтверждению отнесения отходов I–V классов опасности к конкретному классу опасности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

²⁰ Ильин А. В. Конституционное право России. Авторский курс. М. : Эксмо, 2022. С. 12.

²¹ См.: Федеральный закон от 14.07.2022 № 248-ФЗ «О побочных продуктах животноводства и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. I). Ст. 5215 ; постановление Правительства РФ от 31.10.2022 № 1940 «Об утверждении требований к обращению побочных продуктов животноводства» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

тики²² по вопросу классификации отходов сельского хозяйства в качестве побочного продукта.

В целом стоит отметить, что даже несмотря на отсутствие правовой регламентации установления принадлежности вещества к побочному продукту в судебной практике находятся примеры формирования подходов к классификации веществ в качестве побочных продуктов и подтверждения правомерности действий хозяйствующих субъектов. Так, например, в отношении осадка сточных вод формируется подход, при котором суд по итогам исследования технологического процесса основного производства приходит к выводу о том, что осадок сточных вод является побочным продуктом²³.

Тем не менее, реализуя право на судебную защиту, хозяйствующий субъект не наделяется гарантиями успешного разрешения спора. Ввиду отсутствия унифицированного подхода к классификации вещества в качестве побочного продукта вопрос об этом исследуется судом в каждом конкретном случае на основании совокупности доказательств.

Таким образом, требуется совершенствование законодательства в части указания на порядок классификации вещества в качестве побочного продукта и формирования доказательственной базы отнесения вещества к побочному продукту во внесудебном порядке для целей исключения разрешения споров в суде, что может быть сформулировано в законопроекте «О построении экономики замкнутого цикла».

Дополнительно Минприроды России занимается формированием подходов и конкретизацией перечня документов, подтверждающих классификацию вещества в качестве побочного продукта в проекции действующего законодательства. Минприроды России излагает свою позицию в разъясняющих документах²⁴. Однако издание нормативных правовых актов в виде писем, распоряжений и телеграмм не допускается²⁵, поэтому письма Минприроды России хотя и содержат ответы на конкретные вопросы, тем не менее не подлежат обязательному применению всеми хозяйствующими субъектами. В свою очередь, при формировании последних законодательных изменений позиция по документальному обоснованию классификации побочного продукта не выражена, в связи с чем такие письма являются единственным источником правовой позиции уполномоченных органов, которую можно было бы учесть при теоретическом обосновании введения порядка классификации вещества в качестве побочного продукта. Возможно, эти наработки будут использованы при выработке политики в свете экономики замкнутого цикла.

Вопрос по подготовке документов на побочный продукт Минприроды России исследуется как по вертикальному принципу — применительно к каждому виду побочных продуктов (побочные продукты животноводства²⁶, отработанные трубы нефте- и газопроводов²⁷), так и с использованием горизонтального регули-

²² См., например: решение от 14.11.2022 по делу № А63-1167/2022 Арбитражного суда Ставропольского края // КАД «Арбитр» («Навоз является естественным побочным продуктом, образующимся в результате содержания сельскохозяйственных животных»).

²³ См., например: решение Арбитражного суда Мурманской области от 15.07.2022 по делу № А42-11691/2021 (оставлено в силе постановлением Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.12.2022) // КАД «Арбитр».

²⁴ П. 6.2 Положения о Минприроды России (утв. постановлением Правительства РФ от 11.11.2015 № 1219) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

²⁵ См.: п. 2 постановления Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // СЗ РФ. 1997. № 33. Ст. 3895.

²⁶ Письмо Минсельхоза России от 11.08.2016 № ВА-14-27/8782 «О лицензировании деятельности по сбору, транспортированию, обработке, утилизации отходов I–IV классов опасности» (вместе с письмом Минприроды России от 05.05.2016 № 04-12-27/9376) // СПС «КонсультантПлюс».

рования порядка их классификации²⁸. Соответственно, только при совокупном анализе всех аналогичных писем можно вывести представление о позиции органа государственной власти, вырабатывающего политику в сфере охраны окружающей среды, в отношении подтверждения вещества как побочного продукта.

По итогам анализа разъясняющих актов Минприроды России их можно разделить на следующие группы:

1) документы, определяющие использование побочного продукта в собственном производстве или для передачи третьим лицам;

2) документы, выделяемые по сфере действия: документы в сфере охраны окружающей среды и (или) документы стандартизации.

Минприроды России указывает на то, что законодательство Российской Федерации не предъявляет требований к стандартизации побочных продуктов производства, если они используются в том же или другом производстве без передачи иным лицам. В случае передачи иным лицам такая побочная продукция производства должна быть стандартизирована в установленном порядке²⁹. Как следует из разъясняющего акта, подготовка документов стандартизации потребует только в случае передачи побочного продукта третьим лицам. В отношении природоохранных документов Минприроды России не делает соответствующего вывода, из чего следует, что данные документы при необходимости их составления должны быть оформлены вне зависимости от субъекта, который планирует использовать побочные продукты.

Документы стандартизации

Документы стандартизации не всегда носят характер нормативного правового акта. В природоохранных отношениях, как отмечает Т. В. Петрова, «сложилась трехзвенная иерархическая система регулирования: федеральный закон — подзаконный нормативный правовой акт — методический документ»³⁰, и «определяющее значение части имеют не правовые, а технические нормы, установленные методическими документами (методиками, методическими указаниями, рекомендациями и т.п.)»³¹. Следуя такой логике, для «конвертации» технических норм о соответствии вещества побочному продукту в правовые нормы предполагается разработка подзаконных нормативных правовых актов (постановлений Правительства РФ, приказов Минприроды России), а также методических рекомендаций и ГОСТов по вопросу составления технических регламентов, описывающих процесс образования побочного продукта у хозяйствующего субъекта. При этом, как в экологической парадигме имеется проблема гармонизации экологического нормирования³², так же и в правовом поле существует проблема разграничения порядка отнесения вещества, поскольку в том числе от эффективности соблюдения экологического нормирования зависит характер вещества, образуемого по итогам основного производства. Таким образом, требуется не только упорядочивание технических норм, регламентирующих нормирование, но и формирование документов, направленных на установление правовой базы для побочного продукта.

²⁷ Письмо Минприроды России от 23.10.2017 № 12-47/27366 «Об обращении с отработанными трубами нефте- и газопроводов» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸ Письмо Минприроды России от 31.03.2023 № 25-47/11570 «О побочных продуктах производства» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹ Письмо Минприроды России от 15.08.2023 № 25-47/30180 «О рассмотрении обращений» // СПС «КонсультантПлюс».

³⁰ Петрова Т. В. Правовое регулирование нормирования воздействия на окружающую среду: новые подходы и старые проблемы // Экологическое право. 2018. № 5.

³¹ Петрова Т. В. Указ. соч.

³² Андреева Е. М. Состояние экологического законодательства о нормативах качества окружающей среды // Экологическое право. 2020. № 6.

Для выработки позиции по комплексу документов необходимо проанализировать судебные решения, не связанные с государственным экологическим контролем (надзором), поскольку отнесение вещества к побочному продукту также является предметом исследования иных видов контроля. Вместе с тем вопрос о классификации вещества в качестве отхода или побочного продукта рассматривается и в рамках таможенного и налогового контроля.

В рамках таможенного контроля, как правило, для установления существенных обстоятельств по делу опираются исключительно на товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза³³, без ссылок на документы стандартизации и Федеральный закон № 89-ФЗ. Тем не менее существуют и судебные решения, где в качестве обоснования использовались в том числе документы стандартизации. Арбитражный суд г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области указывает, что кормовая добавка не является зерновыми отходами и не содержит их³⁴, она выступает побочным продуктом, вывод о чем сделан судом в том числе на основании ГОСТ Р 52812-2007 «Смеси кормовые. Технические условия»³⁵.

В другом случае Арбитражный суд Рязанской области³⁶ при установлении правомерности доначисления налога на добавленную стоимость в связи с применением ставки НДС 10 % при реализации кукурузного глютенa ссылается на ГОСТ 32902-2014 «Крахмал и крахмалопродукты. Термины и определения», ГОСТ 30772-2001

«Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Термины и определения». По итогам анализа он приходит к выводу, что из положений ГОСТ Р 55489-2013 не следует, что «кукурузный глютен относится к отходам производства либо к кормовым смесям, принимая во внимание его процесс выработки и специальное производственное назначение — в качестве высокобелковой добавки в составе комбикормов и кормовых рационов». Суд в данном случае, как и при рассмотрении споров в рамках экологического контроля, опирался на документы стандартизации, назначение побочного продукта, подтверждавшееся письмами контрагентов об использовании кукурузного глютенa в качестве пищевой добавки в корм, без ссылки на Федеральный закон № 89-ФЗ. Таким образом, судом было выявлено полезное использование вещества, в связи с чем вопрос об определении товара был решен в пользу его полезных характеристик и соответствия критериям побочного продукта.

Таким образом, вопрос о классификации вещества в качестве отхода или побочного продукта в том случае, когда суды делают вывод об отнесении вещества к побочному продукту, может быть разрешен без отсылки к природоохранному законодательству, и в частности Федеральному закону № 89-ФЗ. Основываясь на цели использования вещества, что сформулировано в стандартах, суды делают вывод о правомерности классификации хозяйствующим субъектом вещества в качестве побочного продукта.

³³ См., например: решение Арбитражного суда Приморского края от 24.01.2023 по делу № А51-17700/2022 ; решение Арбитражного суда Нижегородской области от 03.02.2023 по делу № А43-16006/2021 // КАД «Арбитр».

³⁴ Решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 28.12.2019 по делу № А56-115449/2019 // КАД «Арбитр».

³⁵ ГОСТ Р 52812-2007. Смеси кормовые. Технические условия. Утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 27.12.2007 № 439-ст // URL: <https://files.stroyinf.ru/Data/442/44219.pdf> (дата обращения: 20.02.2024).

³⁶ Решение Арбитражного суда Рязанской области от 24.03.2023 по делу А54-6852/2022 // КАД «Арбитр».

³⁷ Письмо Минприроды России от 31.03.2023 № 25-47/11570 «О побочных продуктах производства» ; письмо Минприроды России от 15.08.2023 № 25-47/30180 «О рассмотрении обращений» // СПС «Консультант-Плюс».

Документы в сфере охраны окружающей среды

Минприроды России, помимо программы производственного экологического контроля³⁷, прямо не указывает на конкретные виды документов в сфере охраны окружающей среды, которые требуется составить хозяйствующему субъекту для использования побочного продукта в хозяйственном обороте. По мнению названного ведомства, документы должны составляться «с учетом природоохранных требований»³⁸. Одним из таких требований является обязательность оценки воздействия на окружающую среду при принятии решений об осуществлении хозяйственной и иной деятельности и обязательность проведения проверки документации, обосновывающей хозяйственную и иную деятельность, которая может оказать негативное воздействие на окружающую среду, на соответствие требованиям технических регламентов в области охраны окружающей среды³⁹. Оценка воздействия на окружающую среду и проверка документации осуществляется в рамках проведения государственной экологической экспертизы (далее — ГЭЭ). Как следует из ст. 11, 12 Федерального закона от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе»⁴⁰, объектами ГЭЭ могут быть проекты технической документации на новые технику, технологию, использование которых может оказать воздействие на окружающую среду, новые вещества, которые могут поступать в окружающую среду, пестициды и агрохимикаты.

Экологическое законодательство устанавливает ряд принципов, которые включаются в основные положения об охране окружающей

среды. Одними из таких принципов являются допустимость воздействия хозяйственной и иной деятельности на природную среду исходя из требований в области охраны окружающей среды, а также обеспечение снижения негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду в соответствии с нормативами в области охраны окружающей среды, что можно достигнуть на основе использования наилучших доступных технологий (далее — НДТ)⁴¹.

Проблемой применения данных принципов в контексте вовлечения отходов в хозяйственный оборот является вопрос о новизне вещества или технологии.

В рамках одного из дел Арбитражный суд Мурманской области установил критерии необходимости проведения ГЭЭ: 1) технология должна быть новой и 2) технология/техника должна оказывать воздействие на окружающую среду. Такой подход он выразил при рассмотрении жалобы заявителя на предписание Росприроднадзора в отношении обработки осадка сточных вод и дальнейшего получения заявителем почвогрунта. Несмотря на позицию Росприроднадзора об использовании заявителем в своей деятельности отходов, суд установил, что технология, проектируемая в соответствии со сводами правил и включенная в справочник НДТ, новой не является, а соответственно, образуемая продукция не может рассматриваться как новое вещество, которое может поступать в природную среду⁴². Суд при разрешении спора ссылался на разработанные технические условия на почвогрунт, свод правил СП 32.13330.2018 «Свод правил. Канализация.

³⁸ См.: письмо Минсельхоза России от 11.08.2016 № ВА-14-27/8782 «О лицензировании деятельности по сбору, транспортированию, обработке, утилизации отходов I–IV классов опасности» (вместе с письмом Минприроды России от 05.05.2016 № 04-12-27/9376) ; письмо Минприроды России от 28.07.2021 № 25-50/10539-ОГ «О рассмотрении обращения по вопросу продажи отходов I–IV классов опасности» // СПС «КонсультантПлюс».

³⁹ См.: ст. 3 Федерального закона № 89-ФЗ.

⁴⁰ СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4556.

⁴¹ См.: ст. 3 Федерального закона № 89-ФЗ.

⁴² Решение Арбитражного суда Мурманской области от 15.07.2022 по делу № А42-11691/2021 // КАД «Арбитр».

Наружные сети и сооружения. СНиП 2.04.03-85»⁴³, ГОСТ 30772-2001 «Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Термины и определения»⁴⁴, информационно-технический справочник по НДТ ИТС 10-2019 «Очистка сточных вод с использованием централизованных систем водоотведения поселений, городских округов»⁴⁵, а также на разъяснения Росприроднадзора и Минприроды России⁴⁶. Таким образом, суд встал на сторону подателя жалобы, согласно мнению которого «технология, включенная в справочник НДТ, не только характеризуется наименьшим уровнем негативного воздействия на окружающую среду, относится к ресурсо- и энергосберегающим методам, но и не является новой»⁴⁷.

Впрочем, такая практика не является устоявшейся. Например, Арбитражный суд Краснодарского края посчитал, что «на законодательном уровне установлено, что осадки (илы) биологических очистных сооружений хозяйственно-бытовой и смешанной канализации после завершения операций по их обработке согласно технологическому регламенту являются отходами производства и потребления»⁴⁸, поэтому даже ссылка заявителя на положительное заключение ГЭЭ о том, что осадок сточных вод является

не отходом, а сырьем для производства агрохимиката, не принята судом во внимание. Только суд апелляционной инстанции указал: «Учитывая вышеизложенное, в рассматриваемом случае осадки сточных вод не являются отходами в понимании Федерального закона № 89-ФЗ, при этом после обезвреживания, обладая потребительскими свойствами, выступают сырьем для производства органических удобрений, следовательно, не могут быть квалифицированы как отходы, подлежащие учету образовавшихся, использованных, обезвреженных, переданных другим лицам или полученных от других лиц, а также размещенных отходов»⁴⁹. Примечательно, что суд первой инстанции не посчитал убедительной позицию заявителя даже при положительном заключении ГЭЭ, которое научно⁵⁰ обосновывает применение технологии.

На комплексное предотвращение и (или) минимизацию негативного воздействия на окружающую среду направлены НДТ, как это следует из ст. 28.1 Федерального закона № 7-ФЗ. Иными словами, НДТ предотвращают негативные последствия хозяйственной деятельности для окружающей среды, в том числе при образовании побочных продуктов.

⁴³ СП 32.13330.2018. Свод правил. Канализация. Наружные сети и сооружения. СНиП 2.04.03-85. Утвержден приказом Минстроя России от 25.12.2018 № 860/пр // URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/df7/SP-32.13330.2018.pdf> (дата обращения: 20.02.2024).

⁴⁴ ГОСТ 30772-2001. Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Термины и определения // URL: <https://files.stroyinf.ru/Data2/1/4294846/4294846828.pdf> (дата обращения: 21.02.2024).

⁴⁵ НДТ ИТС 10-2019. Очистка сточных вод с использованием централизованных систем водоотведения поселений, городских округов // URL: <https://xn----gtbnrdgyt.xn--p1ai/wp-content/uploads/2019/12/ITS-10-2019.pdf> (дата обращения: 20.02.2024).

⁴⁶ Суд ссылается на письмо Росприроднадзора от 07.12.2015 № АС-03-02-36/21630 и письмо Минприроды России от 06.11.2013 № 05-12-44/21713.

⁴⁷ Решение Арбитражного суда Мурманской области от 15.07.2022 по делу № А42-11691/2021 // КАД «Арбитр».

⁴⁸ Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 23.09.2019 по делу № А32-28802/2019 // КАД «Арбитр».

⁴⁹ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.12.2019 по делу № А32-28802/2019 // КАД «Арбитр».

⁵⁰ П. 2 приказа Минпромторга России от 23.08.2019 № 3134 «Об утверждении методических рекомендаций по определению технологии в качестве наилучшей доступной технологии» // СПС «КонсультантПлюс» («При определении технологии в качестве НДТ в дополнение к настоящим методическим рекомендациям могут быть использованы... результаты научно-исследовательских и диссертационных работ, иные источники»).

Применение НДТ для подтверждения отнесения вещества к побочному продукту может стать решением в вопросе о порядке классификации вещества в качестве побочного продукта.

Информационно-технический справочник, который содержит перечень НДТ, является документом национальной системы стандартизации, содержащим систематизированные данные в определенной области и включающим в себя описание технологий, процессов, методов, способов, оборудования и иные данные⁵¹. Следовательно, справочники НДТ могут стать теми документами стандартизации, которые будут обосновывать классификацию вещества в качестве побочного продукта при условии соответствия деятельности хозяйствующего субъекта требованиям НДТ.

Впрочем, для однозначного применения таких предложений представляется необходимым внесение изменений в Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ. Поскольку порядок формирования списка НДТ подразумевает научную апробацию технологий, то такие технологии, включенные в перечень НДТ, уже не могут быть признаны опасными для окружающей среды⁵².

Следовательно, требуется исключить из объектов ГЭЭ технологии, которые признаны наилучшими доступными, и вещества, которые образованы по результатам их применения. Использование НДТ преодолевает презумпцию опасности для окружающей среды образуемых по итогам производства веществ. Таким образом, природоохранные условия соблюдаются.

Тем самым складывается система обращения с побочным продуктом на основе документов, подтверждающих их классификацию. Соответствие деятельности хозяйствующего субъекта НДТ, в ходе применения которой образуется то или иное вещество, позволяет классифицировать его в качестве побочного продукта без дополнительного проведения ГЭЭ в силу того, что соответствие НДТ обеспечивает наименьшее воздействие деятельности на окружающую среду и отвечает направлению максимального использования исходных сырья и материалов, а также предотвращения образования отходов.

В заключение отметим, что необходимость в разграничении отходов производства и потребления и побочного продукта производства является следствием логичного развития экономических интересов хозяйствующих субъектов. Фундамент системы обращения с побочным продуктом производства может быть заложен федеральным законом «О построении экономики замкнутого цикла». Однако для формирования правового обоснования следует проработать уже существующие подходы к классификации побочного продукта производства для того, чтобы минимизировать издержки бизнеса от перехода к экономике замкнутого цикла. При подготовке правовых основ экономики замкнутого цикла к обсуждению предлагаются следующие вопросы:

1) разграничение предмета регулирования законопроекта «О построении экономики замкнутого цикла» и Федерального закона № 89-ФЗ для того, чтобы устранить коллизию в отношении классификации отходов и клас-

⁵¹ См.: абз. 3 ст. 2 Федерального закона от 29.06.2015 № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 3953.

«Справочники разрабатываются в качестве документов национальной системы стандартизации» (п. 2 Правил определения технологии в качестве НДТ, а также разработки, актуализации и опубликования информационно-технических справочников по НДТ (утв. постановлением Правительства РФ от 23.12.2014 № 1458) // СЗ РФ. 2015. № 1 (ч. II). Ст. 253).

⁵² Как следует из п. 17 Правил определения технологии в качестве НДТ, а также разработки, актуализации и опубликования информационно-технических справочников по НДТ (утв. постановлением Правительства РФ от 23.12.2014 № 1458), наименьший уровень негативного воздействия на окружающую среду в расчете на единицу времени или объем производимой продукции (товара), выполняемой работы, оказываемой услуги либо уровень, соответствующий другим показателям воздействия на окружающую среду, предусмотренным международными договорами Российской Федерации, является критерием определения технологии в качестве НДТ.

сификации веществ, обладающих полезными свойствами;

2) подтверждение соответствия хозяйственной деятельности, в результате которой образовались вещества, обладающие полезными свойствами, природоохранным требованиям исходя из использования в технологическом процессе НДТ;

3) формирование основ классификации веществ в качестве побочных продуктов с опорой на документы стандартизации, подтверждающие образование побочного продукта как вещества, обладающего полезными свойствами, а не на природоохранные документы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андреева Е. М. Состояние экологического законодательства о нормативах качества окружающей среды // Экологическое право. — 2020. — № 6.
2. Ильин А. В. Конституционное право России. Авторский курс. — М. : Эксмо, 2022. — 505 с.
3. Петрова Т. В. Правовое регулирование нормирования воздействия на окружающую среду: новые подходы и старые проблемы // Экологическое право. — 2018. — № 5.

Материал поступил в редакцию 21 февраля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Andreeva E. M. Sostoyanie ekologicheskogo zakonodatelstva o normativakh kachestva okruzhayushchey sredy // Ekologicheskoe pravo. — 2020. — № 6.
2. Ilin A. V. Konstitutsionnoe pravo Rossii. Avtorskiy kurs. — M.: Eksmo, 2022. — 505 s.
3. Petrova T. V. Pravovoe regulirovanie normirovaniya vozdeystviya na okruzhayushchuyu sredu: novye podkhody i starye problemy // Ekologicheskoe pravo. — 2018. — № 5.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

✓ Государственное регулирование цифровой экономики.	✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.	✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).	✓ Правовой статус смарт-контрактов.
✓ Правовое регулирование больших данных.	✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).	✓ Информационная безопасность.
✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.	✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

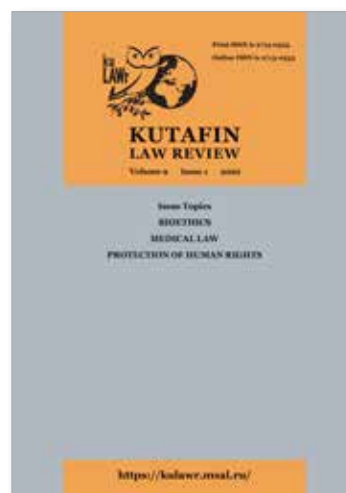
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 19 № 12 (169) декабрь 2024

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471

9 771994 147002